

Р. А. Агеева

**ГИДРОНИМИЯ
РУССКОГО
СЕВЕРО-ЗАПАДА
КАК ИСТОЧНИК
КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ**

УРСС

Р. А. Агеева

**ГИДРОНИМИЯ
РУССКОГО
СЕВЕРО-ЗАПАДА
КАК ИСТОЧНИК
КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ**

Ответственный редактор
академик *Н. И. Толстой*

Издание второе, исправленное

УРСС

Агеева Руфь Александровна

Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Отв. ред. Н. И. Толстой. Изд. 2-е, испр. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

ISBN 5-354-00862-X

В работе рассматриваются названия водных объектов Русского Северо-Запада, конкретно территории Новгородских и Псковских земель. Используются древние и современные источники: письменные и картографические, а также полевые материалы, собранные автором. Показана роль географических названий в исследовании истории и культуры народов, проживавших на Русском Северо-Западе, — славян, балтов и финно-угров. Анализ гидронимов позволяет проследить пути заселения данной территории, направления миграции народов в древности и контакты между различными этносами.

Книга предназначена лингвистам, историкам, этнографам, а также более широкой читательской аудитории.

Рецензенты:

доктор филологических наук *Ж. Ж. Варбот*,
кандидат филологических наук *Н. В. Подольская*

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 12.07.2004 г.
Формат 60×90/16. Печ. л. 16. Зак. № 2-1451/625.

Отпечатано в типографии ООО «РОХОС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

ISBN 5-354-00862-X

© Р. А. Агеева, 1989, 2004
© Едиториал УРСС, 2004

Издательство **УРСС**
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Internet: http://URSS.ru
Тел./факс: 7 (095) 135-42-16
Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

2693 ID 22995

9 785354 008629 >

Введение

В настоящей работе рассмотрены некоторые вопросы гидронимии Русского Северо-Запада в аспекте культурно-исторической информации. Информативность собственных имен является их существенным свойством, позволяющим использовать онимы как в лингвистических, так и в экстралингвистических исследованиях.

Первая глава представляет собой лингвистический анализ гидронимов Северо-Запада, преимущественно русских по происхождению. Она начинается с краткого обзора источников гидронимии Северо-Запада, послуживших фактической основой нашего исследования.

Затем дана оценка различных категорий гидронимов в зависимости от степени их информативности. Так, анализ гидронимов и микрогидронимов показал, что ведущую роль для выделения категории микрогидронимов играет фактор социальной информации. Размах циркуляции микрогидронимов, размеры их информационного поля ограничены, однако ценность этого материала для исследователя может быть чрезвычайно велика, поскольку подавляющее большинство микрогидронимов не утрачивает исходных мотивационных связей. В то же время собственно гидронимы предоставляют богатую информацию за счет изучения значения и структурно-словообразовательных особенностей гидронимов и апеллятивов, лежащих в их основе. Главным средством получения лингвистической информации часто служит этимологический анализ.

При исследовании гидронимов важное значение имеет изучение базовых географических апеллятивов,

или местных географических терминов. Способы рассмотрения апеллятивного материала и его соотношения с соответствующей ономастической лексикой в настоящей работе основаны на ономаσιологическом подходе к гидронимам. При изучении ономастической номинации мы уделяли основное внимание внутренней форме собственных имен, семантике исходных апеллятивных основ, их связи с характером именуемого географического объекта, а также отношениям между мотивирующим апеллятивным словом и мотивированным собственным именем. На большом количестве примеров подтверждается "позитивность" географических названий, что позволяет, в частности, восстанавливать на их основе историко-географические реалии.

Описание наиболее многочисленных групп гидронимов Северо-Запада в зависимости от характера базовых апеллятивов показало, что самыми частотными являются апеллятивы, отражающие физико-географические свойства самого водного объекта, а также ориентацию течения, связь с окружающим рельефом и связь с другими географическими объектами. Достаточно распространены также названия, отражающие флору и фауну региона. Вторую большую группу составляют гидронимы, характеризующие историю, общественно-экономические и социокультурные особенности региона. В гидронимах этого типа нашла широкое отражение русская диалектная и архаическая лексика, что имеет неоспоримую ценность для языковедов и историков.

Гидронимы, наряду с ойконимами, представляют собой самостоятельный источник для изучения антропонимии. Некоторые примеры позволили установить, какие именно — древнерусские или общеславянские — антропонимы были характерны для населения северо-западных областей; в том числе гипотетически вос-

становливаются новые имена и прозвища, не известные до сих пор по имеющимся историческим документам.

Как важнейшее средство выявления лингвистической информации из гидронимического материала рассматриваются структурно-словообразовательные типы гидронимов. Последовательное применение методики словообразовательного анализа позволило изучить виды основ и словообразовательных формантов, их сочетаемость, варьирование основ и формантов, продуктивность отдельных суффиксальных типов и т.п. На всех этапах анализа уделялось значительное внимание словообразовательным типам субстратных гидронимов в отличие от гидронимов русского происхождения. При этом, в частности, был сделан вывод о значительной степени адаптации субстратных названий, включении их в русскую гидронимическую систему Северо-Запада.

Лингвоисторическая информация, извлекаемая из материала гидронимии Русского Северо-Запада и представляющая самостоятельную ценность, в то же время является важным источником для приращения банка данных научных дисциплин исторического цикла. В связи с этим вся вторая глава посвящена значению лингвоисторических данных, полученных на базе гидронимов, для определенных культурно-исторических выводов в отношении избранного региона. Иными словами, перед нами стояла историческая задача, понимаемая широко (история языка как часть истории и культуры народа).

Культурно-историческая информация, базирующаяся на результатах лингвистического анализа гидронимов, может быть разнообразна и многоаспектна. В настоящей работе рассмотрен лишь один ее аспект, с нашей точки зрения чрезвычайно важный, — этноисторическая информация. С этой целью проанализи-

рованы методы ономастики — лингвистический и ареальный, — имеющие наибольшее значение для этноисторических исследований. Наиболее перспективным, на наш взгляд, является такой способ применения ономастических данных, когда лингвистический метод сочетается с ареальным и полученные выводы корректируются полевыми наблюдениями. При изучении гидронимии Северо-Запада используется комплексный метод исследования с применением стратиграфического анализа. Вследствие средней степени изученности топонимии Северо-Запада большую роль приобретает выявление языковой принадлежности гидронимов; в то же время наши материалы предоставляют возможности для изучения внутренней формы, структуры и словообразовательных средств гидронимов славянского, балтийского и финно-угорского происхождения.

Археологические данные и материалы современных северо-западных русских говоров заставляют предполагать значительное влияние субстрата на материальную культуру и язык древнерусского населения изучаемого региона. Разграничение понятий "общезыковой субстрат" и "топонимический субстрат" позволяет дифференцированно подойти к проблеме этнической истории древнерусских племен — словен и кривичей, осваивавших северо-западные земли, заселенные местными финно-уграми и балтами. Разработанные нами критерии выделения субстратных, с одной стороны, и славянских гидронимов, с другой стороны, в совокупности представляют собой предпосылки для этнолингвистической интерпретации гидронимии региона Северо-Запада.

Ранние славянские названия северо-западных земель представлены несколькими словообразовательными моделями, из которых наиболее подробно рассмотрены гидронимы с эпентетическим *л* и с элементом

-гост-/-гощ-. Первая из этих моделей включает в себя большое количество характерных восточнославянских образований, позволяющих приблизительно датировать возникновение ряда гидронимов. Однако есть и целый ряд субстратных названий, оформленных по данной модели; тип гидронимов с эпентетическим *л* следует поэтому считать гетерогенным. Гидронимы с *-гост-/-гощ-* в большинстве случаев возникли от названий населенных пунктов. Исследования лингвистов и археологов позволяют ставить вопрос об ориентирующем характере обеих ранневосточнославянских топонимических моделей для изучения восточнославянского расселения, однако имеющихся данных пока недостаточно для того, чтобы придавать им статус надежного критерия для этноисторических выводов.

Этимологический анализ многих славянских названий водных объектов Северо-Запада показал, что этот регион подвергся ранней славизации. Славянские гидронимы Северо-Запада обнаруживают близкие сходения с гидронимией и апеллятивной лексикой украинского и белорусского языков, а также с гидронимией южно- и западнославянских территорий.

В гидронимии Северо-Запада обнаружено большое количество названий балтийского типа. Некоторые из них носят архаический характер и при широких межрегиональных сопоставлениях выявляют параллели во всей области распространения древнеевропейской гидронимии. Собственно балтийский компонент играл существенную роль в этнической истории Северо-Запада, и граница ареала гидронимии балтийского типа, по нашим данным, проходит значительно севернее, чем предполагалось в предшествующих исследованиях.

Зона Северо-Запада была в древности, до прихода славян, пограничной между балтами и финно-уграми.

Гидронимы свидетельствуют о том, что население финно-угорского, главным образом прибалтийско-финского, этноса было многочисленно. В южных районах исследуемой территории финно-угорское население было рано славянизировано.

Основное внимание в настоящей работе уделялось гидронимии тех областей (Псковских земель и южных Новгородских пятин), в которых балтийский и финно-угорский гидронимические пласты выступают именно как субстратные. Тем самым создается основа для дальнейшего этнолингвистического изучения территорий, которые в определенном отношении длительное время оставались белым пятном на карте этнической истории Северо-Запада, особенно для периода первой половины I тыс. н.э. Сложная этническая история Северо-Запада отражена в гидронимии этого района: наличие нескольких языковых слоев, взаимодействие между собой балтийского и финно-угорского элементов, взаимодействие с ними славянского этноязыкового элемента в условиях ранней славизации района и внутрорегионального языкового контактирования.

Структура настоящей работы нуждается в обосновании с точки зрения последовательности разделов и логики изложения. В отличие от ономастических работ, цель которых — систематическое описание географических имен определенного региона и этимологизация имен по принципу "от наиболее прозрачных названий — к затемненным, в том числе субстратным", данная монография ориентирована прежде всего на выявление этноисторической информации с помощью гидронимической лексики. Специфическая направленность работы диктует и необходимость нетрадиционного расположения материала с точки зрения его значимости для этноисторических исследований. По этой причине изложение в первой главе начинается

с принципов номинации, характерных для гидронимов русского происхождения, позволяющих связать географические имена с соответствующими историческими и географическими реалиями.

Словообразовательный анализ, следующий за принципами номинации, открывает возможности более дифференцированного лингвистического анализа русских гидронимов, уточнения их этимологии, а также выявления более древних славянских словообразовательных типов и вероятных субстратных названий.

С точки зрения историка языка, этимолога, естественно было бы ожидать, что за анализом принципов номинации и словообразования этимологически прозрачных гидронимов и на основе этого анализа последует рассмотрение более древних и этимологически неясных образований. Однако проводимое во второй главе изучение древних славянских и субстратных (балтийских и финно-угорских) названий мы сочли необходимым предварить изложением значения методов ономастики для этноисторических исследований, сведений по этнической истории Северо-Запада и проблем языкового субстрата. Дело в том, что указанные сведения представляют необходимые фоновые знания для интерпретации более трудных и этимологически неясных названий, какими являются древние славянские, балтийские и финно-угорские гидронимы сложной в этноисторическом отношении территории Северо-Запада.

Для дальнейшего изложения существенно понятие информативности собственного имени. Термин "информация" в современной науке и в общелитературном употреблении имеет несколько значений. Согласно определению "Философского энциклопедического словаря" [ФЭС, 1983, 217], этот термин (от латинского *informatio* — ознакомление, разъяснение, представле-

ние, понятие) может означать: 1) сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми; 2) [в теории вероятности] уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщений; 3) [с точки зрения математических подходов] сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик; 4) передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы).

В настоящей работе термин "информация" употребляется преимущественно в первом, отчасти в четвертом из перечисленных значений. Информация, о которой далее идет речь, относится в широком смысле к разряду научной информации, под которой понимается "логическая информация, получаемая в процессе исследовательской деятельности, направленной на познание объективных закономерностей окружающей действительности" [Коган, 1981, 26]. Лишь в разделе, посвященном микрогидронимам, мы пользуемся понятием социальной информации и рассматриваем материал с позиций социологии и синхронной лингвистики.

Понятие информации собственного имени, информативности отдельных групп собственных имен вошло в современную ономастическую литературу. Так, А.В. Суперанская в монографии "Общая теория имени собственного" уделяет информации большое внимание при теоретическом анализе природы и различных аспектов собственных имен. В частности, информация включается ею в число факторов, из которых складывается семантика имени [Суперанская, 1973, 322—323]. Автором также разработано понятие о "внешней" и "внутренней" (т.е. языковой) информации топонима [Суперанская, 1985, 120—126].

В настоящей работе мы пользуемся терминами: 1) информативность собственного имени" (а не "информация имени"), т.е. свойство имени быть источником информации; 2) "лингвистическая информация" (а не "языковая"), т.е. информация, получаемая исследователем в результате лингвистического анализа. Соответственно в работе используются термины: лингвоисторическая, этноисторическая, культурно-историческая и т.п. информация¹.

Особо тесная связь собственного имени с обозначаемым им объектом, — связь, которая, например, позволила С. Крипке [Kripke, 1980, 48—53] говорить о подлинных собственных именах как о "жестких десигнаторах", — выдвигает на первый план изучение референциальной функции имен собственных. Вообще различные функции языка и функции имени имеют прямое отношение к проблеме информативности собственных имен. Например, коммуникативная функция имен в речи (в том случае, если имя служит основой сообщения). Впрочем, не все исследователи признают наличие этой функции у собственных имен, так как коммуникативная функция присуща предложению, а не отдельному слову. По мнению Ю.А. Карпенко [1980], можно выделить особую информационную функцию собственных имен. В противоположность этому А.В. Суперанская [1973, 274] справедливо полагает, что информация имени — не функция, так как при одной и той же содержащейся в имени информации оно может вы-

¹ Ввиду существующего в литературе разнобоя в употреблении терминологии отметим также, что мы последовательно употребляем термины "лингвоисторический" (а не "историко-лингвистический", в том же значении), "культурно-исторический" (а не "историко-культурный", в том же значении), имея в виду слово "исторический" в качестве опорного компонента данных сложных слов.

полнять разные функции. Информация — то, что есть в имени объективно, функция — роль, которую имя исполняет.

Исследователи выделяют как важные функции собственных имен функции идентификации, дифференциации и т.п., а также аккумулярующую функцию, поскольку многие из собственных имен хранят концентрированную информацию о былых эпохах, смене народов, миграциях и т.п. [Суперанская, 1973, 273]. Эта функция прямо соотносится со свойством информации передаваться, храниться и накапливаться с течением времени.

Н.В. Подольская при исследовании информативности топонимов приходит к выводу о том, что основная информация, получаемая от топонима, соответствует основной функции топонима в языке — номинативной, или функции названия. В статье "Какую информацию несет топоним?" Н.В. Подольская осуществила одну из первых в отечественной топонимике попыток дать количественную и качественную оценку информации, получаемой от различного рода топонимов любым носителем данного языка и исследователем — как в синхронном, так и в диахроническом планах. В частности, разные виды топонимов [см. табл. в кн.: Подольская, 1964, 93] позволяют ответить положительно или отрицательно на следующие вопросы: 1) географическое ли это название; 2) можно ли определить характер объекта, к которому название относится; 3) понятно ли значение производящих основ; 4) можно ли определить, где находится объект.

Делались попытки и анализировать информацию, получаемую от собственного имени, с точки зрения ее отдельных типов. Исследователи различают три типа информации, которую несет имя: речевую, языковую и энциклопедическую, причем речевая информация "осуществляет связь имени с объектом и выявля-

ет отношение говорящего к объекту"; энциклопедическая информация — это "комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, пользующемуся данным именем"; языковая информация включает сведения о языковой принадлежности имени или лежащего в его основе апеллятива, словообразовательной модели имени, этимологическом смысле, основе номинации, обстоятельствах номинации [Суперанская, 1973, 260].

Информативность имени собственного отчетливо ощущается специалистами в области ономастики, а также представителями смежных с ней дисциплин — географами, историками, этнографами и т.д. Информация, извлеченная из анализа собственных имен, используется не только в собственно лингвистических, но и в экстралингвистических целях. Например, Э.М. Мурзаев [1982, 127—137] говорит об "информационной способности топонима", о его "информационном потенциале", имея в виду мотивированность многих топонимов. Автор приводит многочисленные примеры названий, дающих информацию о свойствах физико-географических объектов, названий, способствующих пониманию динамичности ландшафтов, восстановлению древних ареалов видов животных, поискам полезных ископаемых. Этим же вопросам информативности географических названий, возможностям, предоставляемым ими для познания окружающего нас мира, т.е. гносеологической функции собственных имен, в значительной мере посвящена и наша книга о гидронимии [Агеева, 1985].

На наш взгляд, между изложенными точками зрения на информативность собственных имен нет принципиального расхождения. Исследователи лишь подчеркивают различные стороны проблемы, связывая информативность онимов с той или иной функцией, присущей

собственному имени. Иерархия этих функций, степень их значимости для информативности собственного имени — особый вопрос, который требует дальнейшего исследования. Однако несомненно, что все функции имен вместе взятые определяют особую роль, которую изучение онимов играет в общей системе научного знания. Исследование ономастической лексики позволяет не только уяснить социальную природу имени, его возникновение и функционирование в обществе — как в синхронном, так и в диахронном планах, — но и реконструировать мотивы номинации людей и географических объектов, проследить изменения языка, исторические процессы в развитии общества и его культуры. Изучение ономастической лексики в этноисторическом аспекте является важным фактором (а иногда и единственным), позволяющим реконструировать территорию и язык различных древних этносов, дает возможность изучать миграции и смену этносов на определенных территориях. Именно эти свойства онимов являются эмпирической основой для обоснованных теоретических выводов в ономастике, служат дополнительным ценным материалом для лингвистических, этноисторических и в целом культурно-исторических исследований.

Как нам представляется, соотношение имя/объект является фундаментальным при изучении информационных процессов, связанных с возникновением и функционированием собственного имени. На имя, по видимому, могут быть спроецированы так называемые информациогенные свойства именуемого объекта, под которыми понимается "совокупность черт, стимулирующих введение сообщения со сведениями о данном базовом факте в канал и последующее превращение сведений в сообщаемую информацию" [Жоган, 1981, 55].

Языковые знаки являются средством передачи ин-

формации. Высказывалось мнение о том, что собственные имена содержат скрытую, как бы закодированную информацию, которая актуализируется в процессе передачи сообщения, в конкретном речевом акте. Так, в большинстве современных работ по антропимике процесс создания личных имен рассматривается как своего рода разновидность кодирования исторической и социокультурной информации. При этом личные имена воспринимаются как совокупность знаков или же социальных знаков, как своеобразный социокультурный ситуативный контекст [Агеева, Бахмян, 1984, 6].

Разумеется, в процессе присвоения имен людям или географическим объектам имядатели далеко не в каждом случае сознательно руководствуются стремлением передать определенную информацию. Информация всегда предполагает сознательно передаваемое сообщение, но характеризует не само сообщение, а соотношение между сообщением и его потребителем [Тростников, 1970, 15]. В случае объектов, подлежащих именованию, речь может идти лишь о стихийной информации, закодированной в имени собственном благодаря его социальному характеру. Так, антропимы и топонимы в своей материальной форме могут заключать определенные сведения о культурно-исторических особенностях данной общественной формации.

В настоящей работе исследовательский материал — гидронимы Русского Северо-Запада — рассматриваются как источник лингвистической и культурно-исторической информации. Под культурой понимается "специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе" [ФЭС, 1983, 292]. Культурно-

историческая информация, передаваемая собственными именами, — информация о развитии культуры и общества, об отдельных этапах этого развития, об особенностях данного этноса и его материальной и духовной культуры и т.д. Будучи сами, как и язык в целом, явлением духовной культуры, собственные имена служат средством для передачи разнообразной информации между членами данного коллектива. Язык представляет собой не только код или способ выражения мыслей, но и источник сведений о национальной культуре народа, а социальность языка — диалектическое единство языка и культуры, языка и общества [Верещагин, Костомаров, 1976, 12—13]. Поскольку основной элемент языка, в котором находит свое отражение культура, — слово, собственные имена находятся целиком в сфере функционирования социальной информации. Собственные имена отражают все основные аспекты культуры: 1) природные условия (естественный фон культуры); 2) производственные и торговые отношения; 3) идеологию, общественную мораль и общественное устройство; 4) культурное наследие в событийном аспекте; 5) культурное наследие в аспекте материальных и духовных ценностей; 6) художественное творчество².

Мы говорили, что информативность собственного имени связана с его коммуникативной функцией, если имя составляет основу сообщения. Передаваемое сообщение при этом предполагает наличие некоего связного текста. О каком же тексте и о какой передаче информации может идти речь, если анализируется, например, совокупность разрозненных собственных имен, взятых списком или перечнем?

² Перечень аспектов культуры производится по кн: [Верещагин, Костомаров, 1976].

Тем не менее в литературе были сделаны попытки рассматривать как текст и такие совокупности собственных имен. Мы имеем в виду, например, работу Л.М. Щетинина "Антропонимический текст как источник исторической информации". Л.М. Щетинин пишет: "Антропонимические словесные знаки, организованные в речевые последовательности определенных типов, в сочетании с обязательными или факультативными апеллятивами образуют тексты, которые по преобладающим компонентам и функциональной (номинативной) направленности могут быть названы антропонимическими. К ним относятся: рекрутские и другие списки, раздаточные ведомости, ревизские сказки, канцелярские алфавиты и т.п. В коммуникативном отношении компоненты одного списка объединены задачей дать информацию о принадлежности всех референтов, обозначенных антропонимами, к определенной категории лиц... Связность антропонимического текста достигается единством коммуникативной задачи, референционной однородностью, синтаксическим согласованием антропонимических компонентов, стереотипной структурой предикативной апеллятивной части списка, графическим униформизмом и, как правило, регулярностью антропонимической формулы... В пределах одного или ряда документов, объединенных единством автора, в исследуемый период прослеживается и диалектно-фонетическое единство текста..." [Щетинин, 1980, 163—164].

Л.М. Щетинин исследует антропонимы в списочных текстах, в конкретных письменных документах, вводя понятие антропонимического текста. Как нам представляется, термин "текст" может быть условно применен и, например, к совокупности географических названий определенного региона, извлеченных из синхронных источников и представленных как объект для

исследовательской работы. В семиотическом плане этот "текст" сообщает информацию, закодированную в каждом топониме и во всей совокупности топонимов, в способах их организации в ряды и в топонимическую систему и т.п. Топонимический "текст", понимаемый таким образом, может "читаться" как горизонтально (в синхронном плане), так и вертикально (в диахронном плане). И в том, и в другом случаях исследователь извлекает из топонимов лингвистическую и экстралингвистическую информацию, вводимую им в общий фонд научной информации. Следует оговориться, что понятие "текст" в указанном смысле носит характер рабочей гипотезы, позволяющей пространственно смоделировать топонимический материал, организовать его подобно тому, как это делает топонимическая карта, на которой "читаются" ареалы, страты и т.д.

Лингвистическая и культурно-историческая информация, извлекаемые из географических названий, находятся между собой в определенном соотношении. Выводы о культурно-исторической информации в значительной мере базируются на основе результатов лингвистического анализа, подкрепляясь данными наук исторического цикла. В то же время наблюдается некое взаимодействие между этими видами информации, взаимообусловленность и единство основных комплексов научных данных. Топонимия, подобно антропонимии, тесно связана с историей и культурой общества. В ней отражаются особенности этногенеза и этнических процессов, происходивших как в глубокой древности, так и в более поздние эпохи, включая современность. Топонимический материал предоставляет информацию о переселениях народов, о быте и способах ведения хозяйства у того или иного народа, отражает духовную жизнь народа (например, мифологические представления и религиозные верования), а также влияние на

данную культуру культур других народов. Это связано с тем, что топонимы в своей массе обладают сложной и разноплановой семантической структурой, вызывающей переплетение социальных, культурных, исторических и других ассоциаций [см.: Леонович, 1977, 84].

Соотношение лингвистической и культурно-исторической информации неоднозначно благодаря, в частности, выборочности языковых средств, используемых носителями данного языка или диалекта при создании географических названий, прежде всего благодаря выборочности лексического материала. Это явление хорошо проиллюстрировала Н.В. Подольская [1961], сопоставившая данные топонимики и этнографии по территории Ленинградской и Псковской областей. Топонимы могут отражать определенные стороны жизни и деятельности человека, что обуславливает наличие связей топонимики с соответствующими разделами этнографии. Однако, как показывает материал Н.В. Подольской, топонимы в большей степени связаны с такими темами этнографии, как земледелие, ремесла, рыбный и лесной промыслы, и меньше — с такими, как одежда, пища, жилище. Эти особенности обязательно следует учитывать при оценке информационной роли собственных имен.

В указанном отношении гидронимия обладает еще большей спецификой, чем другие виды географических названий. В основном сложившаяся в древности, до возникновения большинства названий населенных пунктов, гидронимия в большей степени отражает особенности природной среды, чем многие другие разряды собственных имен. Тем не менее все остальные аспекты культурно-исторической информации также нашли отражение в гидронимах, что будет продемонстрировано в последующем изложении. Особенности же природной среды, воспринимаемой как естест-

венный фон культуры каждого народа, в полной мере отразились через многочисленные и разнообразные апеллятивы, лежащие в основах гидронимов. Анализ базовой нарицательной лексики гидронимии поэтому является обязательной, необходимой и чрезвычайно важной стороной гидронимического исследования. Изучение апеллятивов как базы номинации гидронимов (проводимое в первой главе книги) в методологическом плане позволяет установить промежуточное звено между лингвистической и экстралингвистической информацией. Соотношение этих двух видов информации, получаемой от собственных имен, представляется сложным и пока недостаточно изученным. Его дальнейшее исследование может проводиться многоаспектно и с позиций самых разных лингвистических теорий, в том числе с позиций теории информации, теории референции, ономазиологии и т.д.

ГЛАВА I

Принципы номинации и словообразование гидронимов Русского Северо-Запада

Источники гидронимии Русского Северо-Запада

В понятие Русского Северо-Запада мы включаем новгородские и псковские земли в границах XII — начала XVI в. В соотношении с современным административным делением эта территория охватывала Псковскую, Новгородскую, Ленинградскую области, часть Вологодской и Тверской областей, Карелии и Финляндии.

В XVI в. еще сохранялось деление Новгородских земель на пятины и погосты. История Новгородских земель была подробно изучена К.А. Неволным. Большинство русских исследователей относили деление Новгородских земель на пятины к глубокой древности и связывали его с пятью "концами" Новгорода. К.А. Неволин предположил, что пятины были учреждены Иваном III после 1477 г. В правительственных актах К.А. Неволин встретил впервые указание на Шелонскую пятину в 1497—1498 гг., Деревскую — в 1495—1496 гг. При учреждении пятин Иван III, вероятно, имел в виду и прежние новгородские деления и названия их перенес на пятины. Каждая пятина делилась на две половины; пятины состояли из более мелких административных единиц — погостов.

Новгородские земли состояли из Водской, Ше-

лонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин. К.А. Неволлин [1853, 228—236] проследил дальнейшую судьбу Новгородских пятин и погостов начиная со Столбовского мирного договора 1617 г.; создание губерний при Петре I в 1708 г., разделение губерний на провинции в 1719 г.. При Екатерине II с 1775 г. происходили большие изменения в границах губерний согласно Генеральному межеванию. Изменения происходили и позже. В XIX в. исторические земли Северо-Западной Руси в основном входили в состав Новгородской, Псковской, С.-Петербургской, Тверской и Вологодской губерний.

Для изучения гидронимии псковских и новгородских земель важен материал, который дают существующие письменные и картографические источники XVI—XIX вв., частично современные¹. Ранние источники позволяют исследовать историю форм гидронимов, и древние их варианты следует учитывать при словообразовательном и этимологическом анализе гидронимов. В первую очередь необходимо привлечь псковские и новгородские летописи, а также работу Н.П. Барсова "Географический словарь Русской земли", основанную на материалах летописей и др. источников.

Существенные данные могут быть извлечены из псковских и новгородских писцовых книг, причем с целью этимологизации в данной работе мы изучали не только географические названия, но и личные имена. Полезны также указатель к писцовым книгам П. Иванова, пособие Д.И. Прозоровского и монография К.А. Неволлина. Дополнительный материал дают "Книга Большому Чертежу" XVII в., акты и грамоты, относящиеся к разным эпохам.

Чрезвычайно важный гидронимический источник

¹Список источников см. в конце работы.

XVIII в. — "Планы Генерального межевания", к которым приложены экономические примечания, а также описания рек, речек и озер. Этот источник дает огромный материал для исследования. Так, в описаниях водных объектов Новгородской губ. содержится 2210 наименований, Псковской губ. — более 1250 гидронимов. Всего же материал, извлеченный нами из списков озер и рек по планам Генерального межевания, содержит 3732 названия.

Особенностью списков гидронимов в материалах Генерального межевания (эти списки дублируют нагрузку карт) является подача названий, которая позволяет до некоторой степени представить гидрографию и региональную гидронимическую систему. Вначале перечисляются крупные реки каждого уезда, затем более мелкие речки, отдельно указываются озера. Описание придерживается определенной последовательности притоков. При реках часто (но далеко не всегда) указываются те более крупные реки, в которые первые впадают; при озерах указаны реки, впадающие в них, вытекающие из них или протекающие через эти озера. Например: р. *Хвошенка* Луг. — из оз. *Хвошенского* в оз. *Врево*; оз. *Антоново* (там же) — через него р. *Оредежь*; оз. *Дымское* Тихв. — из него р. *Черная Дымка*.

Из источников XIX в. самый большой материал содержат "Списки населенных мест Российской империи". Несмотря на некоторые ошибки и опечатки, а также на то обстоятельство, что названия употребляются в форме предложного падежа, этот источник очень важен и дает количественно большой материал, который, однако, необходимо сверять с более ранними источниками.

Из дополнительных письменных источников XX в. мы использовали работу Д.Ф. Шанько по рекам

Ленинградской обл., О.А. Шкапского по озерам Псковской губ. и гидронимический словарь М. Фасмера. Работа Д.Ф. Шанько, хотя она неполна и в ней встречаются ошибки, имеет то преимущество, что в ней удачно расположены водные названия по бассейнам, указаны притоки I—VI порядка, расстояние от устья основной реки и сторона, длина в км., исток. Пособие О.А. Шкапского не оценимо по своему значению, так как оно содержит около 700 названий озер Псковской губ. (материал, единственный в своем роде) с их полной физико-географической характеристикой и экономической оценкой.

Гидронимический словарь М. Фасмера в значительной мере основан на "Списках населенных мест", но учитывает также другие ценные источники, например, географические словари А.М. Щекатова, П.П. Семенова и др.

Наконец, необходимо упомянуть пособие И.И. Василева "Псковская губерния", которое, хотя и изобилует ошибками, тем не менее дает некоторый дополнительный материал (здесь названия рек приводятся по бассейнам).

В целях сравнения гидронимии Русского Северо-Запада с гидронимией других территорий мы использовали существующие географические и топонимические словари по Украине, Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Карелии.

Из картографических источников мы пользовались важнейшими картами и атласами XVIII, XIX — начала XX в: "Атласом российским" 1745 г., "Российским атласом" 1792 г., "Столистой картой" 1801—1804 гг., "Картой Шуберта" 1848 г., "Гидрографическим атласом" 1832 г., "Атласом Псковской губернии" 1838 г. и картами Шелонской пятины по А.М. Андрияшеву; мы не останавливаемся на характеристике этих

источников, так как они хорошо освещены в монографии Е.М. Поспелова [1971].

При словообразовательном и этимологическом анализе мы широко пользуемся антропонимическими словарями Н.М. Тупикова, М.Я. Морошкина, а также П.П. Голицына, различными словарями географической терминологии [Марусенко, 1968; Маштаков, 1931; Мурзаев, 1984; Словарь нерусских географ. терминов..., 1968; Черепанова, 1984; Nitsche, 1964; Schütz, 1957], а также толковыми и этимологическими словарями [Даль, 1956] Фасмер, 1964—1973; Fraenkel, 1955—1965] и словарями специальной лексики — в особенности словарями Г.Е. Кочина [1937] и И.Д. Кузнецова [1915]. Кроме того, мы пользовались многими существующими двуязычными и толковыми словарями балтийских и финно-угорских языков.

Источником послужили и наши собственные полевые записи, сделанные в ходе экспедиций в Псковскую обл., начиная с 1967 г. Сбор микротопонимии Псковской обл. проводился в сотрудничестве с преподавателями и студентами филологических факультетов Ленинградского университета и Псковского пединститута, а также в рамках топонимического отряда Изборской экспедиции Института археологии АН СССР.

Гидронимы и микрогидронимы

Проблема собственно топонимов, микро- и макротопонимов интересует нас в данной работе прежде всего с точки зрения заключенной в них информации. Соотношение "микро-" и "макро-" в ономастике в свое время оживленно дискутировалось; см., например, специальный сборник статей, посвященный вопросам микротопонимии: [Микротопонимия, 1967]. В одной из статей этого сборника Н.В. Подольская [1967, 39]

справедливо отмечала, что границы между отдельными видами топонимов зыбки, условны, в то время как границы самих обозначаемых ими географических объектов достаточно четки. Кроме того, в каждом классе топонимов есть свои микротопонимы. Выделение категории микротопонимов первоначально базировалось на признаке величины именуемого объекта; исследователями явно ощущалась некоторая языковая специфика микротопонимических образований по сравнению с собственно (мезо-) топонимами. О. Винцелер и М. Орос, пытаясь разграничить микро- и макро-топонимию, указывали, что их различие не может быть основано на единственном критерии. В число критериев разграничения этих двух категорий они включали: величину называемого географического объекта; важность топонима в общественной жизни и быте людей; формальный аспект топонима, стабильность или мобильность названий; возможность быть переведенным или приспособленным населением с отличным от данного языком [Vinčeler, Oros, 1969].

А.В. Суперанская [1973, 165—170] рассматривает выделение микротопонимов с учетом количественных и качественных критериев. Микроименования в историческом плане могут считаться первичными именованиями любых объектов, еще не коституировавшихся как топонимы. "Возникновение микротопонимов — вечно живой процесс, а сами они — постоянный, но не единственный источник топонимов. По мере превращения их в собственно топонимы они теряют мотивированность и превращаются в символы, назначение которых сводится к фиксации мест на поверхности земли" [там же, 166]. (По поводу последнего высказывания можно возразить, что собственно топонимы далеко не всегда теряют мотивированность, ср. река *Великая*, город *Ленинград*, гора *Магнитная*). Харак-

теристика ономастической лексики по линии "микро-" ("мезо") — "макро-", по А.В. Суперанской [там же, 170], означает: 1) в топонимии — названия особо мелких, типичных ("средних"), крупных и сверхкрупных объектов; 2) во всех разделах ономастики с точки зрения развития номинации: первичные, естественно сложившиеся именованья — именованья в процессе употребления — позднейшие, искусственно созданные именованья, часто представляющие собой итог и обобщение существующих систем; 3) в социологическом аспекте: узколокальные именованья с малой известностью — именованья, известные более или менее широкому кругу лиц, — всеобщие известные; 4) в словообразовательном аспекте: именованья с моделями, распространенными на очень ограниченной территории, с моделями, имеющими достаточно широкое распространение, и с повсеместно распространенными моделями.

В гидронимии Русского Северо-Запада к категории микрогидронимов могут быть причислены названия небольших озер, речек, ручьев, ключей и колодцев, известные лишь в пределах небольшого района, часто ограниченного землями, прилегающими к одной или несколькими деревням, селам. При этом известность гидронимов как фактор социальной информации² играет, по-видимому, первостепенную роль для выделения категории микрогидронимов. С формальной точки зрения названия небольших речек и озер могут ничем не отличаться от названий более крупных рек и озер, в то же время специфические уменьшительные суффиксы могут указывать на малую величину гидрообъекта, что, впрочем, еще не дает основания включать гидро-

² Социальная информация понимается нами как актуализованная в речи коллектива и функционирующая в обществе, в отличие от понятия "информация в скрытом виде, т.е. базовый факт" [см.: Коган, 1981, 14—15; в этой работе дается и более широкое определение].

ним в разряд микрогидронимов (ср. уменьшительный суф. *-ец* в названии крупной реки *Северский Донец*, показывающий на приток более крупной реки — *Дона*). Названия мелких ручьев и родников, а тем более колодцев значительно ближе к понятию собственно микрогидронимов: об этом говорят и их структурно-словообразовательные признаки, запечатлевшие в процессе номинации характер микрообъекта.

Приведем примеры различных видов микрогидронимов в районе д. Старый Изборск и прилегающих деревень Печорского р-на Псковской обл. (записи сделаны нами в экспедиции 1972 г.):

Озерки	Речки	Ручьи	Ключи	Колодцы
Гнилкинское озеро	Барабановская речонка	Казачий Кошалаха	Ануфриевский ключок	Большой ключ
Дреб	Бдеха (Обдех)	Лучка	Кипун	Колодец Егора Яковлевича
Лужа (Бродская Лужа)	Бродская река	Мальской	Лесной ключок	Демина
Мальское	Крюча	Размежье	Кипун Мокрый Илья	Колодец Кипун Гора
Мотылинская лужа	Молдоговка Смолка	Синюха Шумливиц (Шумливицкий)	На Киселев ключок	Колодец Японца
Озерько	Сходница		Подгорье	Круглов колодец
Лужина Ракитняг	Фугова		Пралище	Царский колодец
Черное озеро (Черновское)				Шурнов ключок

Из приведенных гидронимов такие названия озер, как *Черное озеро* или *Мальское*; названия речек — *Бдеха*, *Молдоговка*, *Смолка*, *Сходница*; ручьев — *Синюха*, *Лучка*, не имеют формально выраженных признаков микрогидронимии. Однако такие названия, как *Мотылинская лужа*, *Барабановская речонка*, *Казачий*, *Размежье* и все приведенные типичные названия ключей и колодцев относятся к микрогидронимии и по своим структурно-словообразовательным особенностям тяготеют ко всем остальным видам микропонимов: к названиям урочищ и различных мелких физико-географических объектов.

С точки зрения базы номинации гидронимы во многих случаях производятся от: 1) названий деревень — ср. деревни *Гнилкино*, *Брод*, *Малы*, *Мотылино*, *Барабаново*, *Молдоговицы*; 2) географических апеллятивов: *озеро*, *лужа*, *дребь*, *река*, *круча*, *лучка* (*лука*), *кипун*, *ключ*; 3) других субстантивных и адъективных лексических основ: *пралище*, *раakitняг*, *смола*, *черный*, *казачий*, *царский*; 4) антропонимов: *Ануфриев*, *Егор Яковлевич Демин*, *Японец*; 5) агнонимов: *часовня Ильи Мокрого*.

Информация, извлекаемая из микрогидронимов, с одной стороны, должна быть менее значительной по сравнению с собственно гидронимами, в особенности по сравнению с названиями крупных и известных гидрообъектов. Участвующие в информационном процессе гидронимы циркулируют в ограниченном информационном поле — иногда между жителями лишь одной деревни, иногда — между двумя индивидами. Такой существенный признак функционирования информации, как размах циркуляции [Коган, 1981, 22], может быть в данном случае близким к минимальному (разумеется, мы имеем в виду те ситуации, когда гидронимы являются основой сообщения).

С другой стороны, информационная ценность совокупности микрогидронимов определенного района может быть неизмеримо выше, чем у собственно гидронимов, поскольку подавляющее большинство микрогидронимов не утратило мотивационных связей с исходными апеллятивами. Более того, сообщаемые местными жителями дополнительные сведения о микрогидронимах позволяют, зная мотивы номинации объекта, семантику базового апеллятива и употребление гидронима в речи, ввести соответствующее название в контекст локальной ономастической системы. Аксиологический аспект информации гидронимов тем самым выступает на первый план, позволяя исследователю ввести добытую информацию в более широкий научный оборот.

Приведем некоторые объяснения информантов по поводу микрогидронимов (в том числе объяснения, попавшие в краеведческую литературу): ключ *Подгорье* — "вода вытекает из-под земли", *Бродская река* — река, впадающая в Мальское озеро и протекающая мимо деревни Брод"; ключи *Пралище* — "место, где полоскаются" [ср. рус. диал. *пра́ть*: 'стирать белье', *пра́льнице* 'место, удобное для стирки белья на речке'. — Р.А.]; рч. *Смолка* — "смолили плоскодонные лодки, здесь раньше много лесов было"; река *Сходница* (вытекает из *Городищенского оз.*) — "крутой склон напоминает лестницу; к реке и озеру сходили с гор"; *Черное озеро* — "Черновское — говорят иногда" [интересная пара словообразовательных вариантов, ср. также ручей *Шумливик / Шумливицкий*; появление суф. *-ск-* представляется семантически немотивированным, это типичная подгонка под модель. — Р.А.]; рч. *Футова* — "на валу, под горой было озерко, мельница — к Футу. Фут — латыш, бывший владелец

мельницы"; колодец *Японца* — "Японец — прозвище Дрогунова Никифора, который воевал с Японией".

В дальнейшем мы не будем делать различий между микрогидронимией и собственно гидронимией. Анализ специфических микрогидронимических образований типа *На Киселеве ключок*, кипун *Мокрый Илья* или колодец *Кипун Гора* не входит в задачи настоящей работы. Мы будем исследовать названия более крупных водных объектов — рек и озер, лексико-семантические особенности исходных апеллятивов и структурно-словообразовательные особенности гидронимов. Многие из русских гидронимов утратили свою мотивированность; ряд названий происходит из других языков и относится к различным хронологическим стратам. В этих случаях основным средством получения лингвистической информации служит этимологический анализ, имеющий целью установление апеллятива, легшего в основу номинации географического объекта.

Апеллятивы в составе гидронимов

Проблемы ономастической номинации тесно связаны с вопросом о значении собственных имен, который не перестает дискутироваться в литературе (ср. обзор противоречивых точек зрения: [Теория и методика ономастических исследований, 1986, 103—109]).

Мы исходим из понимания собственных имен как индивидуализирующих словесных знаков, ограничивающихся функцией обозначения, т.е. значение таких имен носит денотативный характер. "Смысловой потенциал этих имен по сравнению с полнозначными знаками, имеющими денотативно-сигнификативный или сигнификативный тип значения, очень мал, тем не

менее он есть" [Языковая номинация: Виды наименований, 1977, 43].

Благодаря семантической неполноценности имен собственных, не имеющих смысловой структуры, а также их особо тесной связи с денотатом все попытки лексико-семантической классификации собственных имен неизбежно сводятся к классификации самих денотатов и к рассмотрению соответствующих лексико-семантических групп исходных апеллятивов, мотивирующих собственные имена.

Разумеется, подобный подход имеет и существенные ограничения с точки зрения ономастической теории. Так, Р. Шрамек [Šrámek, 1986, 17] отмечает, что при классификации онимов по исходным апеллятивам в поле зрения исследователя попадают лишь общезыковые явления и не попадают собственно онимические, в то время как лексико-семантическое содержание апеллятивной единицы (либо ее основы), употребляющейся для образования онима, не идентично проприальному типу содержания, например, фамилия Křečič в ономастическом смысле слова не означает 'портной'. Поэтому правы те исследователи, которые различают "значение имени" и "объяснение имени".

Вопросы проприальной семантики как таковой не входят в задачу настоящей работы. В том, что касается классификации собственных имен, мы согласны с Р. Шрамком, полагающим, что "сфера онимических объектов должна представляться как множество единиц, которые связаны между собой признаком проприальности, а внутренне разделяются по виду онимических объектов и по типологии мотивов номинации" [Šrámek, 1986, 21].

С учетом сказанного, подчеркнем, что мы занимаемся здесь: 1) ономасиологическим анализом, или же объяснением гидронимов (т.е. изучением их внутрен-

ней формы), а не исследованием их проприальной семантики; 2) изучением лексико-семантических групп базовых апеллятивов, послуживших для образования гидронимов, а не классификацией самих гидронимов.

Как полагают некоторые лингвисты, различие между ономасиологией и семасиологией состоит в том, что ономасиология исследует процесс создания лексической единицы, а семасиология изучает семантическую структуру и ее изменения в готовых лексических единицах [Торопцев, 1974, 7]. Это различие можно сформулировать и иначе: семасиологический подход связывается с изучением онтологии языка, а ономасиологический — с особенностями функционирования языка [Šcur, 1976, 31—44].

Ономасиологический аспект собственного имени действительно проявляется именно в сфере функционирования языка, что видно из изучения принципов, мотивов и обстоятельств номинации. Например, лишь конкретная ситуация в момент именованья географического объекта может прояснить истинную мотивировку возникновения названия. Она может быть однозначной и реже — множественной. При исследовании массы названий, конкретная мотивировка возникновения которых неизвестна, топонимист вынужден считаться с теоретической возможностью множественной мотивации имен. Для ономасиологического подхода в этом случае недостаточно знания о том, что, например, гидроним *Каменка* образован от лексемы *камень*. Помимо того, что в основе первоначальной мотивации гидронима могло лежать свойство объекта (т.е. по форме — прилагательное *каменный*), а не указание на материал, из которого он состоит, необходимо было бы конкретизировать, какой именно мотивационный признак лег в основу номинации: потому ли *Каменка*, что на берегу этой речки много камней, или потому, что

ложе реки каменистое, или же речка протекает мимо большой скалы, гор, называемых *Камнем*, и т.п.? Истинную причину именованя объекта, как правило, удастся выяснить лишь на месте в процессе полевой работы, но и то далеко не всегда, так как местные жители могут сослаться на то, что название было дано очень давно ("от веку вякоф", как говорят на Псковщине) и высказать лишь свои предположения о причине именованя объекта; предположения же эти бывают нередко фантастичными и научной ценности не имеют.

Таким образом, лишь изучение "живой ономастической номинации", т.е. процесса номинации, позволяет выяснить причины возникновения конкретных названий. Содержащийся в данной работе материал, однако, отражает прежде всего результаты, а не процесс номинации, поэтому ономастический анализ гидронимов неизбежно включает в себя прием реконструкции первоначальных мотивов номинации водных объектов.

Восстановленная внутренняя форма гидронимов, совокупность выявленных базовых апеллятивных лексем позволяют до некоторой степени (в зависимости от правильности этимологий) реконструировать "картину мира" при первичной номинации водных объектов Русского Северо-Запада.

Логика топонимической номинации основана на системности географических объектов и системности обозначающих их апеллятивов. Географические объекты взаимосвязаны: связаны между собой положительные и отрицательные формы рельефа, связаны озеро и река, река и ее берег, берег и гора, гора и лес и т.д. Отсюда понятна и взаимосвязь соответствующих апеллятивов; естественно образование семантических полей и микрополей. Эти же отношения затем косвенно отражаются

в системе собственных имен, если последние сохранили связь с мотивирующим апеллятивом. Поэтому ономастическая номинация в полной мере может быть подведена под понятие языковой номинации в целом, так как "в гносеолого-семантическом аспекте номинация есть процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт" [Языковая номинация: Общие вопросы, 1977, 13].

При изучении ономастической номинации большое внимание уделяется семантике исходных апеллятивных основ, их связи с характером именуемого географического объекта, а также отношениям между мотивирующим апеллятивным словом и мотивированным собственным именем. Важность изучения апеллятивов, особенно географических, очевидна. Семантика их во многих случаях адекватна описаниям характеристик соответствующих объектов — свойство, которое Э.М. Мурзаев назвал "позитивностью географических названий" [Мурзаев, 1974, 13].

Именно "позитивность" топонимов позволяет исследователям восстанавливать на их основе историко-географические реалии. Например, названия рек типа *Волочня*, *Съезжа* позволили Ф.И. Иванову [1962] установить древние водные пути верхней Волги. Древние ландшафты Псковщины были реконструированы Е.Л. Любимовой [1969] с помощью лексем *гора*, *мох*, *болото*, *озеро*, сохранившихся в топонимах. Флора и фауна Гданьского Поморья отражены в топонимах, причем, как показал Х.Гурнович, при реконструкции палеоботанических и палеозоологических данных топонимы также дают достоверный и надежный материал [Górniewicz, 1977].

Семантическая мотивированность географических

названий проявляется в наиболее полной мере лишь в процессе акта номинации и сохраняется в дальнейшем только в том случае, если признак, положенный в основу номинации, остается актуальным в сознании носителей языка. Если же семантическая мотивированность топонима утрачивается, топоним тем не менее продолжает функционировать как языковой знак, как член определенного топонимического и словообразовательного ряда и т.п.

В топонимическом словообразовании, помимо направленности апеллятив → топоним, существует и образование топонимов от других топонимов и других онимов. Связь топоним → топоним актуализируется уже в чисто словообразовательном плане, минуя мотивированность лексического уровня. В отличие, например, от пары *береза* (апеллятив): *Березна* (река), пара *Березна* (река): *Березенка* (река, приток Березны) связана отношениями мотивация, присущими плану выражения, и в данном случае лишь условно можно говорить о плане содержания (отношение река: приток реки, т.е. деминутивация формы гидронима в зависимости от географических реалий). Названия *Березна* и *Березенка* могут рассматриваться и как слова языка, вне зависимости от их связи с денотатами. Т.е. *Березенка* может и не быть притоком *Березны*, и в этом случае оба сопоставляемых названия находятся между собой в формально-словообразовательных отношениях. При этом на данном уровне анализа семантика мотивирующей основы *Березна* не имеет значения для образования формы *Березенка*, так как отношение апеллятив: оним нейтрализуется в случае отономастического словообразования.

При изучении образования топонимов от апеллятивов важно учитывать лексико-семантические ограничения круга мотивирующих слов. Для гидронимии это

преимущественно апеллятивы, связанные с различными обозначениями водных объектов. Однако указанные апеллятивы сами по себе включают большое количество лексем, употребляющихся метафорически, отражающих различного рода семантические сдвиги, выборочность лексических основ и признаков. Поэтому систематизации гидронимов должен предшествовать семантический анализ апеллятивной лексики, мотивирующей образование собственных имен. Примером трудностей, возникающих при подобном анализе, может послужить название оз. *Бердо* Нрж. В основе этого названия лежит праславянский местный географический термин **bьrdo*, который представляет собой термин горного рельефа, этимологически тождественный с **bьrdo* '(ткацкий) гребень' — вторичное образование (перенос) от последнего [ЭССЯ, 1976, вып. 3, 165]. Исследование термина **bьrdo*, проведенное Н.И. Толстым [1969, 96—97], показало, что это слово в славянских языках и диалектах повсеместно имеет значение 'гора, холм, утес, скалистая гора, глубокая пропасть с отвесными стенами' и т.п. В этом случае мотивация образования гидронима *Бердо* оставалась бы непонятной, тем более что существовало мнение о распространении географического термина **bьrdo* исключительно в зоне южнославянских и западнославянских диалектов, а восточнославянские диалекты были представлены одной лишь карпатской зоной. Однако Н.И. Толстой показал постепенность семантических переходов в значении термина, исследуя явление междиалектной энантиосемии, в том числе на восточнославянской территории, и привел также данные А.В. Никитина [1962, 111—113] о значении географического апеллятива *бёрдо* (*бёрда*) в тверской и новгородской зонах. В районах озер Селигер, Сиговское и Велье термин *бёрдо* обозначает 'небольшой

покатый холм' и 'подводную мель' ('подводный холм'), что отражается в ряде названий мелей, тоней и пастбищ. Таким образом, становится понятным и образование названия оз. *Бердо*. Обыкновенно эта топонимическая лексема употребляется в названиях населенных мест, но имя оз. *Бердо* Нрж. — первично; ср. названия близлежащих деревень *Бердино*, *Бердово*, *Бердыши* (вторичные образования от гидронима). Н.И. Толстой высказал (устное сообщение) следующие наблюдения по поводу гидронимов, образованных от географических апеллятивов: "Если гидроним образуется от географического апеллятива, то он, как правило, всегда образуется от апеллятива, означающего водный объект или объект подводного рельефа". В тех же случаях, когда мы обнаруживаем гидроним, семантика основы которого связана с рельефом суши и т.п., то либо нам еще не известна "водная" семантика этого термина, либо гидроним образован от ойконима, а ойконим, в свою очередь, от географического апеллятива. Наличие одноименных топонимических обозначений для разных денотатов позволяет определять направление перехода слова из одной сферы в другую. Например, для гидронимов *Загай*, *Раминье*, *Опоченка*, *Камень*, *Веретье Вялое* есть точные соответствия в ойконимах, причем в паре оз. *Камень* — дер. *Камень* гидроним вторичен, но апеллятив *камень* можно рассматривать и как "водный" термин [Маштаков, 1931, 44]. В паре оз. *Веретье Вялое* — дер. *Вялое Веретье* гидроним также вторичен, термин *веретье* имеет значение 'возвышенное сухое место'. Если бы не было атрибута *Вялое*, то можно было бы видеть происхождение гидронима непосредственно от водного термина. В.П. Строгова [1973, 210] приводит значение *веретье* 'глубокое место на реке' (дер. Никольско

Солецкого р-на Новг. обл.) и 'старое бывшее русло' (дер. Лозница Старорусского р-на Новг. обл.).

В работах, затрагивающих вопросы классификации гидронимов, последняя неизбежно ставится в зависимость от классификации соответствующих географических апеллятивов. Например, И. Заимов [1961] классифицировал гидронимы следующим образом: А. Имена в соответствии с природными условиями: а) текущие воды, б) стоячие воды, в) источники; Б. Имена в соответствии с человеческой деятельностью [внутри разделов и подразделов — более дробное деление. — Р.А.].

М. Фасмер [Vasmer, 1956] в статье о семантике русской гидронимии (о названиях рек) не сделал даже попытки дать какую-либо классификацию гидронимов или их базовых апеллятивов. Он хаотически перечислил различные группы гидронимов, в том числе, например, встречаются такие обозначения: от апеллятивов "река, ручей, источник", "от названий домашних животных", "от названий диких животных", "по цвету воды", "по форме ложа реки", "описательные", "по особенности берегов", "по названиям частей тела" и т.п.

Думается, что создание общей ономастической классификации гидронимов какого-либо языка должно быть, безусловно, соотносено с семантической классификацией базовых апеллятивов и фактически отражать принципы гидронимической номинации. Это, однако, вызывает большие практические трудности ввиду многозначности самих апеллятивов, вхождения их в различные группы благодаря семантическим переходам и сдвигам и т.п. Богатство апеллятивной лексики ограниченного региона, ее многозначность и многоплановость, трудности ее семантической классификации в полной мере были продемонстрированы на примере

народной географической терминологии Черниговско-Сумского Полесья [см.: Черепанова, 1983]. В частности, Е.А. Черепанова отмечает, что при распределении лексем в семантические группы не всегда можно достаточно четко определить, к какому классу, подклассу или даже к какой рубрике или подрубрике (к какому именно семантическому гнезду) относится термин. Все апеллятивы распределены в работе Е.А. Черепановой на пять больших классов: рельеф; растительный покров; болото; воды; берег, остров, мель. Класс "Воды", например, имеет три подкласса: термины, обозначающие текущие воды; термины, обозначающие стоячие воды; термины, связанные с водой текущей и стоячей. Естественно, что по классификации Е.А. Черепановой в класс "воды" могут попасть и многозначные апеллятивы, входящие в основном в другие классы — благодаря метонимическим переносам или ассоциациям по смежности, ср. термин *колдобина* в значении 'лужа, яма с водой' — одновременно термин отрицательной формы рельефа в значении 'овраг'.

В настоящей книге не ставится задача создания полной ономаσιологической классификации гидронимов Русского Северо-Запада в соответствии с классификацией апеллятивов. Как в теоретическом плане, так и в практическом своем осуществлении эта тема потребовала бы отдельной монографии.

Не претендуя на название "классификации", мы дадим описание нескольких наиболее многочисленных групп гидронимов, которые выделяются в материале названий Северо-Запада. Перечисляя апеллятивы, лежащие в основе гидронимов, мы остановимся более подробно на анализе тех гидронимов, которые представляют наибольший интерес для темы настоящего исследования — как в плане семантики исходных апеллятивов, так и в плане словообразования. Кон-

кретные примеры и замечания о словообразовании гидронимов, сделанные попутно в настоящем разделе, будут также учтены и обобщены в разделе, посвященном структурно-словообразовательным типам гидронимов Северо-Запада. Подобное разбиение материала представляется неизбежным, так как словообразовательная семантика входит как неотъемлемая составная часть и в проблемы номинации, и в круг структурно-словообразовательных проблем.

Наиболее подробно рассмотрена первая группа гидронимов — самая многочисленная: это названия, данные по физико-географическим свойствам самих водных объектов. В других группах выделены гидронимы с наиболее частотными базовыми апеллятивами: эти же гидронимы дают и самые широкие словообразовательные спектры. Узколокальных псковских и новгородских апеллятивов в наших материалах не обнаружилось, поэтому объяснение значений тех слов, которые нами подробно не анализируются, можно найти в существующих словарях местных географических терминов и в топонимической литературе.

Гидронимы, отражающие флору и фауну, подробно не рассматриваются: материал по этим названиям содержится в другой нашей работе [Агеева, 1985], там изложены и общие принципы подхода к подобным названиям.

Несколько слов необходимо сказать о порядке ссылок на источники в тех случаях, когда мы даем примеры названий в этом и во всех последующих разделах. При каждом названии дается ссылка на уезд, если приводится материал из источников XVIII—XIX вв., или на пятину для источников XVI в.; названия современные приводятся с учетом современного административного деления. (Списки всех сокращений в

соответствии с административным делением каждой эпохи приводятся в конце книги.) При примерах, взятых из основных источников XVI—XIX вв., не указывается том и страница, так как в изданиях источников (см. список литературы) имеются подробные алфавитные указатели географических названий. В случаях цитации современной лингвистической литературы при примерах ссылки даются в том же порядке, какой принят для всей книги в целом.

Названия, характеризующие природу региона

Названия, данные по физико-географическим свойствам самого водного объекта. (По родовому или видовому названию объекта, по именованию бегущей или текущей воды, быстроте или шуму течения, обилию или скудости воды, ее цвету, запаху, составу и температуре, по величине объекта, его форме, характеру русла или ложа реки, и т.д.)

Исходные апеллятивные лексемы (принадлежащие к разным лексико-грамматическим разрядам слов): *белый, бурый, быстрый, вонючий, великий (= большой), вервь (= веревка), вертеть, ветренный, взмутить, вить, водоток, выбой, выбут, высокий, вялый, глубокий, глухой, гнилой, греметь, грязный, дикий, долгий (= длинный), дребь, дрягва, жила, заход, зеленый, золотой, ил, исток, кипеть, кислый, колода, копанка, корыто, криница, кривой, круглый, крупа, крутец, лед, локно, лужа, лука, лютый, малый, мелкий, много- (водный), мокрый, мутный, налой, озеро, окно, острый, пестрый, поникнуть, перерва, переток, плав, плес, полав, прыскать, прость, пустой, река (речка), рог, ручей, рыть, светлый, серебряный, сивый, синий, смердеть, смиренный, соленый, старица, стрежень, струга, студеный, сухой, талый, теплый, тина, тихий, труба,*

узкий, холодный, черемный, черный, чечора, чистый, язва, яма и др.

быстрый

Не всегда бывает ясно, образован ли гидроним от прилагательного *быстрый* (руч. Быстрый Нрж.) или от апеллятива *быстрица* в значении 'горная река с большим падением и сильным течением' [Мурзаев, 1984, 107], ср. также укр. *бістрица* 'быстрое течение реки' [Черепанова, 1984, 29]. Ср. рч. *Быстрица*: 1) Бор; 2) Крест., Новг.; 3) Луж. [СГМ]. В первом случае выделяется словообразовательный суф. *-ица* в гидрониме, во втором случае он не выделяется, так как уже вошел в состав исходного апеллятива.

великий

Значение — 'большой по величине'. Ср. р. *Великая* Псковской обл., приток Псковского оз. Интересный пример повтора названий на местности: 'речка *Великая* из озера *Мелника* в озеро *Великое*, а из него в большое озеро *Великое* [СГМ, Бор. у.] Ср. также оз. *Великая Вода*, разделяющее Влкл. и Нрж. уезды [СГМ]. К этой же исходной основе относится группа названий типа *Велье, Велья, Вельица* и т.п. — от устаревшего велий 'великий, большой', ст.-слав. *ВЄЛИИ*, сrb.-хрв. *вельи* и т.д. (см. гл. 2).

вить

От глагольных основ гидронимы образуются редко. Основа названий рч. *Витка* 1) Тихв., Новг., 2) Крест., 3) Ст.-рус., рч. *Витца* Крест., руч. *Витень* (рч. *Витна*) Крест., руч. и оз. *Витец* Крест. отражает глагольную основу (-т- — суффикс причастия). Обращает на себя внимание вариантность суф. *-ец/-ца* в названиях *Витец* — *Витца* (приспособление к грамматическому роду: ручей — речка).

водоток

Ср. укр. *водоток* в значениях 'ручей, исток, начало

реки' [Черепанова, 1984, 53]. Возможно, гидроним *Водотка* (приток Верши Опоч., СГМ) — усечение исходного сложного слова с последующей суффиксацией. К семантике и словообразованию этого гидронима ср. также рч. *Водометка* Луг., Гдов. [СГМ].

выбой

Р. *Выбовка* Пск. [Сб. МАМЮ, V, 463] — ср. *выбить*, *выбоина* // *вода выбой* нвг. грязная, сточная, помой [Даль, 1956, т. 1, 278]. Ср. также укр. *вiбiй* '1) небольшая впадина, 2) углубление на месте водоема' [Марусенко, 1968, 220].

выбут

Руч. *Выбута*, Пск. [Сб. МАМЮ, V, 200] — от *вiбyт*, *бути́ть* 'заливать яму, ров или воду камнем и землей' [Даль, 1956, т. 1, 145].

глубокий

Велико разнообразие словообразовательных средств в гидронимах с этой основой. Ср. оз. *Глуби* Вышневол. (тип *pluralia tantum*) — оз. *Глыбокое* Опоч. — рч. *Глубокая* Бор. — рч. *Глубочица* Валд. — рч. *Глубоченка* Печ. — оз. *Глыбошня* Влкл. [СГМ], оз. *Глубоцкое* / *Глубоцко* Д.п. [Новг. писц. кн.]. — Не исключено в некоторых случаях образование гидронима не от адъективной, а от субстантивной основы, ср. рус. *глубь*, укр. МГТ *глиб* 'глубокое место в реке, омут' [Черепанова, 1984, 58], а также от другого гидронима, ср. связь названий на местности: "речка *Глубочица* из озера *Кемоволожья* через озеро *Глубокое* в речку *Медведевку*" [СГМ, Валд.].

глухой

Ср. гидронимы: р. *Глух* Ст.-рус. — оз. *Глухое* Дем. — руч. *Глухой* Новг. [Сп. н.м. Новг.] — рч. *Глуховка* Бор. — рч. *Глушица* 1) Бор, 2) Новг. — рч. *Глушица* Опоч. [СГМ].

гнилой

См. также *глина* в следующем разделе. Лексема *гнилой* с наибольшей степенью вероятности отражена лишь в таких названиях, как рч. *Гниловица* Пск., рч. *Гнилуха* Бор., Вышневол.; рч. *Гнилуша* Печ. [СГМ].

долгий

Очень распространенная основа в гидронимах. Ср. оз. *Долгое* Тихв. — руч. *Долгий* Гдов. — рч. *Долженка* Гдов., Луг. — рч. *Должица* Остр. — рч. *Долгуша* Влкл. [СГМ]. Основа проникла и в гибридные севернорусские названия: оз. *Долгозеро*, в него рч. *Долгозерка* Тихв. [СГМ]. Направление словообразования, как правило, ясно из форм названий, а также благодаря связи названий на местности: руч. *Долгий* → дер. *Должицы*; руч. *Должанка* "из оз. *Долгова Порх.*³"; рч. *Долгуша* "из оз. *Долгова* в рч. *Рачицу*" Влкл. [СГМ].

кипеть

Кипячие ручьи, родники — в которых есть водовороты, также есть апеллатив *кипун* 'окно в болоте'. По поводу названия ручья *Кипячий* при дер. Прибуж Гдов. р-на Пск. обл. нами записан следующий текст (экспедиция 1982 г.): "Кипячий ручей к Озерёву. Когда стоишь спокойно — он спокойный, а стóят к нему подойти — он варачаться начинает, кипеть. Кипячий ручей — бабка меня водила глаза мыть, если они болели. Бросали монетку — он еще сильнее начинает кипеть. Он глыбóкий. Вода вкусная".

криница

р. *Креничка* Бор. — р. *Кренишенка* Бор [Сп.н.м. Новг.] — оз. *Кренично* Д.п. [Новг. писц. кн.]. От апеллатива со значением 'источник', южн., зап., тверск.

³ Орфография в цитируемых текстах старых источников везде сохраняется.

криница, креница, креничка 'родник, ключ, мелкий колодец на водяной жиле' [Даль, 1956, т. 2, 194].

крутой

Ср. руч. Крутой Пск. — р. Крутовка Дем. (на ней дер. Крутые ручьи) — руч. Дальний Крутик Дем. [Сп.н.м. Новг.] — руч. Крутец Ш.п. (на нем дер. Крутец) [Новг. писц. кн.] — рч. Крутца из оз. Крутца в рч. Островянку Остр., Порх. — рч. Крутишинка из оз. Крутца Порх., Остр. [СГМ].

Названия этого рода могут даваться по характеру течения воды (извилистость, крутые повороты), быть также связаны с глаголом *крутить* (наличие водоворотов), но следует учесть и другие МГТ, обозначающие виды рельефа, ср. укр. *крутець* 'крутой склон горы', *крутик* 'береговой обрыв' [Черепанова, 1984, 112].

лука

Апеллятивы *лука*, *лучка* в значениях 'изгиб, кривизна, излучина', а также (*лука реки*) 'прямое русло между изгибов' широко употребляются в гидронимах. Ср. также диал. осташковское *лука*, *лучонка* 'узкое место на озере' — залив *Лука* на Селигере [Копорский, 1946, 114]. Названия с основой *лука*: рч. Лука Луг. — рч. Лученка Валд. — оз. Лучки Валд. — оз. Лучани Холм. — оз. Луковья Холм. — оз. Лукое Влкл., Опоч. — рч. Лучанка из оз. Лучна Остр. — рч. Лученица из оз. Лучевицкаго Бор. [СГМ]. Название оз. Лукома Луж. р-на происходит от апеллятива *лукома* стар. и сев. 'изгиб оврага' [Даль, 1956, т. 2, 272].

лютый

Лексическая основа *лютый* широко распространена в гидронимах. Ср. р. Люта Луг., Пск. — рч. Лютица Опоч. — р. Лютка Порх. — рч. Лютовка Печ. — рч. Лютинка из оз. Лютого в р. Апочню Печ. [СГМ] — р. Лютая Ст.-рус. — р. Лютейка Дем. [Сп.н.м. Новг.]. По всей вероятности, слово *лютый* могло быть ис-

пользовано в гидронимах в значениях 'скорый, быстрый', также 'холодный'. В русских говорах сохранилось также значение 'большой, высокий (о воде в реке)': "Вода на Волге ноне больно лютая" [СРНГ, 1981, вып. 17, 249].

налой

Апеллятив из ряда образований от глагола *лить* (*налой*, *полой*, *залой*), употребляется в значениях 'ливень' в Новгородской обл. и на Севере, 'вода поверх льда, наледица' в других местностях [Мурзаев, 1984, 388]. Ср. рч. Налой из оз. Налой Бор. [СГМ].

озеро

Лексема, употребляющаяся чрезвычайно широко и дающая большой ряд гидронимических образований. Ср. оз. Озеро Бор., Валд. — оз. Озерко Белоз. — оз. Озерки Валд. — оз. Озерье (Азерье), из него рч. Озерница Валд. — оз. Озеревко (Озерское), из него рч. Озеречка Тихв. — р. Озеренка Тихв., Крест. из оз. Спаскаго в Оскую — рч. Озерична Холм., Влкл. — рч. Озеревка из оз. Озеревичи в Змеинку Валд. — оз. Заозерье 1) Новоладож., 2) Уст., 3) Крест. — рч. Межуозерка из оз. Ирозера в оз. Азацкое Белоз. [СГМ] — оз. Озерно Д.п. — оз. Озерца Д.п. [Новг. писц.кн.] — рч. Озеречный (при нем дер. Озеречня) и р. Озерешня Дем. — оз. Озеры Влкл. — оз. Озерявка Холм. [Сп.н.м. Новг., Пск.]

поникнуть

Апеллятивные образования от этой глагольной основы — *пониква*, *пониковец*, *поникша*, *поникля* и др. "Тип рек, вода которых "поникает", иссякает вниз по течению, что свойственно карстовым районам, где обычно вода проваливается в воронки, трещины и уходит под землю" [Мурзаев, 1984, 453]. Ср. рч. Поникля из оз. Никифоркова в оз. Черное Бор. [СГМ] — р. Поника Валд. — рч. Паниковка Пск. [Сп. н.м. Новг.,

Пск.] — оз. *Паніковец* Опоч. р-на [КПОС]. Ср. запись из картотеки Псковского областного словаря: /кругом л'ес ! въз'ера там јес' ва мху пан'йкав'ец/.

прость

Ср. рч. *Прость* Новг. [Сп.н.м. Новг.]. От *прость* 'прямой путь, прямая дорога, прямь' [Даль, 1956, т. 3, 513], а также ср. 'прямой мелководный проток между рукавами реки или рекой и рукавом на Припяти [Мурзаев, 1984, 464].

струга

МГТ со значением 'омут, колдобина на дне речки, когда летом речка пересыхает, только в этих местах сохраняется вода'. В Псковской обл. — 'фарватер, рукав реки, проток, ручей; боковой залив, старица, болото, топь, образованные небольшими речками' [Мурзаев, 1984, 527]. Ср. оз. *Струга* Д.п. [Новг. писц.кн.] — рч. *Струга* и оз. *Стружское* Тихв. [СГМ].

сухой

По отношению к воде следующие значения: *сухая вода* — 'малая вода, морской отлив, низкий уровень воды в реках; мель, отмель и вообще всякое место, высыхающее при отливе и в межень' [Мурзаев, 1984, 532]. Сходные значения у МГТ *сухмень*. Ср. гидронимы: рч. *Сухая* "из дачи оз. *Сухова* в *Уверь* Бор". — оз. *Сухое*, из него *Сухова* Валд. — оз. *Сохло* Бор. — рч. *Сохла* Тихв., Крест. — р. *Сушня* Холм. — рч. *Подсушка* Порх. [СГМ].

талый

Лексемы *таять*, *талый* часты в составе гидронимов. Ср. руч. *Талой* Ш.п. [Новг. писц. кн.] — рч. *Талая* Тихв. — рч. *Талка* Бор. — рч. *Талинка* 1) Бор., 2) Холм. [СГМ]. Помимо этого ряд названий образован от МГТ *талец*, *талица* 'незамерзающий родник; не покрывающийся льдом ручей, речка, озеро; мощный родник среди болот, почему такое место и не замер-

зает' [Мурзаев, 1984, 541]. Ср. рч. *Талица* Бор. — рч. *Талца* 1) Крест., 2) Белоз. [СГМ].

тихий

Лексема, обозначающая спокойное течение реки, ср. также *тишь* 'пойменное озеро, старица подковообразной формы' [Смолицкая, 1981, 29] и *тихмень* — образование на -мень типа *сухмень*. Ср. оз. *Тишенка*, из него *Тишенка* Валд. — оз. *Тихмень* Валд. [СГМ].

труба

МГТ со значением 'проток, ручей, река в ущелье, каньон, узкая долина без террас и поймы'... *речная труба* — 'русло', 'меженное русло' [Мурзаев, 1984, 560]. Ср. рч. *Трубица* Новг. [СГМ].

узкий

Значение 'узкий' представлено преимущественно апеллятивом *узмень* 'узкое место на озере', 'пролив между двумя озерными бассейнами', как, например, между Псковским и Чудским озерами [Мурзаев, 1984, 573]. Образование с суф. -мень типа *сухмень*, *тихмень*. Ср. оз. *Узмень* Бор. — оз. *Узмено*, из него *Узменка* Валд. — рч. *Узменка* из оз. *Ужина* Валд. в оз. *Усторонье* Крест. [СГМ]. Ввиду связи названий рч. *Узменки* и оз. *Ужина*, возможно, следует привлечь к этой группе гидронимов названия типа оз. *Ужа* Бор. — оз. *Ужо* Вкл., из него рч. *Ужица* — рч. *Ужинка* Бор., Крест. [СГМ] и др., которые прежде связывались нами с *ужица*, *уже*, црк., *ужище* стар., 'вервь, вервие, веревка' [Даль, 1956, т. 4, 476]. Параллели см.: [Агеева, 1973, 89]. Не исключено, что названия типа *Ужо*, *Ужица*, *Ужинка* связаны с лексемой *узкий* и отражают морфонологическое чередование з/ж, как в формах *узкий* — *уже*, *ужина* (абстр.) — *узость*; явление, закрепившееся в диалектных обозначениях гидронимов.

чечора

Апеллятив со значением 'старое русло реки' [Смо-

лицкая, 1981, 14]. Ср. р. *Чечора (Чечюра)* в оз. *Сухое Бор*. [СГМ].

язва

МГТ со значением 'трещина на поверхности земли, щель'. Ср. руч. *Язвинка* Новг., возможно также рч. *Язовка* 1) Холм., 2) Бор. Названия этого типа, однако, в конкретных случаях могут объясняться и от других лексем: *язь* 'вид рыбы', *яз (ез)* 'запруда, речка для ловли рыбы'. В.А. Жучкевич [1974, 116, 417] объясняет названия *Езва, Езовинь, Язно, Язовка, Язвины* в Белоруссии от устаревшего термина *езва (езова)* 'песчаный нанос или отмель у берега реки, также староречье, мелководный залив в озере', также *язвины* 'полыньи в болоте, реке'. Последний термин семантически связан с МГТ *язва* (общая семема: 'углубление, впадина'). Ср. также рч. *Язверка* Остр. [Василев, 1896, 25] — гидронимы, вероятно, можно сопоставить с укр. *езвір* 'глубокий овраг' [Марусенко, 1968, 226]; прямого соответствия в МГТ Северо-Запада не обнаружено.

яма

Апеллятив широкого значения для обозначения отрицательной формы рельефа, в том числе для впадины, затопленной водой (речки, озера). Ср. рч. *Яма* Пск. — рч. *Ямка* Порх. — рч. *Ямна* Тор. — оз. *Ямно* Вышневол. [Сп.н.м. Пск., Новг., Твер.] — оз. *Ямное*, из него *Ямница* Бор. — рч. *Ямница* из оз. *Ямницкаго* в *Полометь* Крест. [СГМ]⁴.

Цветовые обозначения. Эта группа названий имеет свою специфику, поэтому мы выделили ее из общего списка. Количество лексем, входящих в данную группу, немногочисленно. Названия, образованные от обозначений цветов (за исключением "белого" и "черного"),

⁴ О псковских и новгородских гидронимах, образованных от ряда других географических апеллятивов, см.: [Агеева, 1973; 1974].

в новгородской и псковской гидронимии единичны; ср. оз. *Бурое*, из него руч. *Буровской Валд*. [СГМ]; *Зелень-озеро* Остр. [КПОС]; оз. *Пестрое* Белоз. [СГМ]; р. *Сивец* Белоз., Чер. [СГМ] р. *Синяя* Пск., Остр. [СГМ] — современная р. *Синяя*, латышск. *Зилупе*, причем в латышском названии та же мотивация гидронима. Гидронимы типа рч. *Золотая* Пск., *Серебрянка* Опоч. [Сп.н.м. Пск.] могут иногда представлять собой цветные обозначения, но чаще отражают другие характеристики воды и реки: чистоту воды, красоту места и т.д., иногда же указывают на месторождения золота и серебра [см.: Агеева, 1985, гл. 2]. Устаревшее и диалектное обозначение красного цвета — *чермный* — встречается чаще; ср. оз. *Черемец* Луг. — рч. *Черемка* Луг., Порх. — рч. *Черемка* Луг, Новг. — рч. *Черменица* Опоч. [СГМ].

Но лексемы *белый* и *черный* встречаются в огромном количестве в географических названиях, причем лексема *черный* занимает одно из самых первых мест по частотности в гидронимах. Следует, однако, учесть, что некоторые названия могут быть образованы не от цветных обозначений, а от МГТ, например, *бель* 'заболоченный береговой лес' в Полесье; 'болото с березняком, сенокос на болоте, небольшое болото, заболоченное низкое место' в Белоруссии; 'болото' в северных областях [Мурзаев, 1984, 80] или *черень, черное болото* 'торфяное болото, торф, добываемый в нем', — в Псковской обл. [Там же, 611].

белый

Ср. рч. *Белая* Луг. — оз. *Белое* Валд. — рч. *Белка* Печ. — рч. *Беланка* Тихв. — рч. *Белошка (Белушка)* Печ. — оз. *Забелье* Бор. и др. [СГМ]. Связь последнего названия с обозначениями типа *Белая* и т.п. уже относительна: это не непосредственное отношение к цветным обозначениям, а отражение взаимосвязи

объектов на местности: оз. *Забелье* и рч. *Забелская* находятся в непосредственной близости от рч. *Белой*, вытекающей из оз. *Белого* и впадающей в оз. *Меглино Бор.* [СГМ]. Связь других гидронимов на местности иллюстрируют пары: оз. *Белое Порх.*, Ст.-рус. — из него р. *Белка*; оз. *Беленец Валд.* — из него рч. *Беленка*. Кроме того, интересна связь (уже в плане семантики слова *белый*) названий: р. *Белая Уст.*, Бор. и оз. *Чистое* (из которого эта река вытекает [СГМ]). Ср. объяснение названия оз. *Белое Порх.*: "Бéлае — вада́ бéлая, чéстае óзера [ПОС, 1967, вып. 1, 167]. Интересна и антитеза *белый — черный*, встречающаяся повсеместно; ср. оз. *Белое Бор.*, в которое заходят две заводи из оз. *Черного* [СГМ].

Имеются также сложные и составные названия с лексемой *белый*: рч. *Белоручьевка Бор.*, рч. *Беломойка Порх.*, оз. *Белые Луки Чер.*, оз. *Белая Вода Нрж.* [СГМ]. По поводу названия *Белая Вода* отметим также значения словосочетания *белая вода* в псковских говорах: а) вода во время ее цветения, когда ветер и волны перемещают верхние слои, разобьют "цвет" и вода станет мутноватой; б) мутная весенняя вода, главным образом из р. *Великой*; в) вода, вспенившаяся после продолжительной бури и оставшаяся белой, как молоко, до замерзания [ПОС, 19167, вып. 1, 167].

черный

Лексема широко употребительна в названиях рек европейской части СССР. Черная речка — "речка по болоту, собирающая болотные воды, черные по цвету из-за наличия большого количества органических веществ; глухая стоячая река; старица, сообщающаяся с рекой во время высокого уровня; открытая незамерзающая речка в Сибири; родниковая вода, ручей; речка, начинающаяся из источников" [Мурзаев, 1984, 612]. Ср. рч. *Черная Луг.*, Порх. — рч. *Чернивка*

Бор. — рч. *Чернуша Пск.*, Остр. [СГМ] — рч. *Чернявка Влкл.* — рч. *Чернышка Пск.* (рядом руч. *Черный*) — р. *Чернец Ст.-рус.* (рядом дер. *Черная*), также сложные и составные названия р. *Чернорученка Дем.* (вторичное образование от названия с. *Черный ручей*) — оз. *Чернозерье Остр.* — рч. *Черная Грязь Тор.* [Сп. н.м. Новг., Пск.].

Связь названий на местности иллюстрируется следующими примерами: рч. *Черная* — из оз. *Черного Луг.*, Новг.; оз. *Чернозерское* — в него *Черная Луг.*; оз. *Черное* — из него *Чернятка Бор.*; оз. *Черноозерья* — из него рч. *Черноозерка Остр.*; оз. *Черное* — из него рч. *Черница Опоч.*; оз. *Черновское* — из него *Черновка Холм.* [СГМ]. Семантику лексемы *черный* в гидронимах подчеркивает их взаимосвязь с названиями, близкими по значению: рч. *Черная* в *Мшагу* (от *мох 'болото'*) Луг.; рч. *Черная* в *Цвенку* (видимо, от диалектизма, связанного с *цель 'гниль, плесень'*) Порх., Нрж.; рч. *Черновка* "из лесных мест в рч. *Лазовицу*" Влкл. [СГМ]. Поражает обилие "Черных" речек и озер в Валдайском у., расположенных компактно, в непосредственной близости друг от друга, что, по видимому, создает своеобразный ареал:

- рч. *Чернушка* из оз. *Чернага* в оз. *Ситинское*,
- рч. *Чернушка* через оз. *Берваваца (?)* в р. *Березай*,
- р. *Черная* в оз. *Защеголью*,
- р. *Чернушка* в *Шегрину*,
- р. *Черная Грязь* в оз. *Мышино*,
- рч. *Черная* в *Ковалевку*,
- рч. *Черная* в *Кудру*,
- рч. *Чернавка* из оз. *Чернаго* в *Клевеченку*,
- рч. *Черная* из оз. *Долгова* в *Явонь*,
- рч. *Черная* в *Дубровку* [СГМ].

Говоря о лексеме *белый*, мы уже отметили противопоставление названий со словами *белый — черный* в

гидронимах на местности. Ср. также рч. *Чернавка* — через оз. *Белое* в оз. *Врево* Луг.; рч. *Черная* — в *Белую Бор.* [СГМ].

По поводу семантики цветowych обозначений в гидронимах следует напомнить наблюдения А.В. Суперанской, проанализировавшей большое количество примеров из разных языков, в том числе ряд славянских гидронимов. В частности, автор приходит к следующему выводу: "Цветовые названия встречаются слишком часто, для того чтобы быть случайными. В то же время набор их слишком беден для того, чтобы они могли отражать какие-либо реальные признаки объектов. Все это заставляет думать, что они служат или служили своеобразными местными географическими терминами" [Суперанская, 1970, 126].

С этим можно согласиться, заметив, однако, что реальные признаки объекта в ряде случаев все же отражаются цветовыми обозначениями в гидронимах ("позитивность" географических названий), но бедность инвентаря лексем объясняется выборочностью лексических единиц, мотивирующих топонимы; кроме того, налицо полисемия таких обозначений, как *белый*, *белая вода* и т.д. А.В. Суперанская приводит также интересные наблюдения над употреблением обозначений *черный* — *белый* по отношению к правым и левым притокам, к направлению (меридиональному или широтному) течения рек и т.п. О цветовой символике в географических названиях см. также: [Иванов В.В., 1981; Карпенко О.П., 1986].

Названия, данные по ориентации течения, характеру притоков, связи с окружающим рельефом, почвой, с другими географическими объектами. Исходные лексемы: *берва*, *бердо*, *берег*, *болото*, *большой*, *бор*, *верх*, *ветка*, *враг (овраг)*, *гарь*, *гверста*, *глина*, *гора*, *городить*, *городище*, *грива*, *гряда*, *губа*, *дебрь*, *дол*, *долина*,

дресва, *железо*, *забор*, *задний*, *заполица*, *засека*, *земляной*, *излог*, *камень*, *клин*, *кремень*, *кут*, *лава*, *левый*, *лоб*, *луг*, *лузь*, *малый*, *мох*, *нива*, *опока*, *остров*, *отонить*, *перелог*, *переход*, *песок*, *плот*, *рамень*, *ров*, *руда*, *средний*, *угор*, *холм*.

бор

Часть гидронимов с этой основой образована от соответствующих ойконимов. Ср. р. *Борок* Гдов. — от дер. *Бор*; р. *Боровенка* Гдов. — на ней дер. *Малая Боровня*, *Средняя Боровня*, *Конец Боровни* [Сп.н.м. СПб.]; рч. *Боровчанка* Ст.-рус. — на ней дер. *Белосусов Бор (Большой Бор)* [Сп.н.м. Новг.]. Словообразовательные типы гидронимов с основой *бор* разнообразны: оз. *Боровое* Тихв. — оз. *Заборовье* Холм. — рч. *Заборка* Бор. — рч. *Боровна* Кир. — рч. *Боровна* Крест., Валд. в оз. *Боровно* — рч. *Боровенка* 1) Крест, 2) Новг., Порх. — рч. *Боровуха* Бор. — рч. *Боровушка* Бор. [СГМ] — рч. *Боровинник* Дем. [Сп.н.м. Новг.].

глина

Названия с этой основой выявить трудно, так как в северо-западных говорах отмечается контаминация слов *глина* и *гнилой*, т.е. *глина* = *гнила* [Даль, 1956, т. 1, 361]. Этот разнобой постоянно встречается в СГМ: "озеро *Глинец*, из него речка *Гниловка*" [СГМ, Бор.]; рч. *Гнилка* Ст.-рус., Крест. — рядом же написано: *Ведерка* в *Глинку*; и т.п. Бесспорные формы: оз. *Глино* Ш.п. [Новг. писц. кн.]; рч. *Глинянка* Пск. [Сп.н.м. Пск.].

городить, городище

В ряде случаев гидронимы образованы от соответствующих ойконимов, так как основа *город*- широко распространена в названиях населенных пунктов (ввиду значений 'городить', 'огораживать' и т.д.). Однако в самой гидронимии эта основа также частотна: видимо,

благодаря значению 'перегораживать (реку с целью рыбной ловли)', а также тому, что на берегах многих озер и рек строились древние городища. Ср. и такой апеллатив, как *городище* 'подводная каменная мель, зубчатый риф' [Даль, 1956, т. 1, 381].

Ср. оз. *Городно* и р. *Городна* Бор. — рч. *Городенка* Луг., Новг. — оз. *Городище* Бор. [СГМ] — р. *Горюдец* Луж. (при ней дер. *Городони*) — рч. *Городечна* Тор. — руч. *Городня* Ст.-рус. [Сн.н.м. СПб., Пск., Новг.].

камень

Ср. рч. *Каменка* Луг. — рч. *Каменник* Крест. — рч. *Каменец* Порх. [СГМ] — оз. *Камень* Ш.п. Существуют и МГТ *каменка* 'речка или ручеек, у которого ложе каменное' [Маштаков, 1931, 44], и др. МГТ, образованные от этой основы [См.: Мурзаев, 1984, 249], так что не всегда бывает ясно, образован ли гидроним с помощью аффиксов от основы *камень*, или же название представляет собой готовый апеллатив, подвергшийся онимизации.

Связь названий с окружающим рельефом и с другими названиями на местности подчеркивается таким примером; "речка *Каменка* вытекает из озера *Каменного* и впадает в озеро *Крутец*" Порх., Остр. [СГМ].

мох

Лексема *мох*, обозначающая болото, вместе с другими производными — *мшага*, *мшара* и т.п. — одна из самых частотных не только в данной группе, но и в целом в гидронимии Русского Северо-Запада. Она дает в гидронимах широкий словообразовательный спектр субстантивных и адъективных форм. Ср. рч. *Мошня* Бор. — рч. *Мошнянка* Бор. — рч. *Мховка* Бор., Тихв. — рч. *Мшанка* Луг. — рч. *Замошка* в оз. *Замошье* Крест. — оз. *Мошенец* Крест. — рч. *Мошенка* Валд., Ст.-рус. — рч. *Мшенка* Валд. — рч. *Мшарка*

Крест., Валд. — рч. *Мошня* Опоч., Себеж. — рч. *Мшанка* Холм. — р. *Мшага* Луг., Новг., Порх. — рч. *Моховая* Бор. — оз. *Моховое* Валд. и др. [СГМ]. Болотистый характер местности, по которой протекают реки с подобными названиями, иногда подтверждается прямыми указаниями источников: "река *Мошня* из болота в *Халову*" Ст.-рус., Крест. [СГМ].

По поводу названия р. *Мшага*, л. пр. Шелони (Солецкий р-н Новг. обл.) А.И. Попов высказал сомнение относительно его славянского происхождения и связи с лексемой *мох*: "...в древнейших источниках она зовется *Пшага*, и это, конечно, звучит не по-славянски; *Мшага* можно было бы производить от "мох", если бы не было указанной древней формы. Возможно, впрочем, думать, что здесь имеет место нечто подобное наблюдаемому в других случаях неразличению губных *м* и *п*, да и, кроме того, упоминания этой реки до XV столетия единичны, так что окончательно вопрос о языковой принадлежности этого названия решить нельзя" [Попов, 1981, 36]. Думается, что соображения А.И. Попова по поводу фонетики вариантов *Мшага* / *Пшага* совершенно справедливы: форма *Мшага* скорее дает преобразование в *Пшага*, чем наоборот, и связь названия этой реки с лексемой *мох* не вызывает сомнений. Кроме того, отмечен специальный МГТ *мшага*, с тем же значением, что и *мшара*, т.е. 'болото, моховое болото; сырое, низкое место' [Мурзаев, 1984, 382]. Эта лексема записана нами и в Псковской обл. (экспедиция 1982); ср. болото *Митина мшага* под дер. Прибуж Гдов. р-на и др.

остров

Частотная лексема в гидронимах. Велико разнообразие словообразовательных средств. Ср. оз. *Островно* Крест. — рч. *Островня* Остр. — рч. *Островянка* Остр., Порх. — рч. *Островенка* из оз. *Островенского*

Бор. — оз. *Островское* Тихв. — рч. *Заостровица* Белоз. — оз. *Островитое* Валд. — оз. *Островита*, из него рч. *Островитка* Влкл. [СГМ]. Часты одноименные названия деревень и сел, благодаря чему бывает трудно решить, какое именно название было первичным; ср. оз. *Островно* Д.п., при нем с-цо *Островно* [Новг. писц. кн.].

песок

В источниках наблюдается разнообразие словообразовательных и графических вариантов гидронимов с этой основой. Ср. р. *Песочинка* "из озера *Песочнова* в *Мологу*" Уст. — рч. *Песочня* в *Чагодоцу* Уст. — рч. *Пещанка* Валд. — оз. *Песочня* Валд. — рч. *Песочки* и *Песочня* Холм. [СГМ] — оз. *Песчанка* Д.п. [Новг. писц. кн.]. Интересна форма гидронима оз. *Писковно* Д.п. [Новг. писц. кн.]: исходная словообразующая основа отмечена, например, в украинском языке, ср. укр. *піскова*, *пісковата*, *пісковина* 'низменное песчаное место' [Марусенко, 1968, 242]; ср. также *піскавія* '1) яма в песке, 2) песчаный берег', *пісковатка* 'песчаный берег', *пісковнік* '1) песчаный берег, 2) песчаная насыпь у реки' [Черепанова, 1984, 165].

Названия, отражающие флору региона

Исходные лексемы: *береза*, *брусника*, *верба*, *вяз*, *дуб*, *ель*, *калина*, *камыш*, *крапива*, *лен*, *липа*, *ольха*, *осина*, *орех*, *осот*, *папоротник*, *ракета*, *рогоз*, *сита*, *сосна*, *треста*, *хвоц*, *хмель*, *черемуха*, *яблоня*.

Наиболее частотны в гидронимии Северо-Запада названия, указывающие на березу, дуб, ольху, а также на водные растения — тростник, рогоз, камыш, обозначаемые диалектизмами *сита* и *треста* (*троста*). Лексема *камыш*, характерная для южнорусских говоров, встретилась в гидронимии Северо-Запада один

раз: рч. *Камышенка* Холм. [СГМ]. Гидронимы, содержащие основу *треста*, имеют много вариантных форм основы, ср. рч. *Тростинка* и рч. *Тресница* Тихв., — рч. *Трестьянка* Тихв., Бор. — рч. *Тросня* Влкл., Холм. и др. [СГМ].

Об основах *сита*, *троста*, *рогоз* на материале гидронимии Поочья см.: [Смолицкая, 1974, также Агеева, 1985].

Названия, отражающие фауну региона

Исходные лексемы: *баран*, *бобр*, *бык*, *волк*, *ворон*, *выдра*, *гагара*, *гусь*, *жаба*, *жеребец*, *жук*, *змея*, *кабан*, *карась*, *кобыла*, *корова*, *комар*, *конь*, *куница*, *лебедь*, *лосось*, *медведь*, *осетр*, *петух*, *рак*, *сом*, *сыч*, *тур*, *щука*, *язь* и др.

Эта группа гидронимов в целом не так многочисленна, как названия, отражающие флору; многие из указанных лексем встречаются в единичных случаях. Мало названий рыб, зато часты указания на реки, богатые рыбой; рч. *Рыбна* Тихв., Бор. — рч. *Рыбница* Белоз. и др. [СГМ]. Интересно отметить необычное скопление в территориально ограниченном районе названий рек с основами в виде чистых апеллятивов: 1) р. *Ворон* в Суду Белоз., Чер.; 2) рч. *Комар* в Малую Юшку, Чер.; 3) рч. *Осетр* Чер.; 4) р. *Петух* в Суду Белоз., Чер.; 5) р. *Коль* в Суду Тихв., Белоз., Уст. [СГМ]. Это явление требует дальнейшего исследования. Ареал, в котором нами обнаружены такие названия, заставляет предположить возможность калькирования субстратных финно-угорских гидронимов; хотя подобный топонимический тип представлен и в русском языке, но встречается довольно редко. Действительно, А.И. Попов [1948, 170, 173], ранее заметивший обилие в Белозерском крае речных имен, данных по названи-

ям птиц (*Ворон, Петух, Колль*), проводит параллель между гидронимами р. *Петух* и *Кукоозеро* — от вепс. *кукой*, фин. *kikko* 'петух' [по СГМ — *Кукозеро* Белоз. — Р.А.].

Названия, характеризующие историю, экономику и культуру региона

Исходные лексемы: *волок, граница, дача, двор, деготь, дор, клеть, князь, конец (деревни), луб, межа, мельница, могила, мост, объезжать, осек, перевоз, погост, рубеж, святой, село, смерд, смола (смолить), съезжать, тереб* и др. (см. также: *городить, городище*).

Указанные лексемы характеризуют в первую очередь ойконимию, в гидронимах они часто вторичны. В гидронимах мало лексем, относящихся к религиозным представлениям и верованиям: *бес, черт*, немного чаще лексема *святой*.

Большинство гидронимов этой группы отражает сведения экономико-географического характера, ср. названия, данные по древним волокам: рч. *Волочня* в Колль Уст. — оз. *Волоцкое*, из него Ухтома Кяр. — рч. *Волоченка* из оз. *Волочно* в оз. Дольгое Валд. — оз. *Кемоволожье* Валд. [СГМ] — оз. *Волоченец* Д.п. [Новг. писц. кн.] — оз. *Волокское* Луж. р-на. Географические названия с этой основой, как правило, "позитивны" и отражают действительное местонахождение древних водно-волоковых путей [Афанасьев, 1979]. Гидронимы типа *Меленка, Мельничный* и др. указывают на наличие в прошлом мельниц по рекам, ср. р. *Меленка* Гдов., на ней деревня и погост *Мельницы* [Сп.н.м. СПб.]. В отношении формы *Меленка* ср., однако, украинский МГТ *меленка* 'мель на реке' [Черепанова, 1984, 132]; возможно, и для некоторых подоб-

ных названий на русской территории следует реконструировать сходный апеллятив.

Гидронимы с основами *дор* (от *драть*) и *тереб* (от *теребить* 'расчищать') связаны с терминологией подсечного земледелия: реки *Дорка, Теребешка* и др. Число названий с *тереб* = особенно велико; ср. р. *Теребенка* Луг. — р. *Теребишка* Тихв. — оз. *Теребень* Крест. — рч. *Теребушка* Новоладож. — рч. *Теребовка* Пск. — рч. *Теребешка* Порх. [СГМ] — рч. *Теребиха* Остр. — рч. *Теребка* Опоч. — [Сп.н.м. СПб., Пск.] — оз. *Теребенец* Д.п. [Новг. писц.кн.]. Часть названий этого типа происходит от ойконимов; ср. рч. *Теребитовка* Нрж. — на ней дер. *Теребитово* [Сп.н.м. Пск.].

Сложный случай в плане семантики и словообразования представлен в названиях оз. *Дербоеж* Тор. [Атл. Пск. губ.], вариант этого гидронима зафиксирован в работе [Шкапский, 1912] — оз. *Малый Дербовеж*, рядом оз. *Теребажу* — *Дербовеж* Тор. Последнее название, видимо, подвергалось искажению. Будучи окказиональным именем, произведенным по типу соположения [ср.: Подольская, 1983, 15], *Теребажу* — *Дербовеж* отражает две семантически близкие, а может быть, и этимологически родственные основы. Ср. пск. *деребáть* 'чесать, трепать, царапать' [КПОС], также *дербíть*, которое в некоторых русских говорах (костромских) означает 'чесать, скрести, царапать, либо драть, теребить'; *дербá* арх., влгд. 'залежь сильно задерневшая, с моховиной и кочкарником, который надо сдирать; залежь, вновь поросшая лесом; новина или целина, некогда паханая; запущенная рощица, подсека, чищоба, починок' [Даль, 1956, т. 1, 429]. М. Фасмер [Фасмер, 1964—1973, т. 1, 499] возводит *дербá* к **der* = 'драть', сравнивает также с *теребíть*. Суффиксальное оформление слова *Дербовеж* заставляет думать о двух возможностях.

Н.В. Подольская [1983, 128—131] выделила топооснову *веж(а)* в названиях типа *Вежищи, Белавежа, Литовеж* и т.п. Значения этой лексемы следующие: 1) легкая жилая постройка (кочевая кибитка, палатка); 2) мн. стан, кочевье; 3) крепостное сооружение, башня; 4) хозяйственная постройка; 5) рыболовное угодье с постройками, тоня [СРЯ XI—XVII вв., вып. 2, 50—51]. Из этих значений по крайней мере четвертое и пятое могли бы присутствовать во втором компоненте гидронима *Дербовеж*. Однако название *Дербовеж*, что более вероятно, может быть результатом контаминации с формой *Теребеж*, что ставит этот гидроним в ряд на *-еж*, ср. *Трубеж, Задеж* и т.п. — модель редкая и еще недостаточно исследованная; см. об этом также у О.Н. Трубачева [1968, 187—188], который с уверенностью выделяет суф. *-еж* лишь в названиях типа *Теребеж* (бас. Днестра): **terb-ežь* от глагола **terbiti* 'корчевать, тербить', — это имя известно также в топонимии у южных и западных славян.

Четко выделяется в семантическом плане группа названий с исходными апеллятивами *граница, межа, рубеж*. Такие гидронимы (и соответствующие им ойконимы) свидетельствуют о действительных границах между деревнями, землями, находящимися у разных владельцев, станами, волостями, уездами, губерниями; гидронимы эти могут служить дополнительным источником исторической информации об административном делении и землевладении на территории Русского Северо-Запада в разные периоды. Например, на карте 1848 г., известной как "Карта Шуберта", показано оз. *Чудское Ст.-рус. у.* недалеко от оз. *Полисто* Пск. губ. Эти два озера разделяются оз. *Русским* и оз. *Межницким* [КШ-18]. Возможно, название оз. *Межницкого* указывает на существовавшие в какое-то время границы между финно-угорским (эстонским?) и русским населе-

нием. Этот вопрос требует специального исторического исследования, выходящего за рамки настоящей работы.

В списках к "Планам Генерального межевания" обращает на себя внимание обилие гидронимов с основой *рубеж* на юге исторических Псковских земель в Великолуцком у. Реки с подобными названиями разделяют Великолуцкий у. с соседними уездами. Можно предположить, что часть этих названий возникла и значительно раньше XVIII в., так как земли, прилегающие к Великим Лукам и Ржеву, в течение ряда веков были предметом спора между псковичами и Тверским княжеством. Ср. гидронимы: рч. *Рубеженка* Опоч., Влкл. — рч. *Рубежница* Холм., Влкл. — рч. *Рубежинка* Влкл. Нрж., Холм. — рч. *Рубежница* Влкл., Невел. — (две разные реки, разделяющие эти уезды) — оз. *Рубежно* Влкл., а также реки, разделяющие другие земли, например, рч. *Рубешка*, вытекающая из Псковского у., проходящая по границе с Порховским у. и впадающая снова в Псковском у. [СГМ].

Следует отметить, что принципы, положенные в основу номинации водных объектов Русского Северо-Запада, универсальны и ничем не отличаются от номинации в других русских и шире — восточнославянских — областях. Признаки, положенные в основу наименований водных объектов, не только повторяются на разных территориях в одинаковых или близко схожих названиях, но и могут сохранять свою устойчивость в локально ограниченном районе даже в случае применения разных лексем. Мы уже отмечали скопление апеллятивов, отражающих фауну, в Белозерье. К этому можно добавить пример с гидронимом *Коровенка* близ дер. Чухновы Лядинки Гдовского р-на. *Коровенка* (*Коровенец*) — лесная речка, получившая, по объяснению местных жителей, свое наименование благодаря тому, что через нее гнали скот [Подольская,

Полевые дневники]. Далее по течению она называется *Баранница* и под этим наименованием впадает в Вердугу. Таким образом, за двумя различными наименованиями одного и того же объекта стоит общий родовый признак базовых апеллятивов (*корова, баран* → *скот*), положенный в основу номинации. Исследование мотивировок и смысловых связей в парах апеллятив → апеллятив, апеллятив → топоним, топоним → топоним, — связей, нередко перекрещивающихся в этих парах, — таит в себе множество подобных нюансов. Совершенно не изучен, например, вопрос о связи психологии номинации географических объектов с чисто языковыми явлениями синонимии, омонимии и т.д., а также с семиотическим осмыслением некоторых оппозиций типа "черный" — "белый", "большой" — "малый" и т.п. Не исключено, что существование на местности названия рч. *Черной* (данного по черной воде, по лесной заболоченной местности) благодаря своеобразной "аттракции", или притягиванию, автоматически вызывает появление другого члена корреляции — гидронима *Белая*, — возникновение которого не обусловлено никакими смысловыми связями с лексемой *белый* и никакими свойствами географических реалий.

Наконец, следует сказать несколько слов об ареальной характеристике базовой апеллятивной лексики гидронимии Русского Северо-Запада.

Географические апеллятивы, лежащие в основе гидронимов изучаемого ареала, имеют широкие соответствия на территории Центра и Севера Европейской части России. Такие МГТ, как *река, ручей, озеро, пруд, колодец, родник, ключ, враг (овраг), клин, мох, корытина, плес, лука* и др., распространены в Московской, Ярославской, Рязанской, Смоленской и др. областях центра. В то же время некоторые апеллятивы,

употреблявшиеся прежде во всей восточнославянской языковой области, например, *криница, крупец, волмище, осов* и др., в настоящее время сохранились преимущественно в областях Северо-Запада России, Белоруссии, на Украине [Яшкин, 1974; Жучкевич, 1972; Черепанова, 1974]. Так, географическая терминология отражает во многих случаях псковско-белорусские лексические параллели [Мокиенко, 1972]. Рассмотренные на славянском фоне, они свидетельствуют о тесных контактах псковичей с белорусами. Видимо, области Северо-Запада России и соседние области Белоруссии и Украины отличались общей тенденцией развития и закрепления определенных географических терминов. Покажем это на примере названия оз. и руч. *Осовец* Валд. [СГМ] — Ср. р. *Осов* Волын. губ.; р. *Осова* 1) 2 названия в Минск. губ.; 2) Орлов. губ.; р. *Осовец* 1) Могилев. губ., 2) Рязан. губ.; 3) Волын. губ.; р. *Осовик* Полтав. губ.; р. *Осовина* Минск. губ.; р. *Осовица* Костром. губ.; р. *Осовка* (польск. *Osówka*). Минск. губ. [Vasmer, WRG]. Ср. много названий типа *Осово, Осовы, Осовец* в Белоруссии и на Украине (в памятниках XIV—XVI вв. *Осов*), а также в Польше: оз. *Osowo*.

Здесь следует указать на возможность связи с гнездом слов *сунуть, совать*, ср. рус. диал. *осунуться* 'обвалиться, обрушиться', *осов*, стар. *осовец, осовок* 'часть осунувшейся земли, по берегу, по яру, по косо-гору, откосу и пр.' [Даль, 1956, т. 2, 621].

На Украине известен МГТ *осов (вбсов), осовок* 'островок на болоте', 'подмытая и оторванная часть берега', эта же основа присутствует в гидронимах [Черепанова, 1984, 152—153]. В русских исторических документах встречается термин *осовец* не совсем ясного значения: "А ездят осовцом, дорогою пошлою, по Заречью" [Кочин, 1937, 222]. Названия с этой лексемой подробно проанализировал В.А. Жучкевич [1968, 51;

1974, 275—276], полагающий, что в Белоруссии топонимы указанного типа происходят от названия *осины*. Блр. *осонок* — 'молодая осинная поросль, осинник у дороги'. Трудно сказать, с каким именно апеллятивом связано название озера и ручья *Осовец* Валд., так как на Северо-Западе оно единично; однако очевидна связь его в первую очередь с белорусско-украинским ареалом; отдельные названия встречаются и в центре Европейской части России.

В гидронимах Русского Северо-Запада нашла отражение русская диалектная и архаическая лексика.

Диалектные особенности гидронимов Псковско-Новгородского края отражают общие особенности новгородских и псковских говоров. Эти группы северозападных говоров исследованы достаточно хорошо [Соколов, 1914; 1919; Соловьев, 1904]. В частности, отражение особенностей псковских говоров в псковской топонимии было освещено А.И. Лебедевой [1962]. Поэтому мы ограничимся указанием на некоторые дополнительные примеры. На основании нашего материала можно выделить следующие явления: 1) озвончение согласного в середине слова: *Шеленга* < *Шеленка*, *Судочка* < *Суточка*; 2) палатализация сочетания *стj*: *Стягла* > *Щагла*; 3) протетический гласный: *Авнежа-Внежа*, *Илеменка—Леменка*; 4) протетическое *в* в начале слова: *Вохвыто* < *Охват*; 5) произношение *чн* как *шн*: *Озерешно* < *Озеречно*; 6) сочетание *гл* вместо *л*: *Еглина*; 7) диалектный суф. *-яг*: *Осняг*; 8) диссимиляция губного согласного: *Пишага* < *Мшага*; 9) отражение второго полногласия: *Черемецкое* (ср. *черёмный*), *Холомское* (ср. *холомók*), *Черевенка* (ср. *черевók*) и др.⁵

⁵ Об апеллятивных основах со вторым полногласием см.: [В.В. Колесов, 1963, 148—159].

Диалектная и архаическая лексика частично представлена в МГТ и в антропонимических основах. Среди апеллятивов, лежащих в основах гидронимов (и соответствующих ойконимов) встречаются также слова: *вапа*, *варавина*, *вервь*, *гридь*, *котцы*, *осек*, *сябр*, *черемный*, *шабер* и др. Большинство этих водных названий — ойконимического происхождения. Например, оз. *Осечно* — от дер. *Осечно*, ср. *осек* 'засака, устраиваемая на границах в целях обороны; изгородь в лесу из срубленных и наваленных одно на другое деревьев' [Кочин, 1937, 221]; руч. *Котецкий* от с. *Ручьевые Котцы* и с. *Речные Котцы*, ср. *котцы*, *котцице* 'рыболовная снасть' [там же, 160]. Некоторые гидронимы, наоборот, первичны (об этом свидетельствует как семантика основы, так и словообразование): оз. *Отонец* Осташк. [Сп.н.м. Твер.] — дер. *Отонец*, ср. оз. *Отон* Рязанской губ. От *отонить* место, пск. твер. 'окинуть тонею, обнять неводом' [Даль, 1956, т. 2, 742]. Название ручья *Выбута* — дер. *Бутово* Ржев., пуст. *Выбутова* Крест. происходит от апеллятива *вы́бут*, *бути́ть* 'заваливать яму, ров или воду камнем и землей' [Даль, 1956, т. 1, 145]. Ср. также гидроним р. *Кнежая* Влкл., [Атл. Рос. II], р. *Княжа* Валд. [Сп.н.м. Новг.] с притяжательным формантом *-ь* из основы *кнѣзь* 'князь'. В некоторых случаях, однако, апеллятивная основа гидронима допускает двойное толкование, в равной степени вероятное: оз. *Вапово* — дер. *Вапово*, ср. нарицат. *вап*, *вапа* 'краска, красильное вещество' [Даль, 1956, т. 1, 164], др.-рус. *вапа*, *вапъ*. Ср. также др.-рус. *вапа* 'мелкий залив, водоем со стоячей водой' [СРЯ XI—XVII вв., вып. 2, 16]. Следует учесть и возможность антропонимического происхождения названия *Вапово*, хотя фамилия этого типа в источниках не зафиксирована.

Антропонимы в составе гидронимов

Группа гидронимов с антропонимической основой представляет собой не самую большую, но довольно значительную часть — около 1/6 всех названий Русского Северо-Запада. В основе таких гидронимов лежат русские (восточнославянские) личные имена и фамилии, как более древние языческие, так и более поздние христианские. Антропонимический материал выверялся нами по существующим словарям [Тупиков, 1903; Морошкин, 1867; Карнович, 1886], а также по именным указателям писцовых книг и другим источникам. Привлекались также данные западнославянской и южнославянской антропонимии.

Разумеется, подавляющее большинство гидронимов с антропонимическими основами вторично, т.е. образовано от соответствующих ойконимов. Поэтому, строго говоря, с точки зрения номинации в этих случаях речь идет об исходных антропонимических основах ойконимов. Однако существует и целый ряд водных названий, образованных непосредственно от антропонимов (некоторые представляют собой антропонимы в чистом виде). Мы рассмотрим антропонимические основы гидронимов с точки зрения их происхождения, отвлекаясь от мотивации гидронимов в каждом конкретном случае, так как хотим дать общий обзор антропонимов, попавших в систему географических названий Северо-Запада.

Канонические и древнерусские личные имена и фамилии, образованные от них, представлены в гидронимах пропорционально меньше, чем различные прозвища. Топонимическая система северо-западных областей России сохранила много архаических особенностей восточнославянской топонимии, в частности, древние славянские антропонимы, лежащие в основе географических названий.

В основах гидронимов Северо-Запада представлены более 60 русских канонических личных имен (названия деревень не приводятся):

- Аггей, Агей* — рч. *Агеевка* Чер. [СГМ]
Алексей, Алекса, Алехно — руч. *Алексинский* Дем., рч. *Лехновка* Холм. [Сп.н.м. Новг.]
Акиндин, прост. Анкудин — рч. *Анкудиновка* Порх. [СГМ]
Андроник, Андрош — оз. *Андрошевское* Влкл. [Сп.в.м. Пск.]
Ананий, Анаша — оз. *Оношкино* Бор. [СГМ], рч. *Анашка* Новг. р-на [Карта Новг. обл.]
Антон — оз. *Антоново* Луг. [СГМ].
Арефий — оз. *Арефинское* Чер. [СГМ]
Богдан — оз. *Богдановское* Тихв. [СГМ]
Борис — рч. *Борисовка* Валд. [СГМ]
Валентин, Вальша — рч. *Вальшовка* Порх. [СГМ]
Василий — оз. *Васильевское* Ш.п. [Новг. писц.кн.]
Гавриил, Гаврила — рч. *Гавриловка* Валд. [СГМ]
Герасим — оз. *Герасимовское* Белоз. [СГМ]
Глеб — оз. *Глебьск.* Д.п. [Новг. писц.кн.]
Григорий, Гриня, Грдя, Гриша, Грихно, Гринец — оз. *Гриниово* Влкл., оз. *Грихново* Влкл., руч. *Гришиха* Влкл. [Сп.н.м. Пск.], рч. *Гридинка* Крест. [СГМ]
Давид — рч. *Давыдовка* Белоз. [СГМ]
Даниил, Данила, Дахно — оз. *Дахново* Нрж. [Сп.н.м. Пск.]
Демьян, Дема, Демша — р. *Деменка* Ш.п. [Новг. писц.кн.], оз. *Демино* Влкл., рч. *Демшанка* Нрж. [Сп.н.м. Пск.]
Демид — оз. *Демидово* Влкл. [Сп.н.м. Пск.]
Дмитрий, разг. Миля, Митюня — рч. *Митинка* Гдов., рч. *Митюненка* Гдов. [Сп.н.м. Спб.]
Дорофей, Дороха — оз. *Дороховское* Бор. [СГМ]
Естафий, разг. Остаиш, Остах (ср. также уменьшительные имена к *Станислав*) — оз. *Осташкино* Влкл. [Сп.н.м. Пск.]
Ефрем — руч. *Ефремовка* Осташк. [Сп.н.м. Твер.]
Захар — р. *Захаровщина-Черемха* Ш.п. [Новг. писц.кн.]
Иван, Ваня, Ванюха — руч. *Ванков* Гдов., рч. *Ванюха* Влкл., руч. *Иванский* Гдов. [Сп.н.м. СПб., Пск.]
Игнатий, Игнат — оз. *Игнатьевское* Чер. [СГМ]
Иларион, Ларя — рч. *Ларинка* Крест. [СГМ]
Иосиф, Осип — рч. *Осиповка* Крест. [СГМ].
Исаак, разг. Исак — рч. *Исаковка* Луг. [СГМ]
Исаия, разг. Исай — оз. *Исаево* Нрж. [СГМ]

Касьян — рч. *Касьянка* Новг. [Сп.н.м. Новг.]
Клим — рч. *Клименка* Ш.п. [Новг. писц.кн.]
Кузьма, разг. *Козьма* — руч. *Кузьма* Порх. [Сп.н.м. Пск.], рч. *Козминка* Бор. [СГМ]
Лазарь — рч. *Лазаревка* Чер. [СГМ]
Лот — оз. *Лотово* Д.п. [Новг. писц.кн.]
Малахий, *Малаха* — рч. *Малаховка* Порх. [СГМ]
Мануил, разг. *Мануха*, *Монуха*, блр. *Манух* — рч. *Мануховка* Остр. [Сп.н.м. Пск.]
Матвей, *Матюха*, *Махно* — рч. *Матвеевка* Чер. [СГМ], рч. *Матюха* Холм., рч. *Махновка* Нрж. [Сп.н.м. Пск.]
Мефодий, разг. *Нефед* — оз. *Нефедец* Опоч. [Сп.н.м. Пск.]
Михаил, *Михно* — рч. *Мишковка* Бор., рч. *Михновка* Влкл., рч. *Михалевка* Влкл. [СГМ]
Николай, разг. *Микула* — оз. *Никулино* Тихв. [СГМ], р. *Микулинка* Новг. [Атл. Рос. III]
Павел — оз. *Павловское* Д.п. [Новг. писц.кн.]
Пантелеймон, *Паня*, *Панько* — оз. *Панино* Белоз. [СГМ], рч. *Паньковка* Ст.-рус. [Сп.н.м. Новг.]
Пахом — рч. *Пахоменка* Холм. [СГМ]
Петр — рч. *Петровка* Бор., рч. *Петринка* Бор. [СГМ]
Родион — рч. *Родионовка* Осташк., Холм. [СГМ]
Роман — оз. *Романовское* Чер. [СГМ]
Савва — оз. *Савино* Уст. [СГМ]
Савватий, разг. *Савватей* — р. *Саватейка* Ст.-рус. [Сп.н.м. Новг.]
Сильвестр, разг. *Селивёрст* — рч. *Селиверстица* Тор. [Сп.н.м. Пск.]
Софья, *Соня* — рч. *Сонинка* Бор. [СГМ]
Станислав, *Стах* — рч. *Стаховка* Холм., рч. *Остаховка* Бор. [СГМ]
 Эти названия также могут происходить от имени *Евстафий* (см.)
Степан — рч. *Степановка* Бор. [СГМ]
Тарас — оз. *Тарасы* Опоч. [Сп.н.м. Пск.]
Терентий, *Тереня*, *Тереха*, *Терёша* — оз. *Теренино* Опоч., рч. *Тереховка* Влкл. [Сп.н.м. Пск.], р. *Терешинка* Ш.п. [Новг. писц.кн.]
Тимофей, *Тимоша* — рч. *Тимошинка* Крест. [СГМ]
Ульяна — р. *Ульяница* Тихв. [СГМ]
Устин — рч. *Устиновка* Крест. [СГМ]
Феодосий, *Федос* — оз. *Федосово* Бор. [СГМ]
Филипп — оз. *Филиппово* Ш.п. [Новг. писц.кн.]
Флор, разг. *Фрол* — рч. *Фролова* Влкл. [Сп.н.м. Пск.]
Фома, разг. *Хома* — рч. *Фоминка* Валд. [СГМ], оз. *Хоменка* Валд. [Сп.н.м. Новг.]
Фотиния, разг. *Фетиния* — оз. *Фетининское* Влкл. [Сп.н.м. Пск.]

Харламтий, блр. *Харлап* — рч. *Харлаповка* Нрж. [Сп.н.м. Пск.]
Юрий, *Юрко* — оз. *Юрковец* Влкл. [Сп.н.м. Пск.]
Яков, *Якуша*, *Яхно* — оз. *Якушево* Нрж. [Сп.н.м. Пск.], оз. *Яхново* Влкл. [СГМ]

На основании анализа гидронимов можно косвенно судить о разговорных формах антропонимов, характерных для Новгородско-Псковских земель. К ним относится тип уменьшительных имен на *-хно* (*Грихно*, *Лехно*, *Дахно*, *Махно*, *Михно*, *Яхно*), *-ец* (*Гринец*), *-ша* (*Вальша*, *Демша*, *Якуша*), *-ко* (*Панько*, *Юрко*). Разговорный язык переделывает имя *Фома* на *Хома* (ср. *Хоменка*), *Фотиния* на *Фетиния* (ср. *Фетининское*). В гидронимах отмечается и большое разнообразие гипокористических форм антропонимов; ср. *Теренино*, *Тереховка*, *Терешинка*. В некоторых случаях по формам названий трудно с уверенностью судить об исходном антропониме: имена *Евстафий*, *Станислав* могут давать уменьшительные формы *Стах*, *Остах*. Имена типа *Стах*, *Сташек* от *Станислав* — характерны для западнославянского (польского) ареала.

Следует отметить и параллели, устанавливаемые по гидронимам Северо-Запада, между антропонимией новгородцев и псковичей и антропонимией других восточных славян. Так, имя *Харлап* отражает белорусскую форму имени *Харламтий*, ср. рч. *Харлаповка* Нрж. Тип уменьшительных имен на *-хно* в антропонимии восточных славян характерен только для белорусской, украинской и северо-западной зоны. Ср. *Сихно* (рч. *Сихновка* Холм.) — отчество *Сихнов* [Новг. писц.кн.] и древнеукраинское имя *Сихно* [Керста, 1984, 137]; *Трухно* (рч. *Трухновка* Опоч.) — имя *Трухна* и отчество *Трухнов* [Новг. писц.кн.] и украинское имя *Трухно*, которое Р.И. Керста [1984, 137] предположительно связывает с именем *Трифон*. Некоторые основы гидронимов Северо-Запада находят параллели только при

сопоставлении с украинским материалом. Ср. оз. *Засково* Вкл. — украинское имя *Заско* (неясного происхождения: *Марко Засковичь*) [Керста, 1984, 133] и т.п.

С точки зрения происхождения основ особенно многочисленна группа гидронимов, которые позволяют восстановить русские неканонические имена и прозвища. Формы этих имен и прозвищ легли в основу фамилий; таким образом, гидронимы и соответствующие им ойконимы отразили уже позднюю стадию развития русских имен — образование фамилий через промежуточную ступень — отчества.

Большая группа названий отражает и отчества, исходная форма которых зафиксирована в исторических документах [см.: Мирославская, 1955].

Существует мнение, что такие имена, как *Волк*, *Бобр*, *Шило* и др., — обычные нарицательные слова русского языка XVI в., употребленные как прозвища. Вряд ли, однако, с этим можно согласиться. В словарях [Тупиков, 1903; Морошкин, 1867] представлен материал, хронологически относящийся к разным эпохам. Есть все основания полагать, что подобные прозвищные имена функционировали и ранее XV—XVI вв. По свидетельству этих же авторов в различных говорах русского языка имелся определенный и более или менее устойчивый круг лексем, употреблявшихся в качестве личных имен. Были имена, присваиваемые младенцам, были прозвищные имена, даваемые взрослым людям. Однако, как отмечает ряд исследователей, многие имена этого типа были настолько широко распространены, что часто давались по традиции, потому что эти имена были уже в ходу. Разумеется, прозвищные имена следует отличать как от христианских канонических, так и от древнерусских языческих имен. Но прозвища часто вытесняли официальное имя полностью, функционируя в качестве ординарного личного

имени; известен и факт интенсивного процесса образования фамилий от таких прозвищных имен.

Семантика прозвищных имен разнообразна. В гидронимах нашли отражение такие прозвищные имена, как *Баран*, *Бобр*, *Борзой*, *Вислоух*, *Волк*, *Голован*, *Горб*, *Дрозд*, *Ерш*, *Жук*, *Зеленой*, *Колотило*, *Колупай*, *Копыл*, *Кострома*, *Краско*, *Лихой*, *Мед*, *Олух*, *Орех*, *Пест*, *Поп*, *Работа*, *Рюма*, *Светлой*, *Сорока*, *Суша*, *Таракан*, *Тупица*, *Чернец*, *Шило*, *Шип*, *Щетина* и др.

Русская апеллативная лексика, лежащая в основе исторически зафиксированных прозвищных имен, разнообразна и нередко отражает профессиональные термины и слова, ставшие теперь диалектизмами и архаизмами. В качестве примеров приведем следующие имена: *Зуй*, *Зуйко* (оз. *Зуйково* Опоч., рч. *Зуевка* Осташк.) — ср. нариц. *зуй*, *зук* 'вид кулика' // влд. *зуя* 'озорник, задира' [Даль, 1956, т. 1, 696]; *Кокорь*, *Кокора* (рч. *Кокаревка* Осташк. — ср. нарицат. *како́ра* 'неприступный человек, кремень' [Даль, 1956, т. 2, 134], *Кувака* (рч. *Кувакина* Пск.) — ср. нарицат. *кува́ка* пск. 'женщина-плакса', *кува́кать* 'мямлить' [Даль, 1956, т. 2, 210], *Лемеш* (рч. *Лемешиха* Вкл.) — ср. нарицат. *лемех*, *лемеш* железа 'сошник' [Кочин, 1937, 169], *Лох* (оз. *Лохово* Валд., р. *Лаховка* Холм.) — ср. нарицат. *лох* 'семга, лосось'; *Морох*, *Морх* (рч. *Морховка-Мороховка* Холм.) — ср. нарицат. др.-рус. *морх* 'ворс на ткани', *Мятль* (рч. *Мятлевка* Вкл.) — ср. нарицат. *мятель*, *мятьль* 'верхняя одежда' [Кочин, 1937, 199].

Некоторым апеллативам, имеющимся в русском и других восточнославянских языках, соответствуют белорусские прозвищные имена, сохранившиеся в исторических документах. Можно предположить, что существовали и русские имена от этих основ, но не иск-

лючено, что гидронимы и ойконимы зафиксировали именно белорусские формы, что находится в полном соответствии с историческими данными о перемещениях белорусского населения на Псковщину в XV—XVI вв. Например, гидронимы напоминают о таких белорусских прозвищных именах [см. Брыла, 1969], как *Журок* (оз. *Журково* Влкл.); *Ирха* (рч. *Ирхина* Пск.) — ср. также нарицат. *úrга*, *úrха* ж. кал. нврс. 'козлиная или овечья шкура, выделанная в роде замши' [Даль, 1956, т. 2, 47]; *Калих* (оз. *Калихово*); *Насура* (руч. *Носури* Пск.) — видимо, от прозвища (об этом свидетельствует притяжательный суффикс) со значением 'носатый человек'; ср. также нарицат. *носáрь*, *носúрик* юж. 'рыба кальма, бобырь, вид ерша (от нос)' [Даль, 1956, т. 2, 556].

Гидронимия Русского Северо-Запада содержит и большое количество таких форм, которые отражают существовавшие и зафиксированные историческими источниками отчества и фамилии (не всегда возможно различить последние между собой). Но прозвищные имена, послужившие базой для образования таких отчеств и фамилий, не засвидетельствованы. В данном случае гидронимы сами выступают как дополнительный источник лингвистической информации; они позволяют восстановить исходные основы — прозвищные имена людей, существовавшие ранее XVI в. Следует отметить важность реконструкции исходных форм личных имен и прозвищ. Дело в том, что формы древнерусских отчеств, отраженные в памятниках, разнообразны по своему значению и происхождению; среди них выделяются канонические и прозвищные отчества [см.: Чичагов, 1959, гл. 4]; кроме того, необходимо учесть, что в словаре Н.М. Тупикова искусственно объединяются отчества и фамилии. В ряде случаев неизвестно, произошли ли гидронимы непо-

средственно из личного имени (или прозвища) или из фамилии, следовательно, трудно установить относительную хронологию гидронимов. К тому же после образования фамилий гидроним мог быть образован от личного имени. Поэтому приходится ориентироваться на анализ личных имен, когда же их нет — восстанавливать их гипотетически от фамилий.

Приведем ряд примеров гипотетических имен и прозвищ, восстанавливаемых с помощью гидронимов, основы которых содержат реально фиксируемые древние отчества и фамилии: *Базло* (рч. *Базловка* Влкл., отчество *Базлов*), ср. нариц. *базёл*, 'ревун, плакса', *базло* ниж. 'хайло, пасть, горло' [Даль, 1956, т. 1, 37]; *Голох* (оз. *Голохово* Бор., отчество *Голохов*), — может быть от нарицат. *голóх* 'голос', которое, правда фиксируется только в алтайских русских говорах [там же, 370]; *Желнырь* (рч. *Жалныра* Порх., дер. *Жалнырино*; отчество *Желнырин*), ср. нарицат. *жолнер* < польск. *zolnierz* 'солдат' [там же, 526], *жолнырь*, *желнырь* немецкий 'воин польской и немецкой армии' [Кочин, 1937, 116]; *Коведяй* (рч. *Коведяевка* Тор., отчество *Коведяев*; имя *Коведяй* могло быть заимствовано в русский язык из финно-угорских, например из марийского языка; у марийцев есть имя *Ковида* и фамилия *Коведяев*); *Ковш* (оз. *Ковшово* Влкл., отчество *Ковшов*); *Кокша* (оз. *Кокшинское* Д.п., отчество *Кокшин*); ср. нарицат. *кóкша* в разных значениях [Даль, 1956, т. 2, 134]; *Комар* (рч. *Комаровка* Осташк., отчество *Комаров*); *Корь* (оз. *Корино* Осташк., отчество *Корин*); *Корень* (руч. *Корневка* Дем., отчество *Корнев*); *Коровай* (оз. *Короваево* Д.п., отчество *Короваев*); *Костыга* (р. *Костыговка* Дем.), ср. нарицат. *косты́га* 'жесткая кора растений, годных для пряжи льна, конопли', также *косты́га* об. 'наглец', пск. твер. [там же, 176], возможно, ср. также *костыг* 'крюк для лаптей' (из лек-

сики русских говоров в Латвии); *Котельник* (рч. *Котельникова* Пск., отчество *Котельников*); *Кузнец* (оз. *Кузнецово* Вкл., отчество *Кузнецов*); *Курка* (руч. *Куркин* Новг., отчество *Куркин*); *Лобяш* (руч. *Лобяшевка* Холм., личное имя *Лоб*); *Пень* (оз. *Пнево* Осташк., отчество *Пнев*); *Плеш* (оз. *Плешево* Ш.п., отчество *Плешев*); *Плющ* (оз. *Плющево* Вкл., отчество *Плющев*); *Посадник* (оз. *Посадниково* Нрж., отчество *Посадников*); *Пыж* (руч. *Пыжов* Ст.-рус., отчество *Пыжов*); *Сосна* (оз. *Соснино* Д.п., отчество *Соснин*); *Теплуха* (оз. *Теплухово* Вкл., отчество *Теплухин*); *Тюня* (оз. *Тюнино* Д.п., отчество *Тюнин*); *Тяпа* (рч. *Тяпинка* Опоч., отчество *Тяпин*, личное имя *Тяпка*); *Хомут* (оз. *Хомутово* Гдов., отчество *Хомутов*); *Хотыш* (оз. *Хотышино* Ш.п.); *Чичир* (рч. *Чичиринка* Тор., личное имя *Чичирка*).

Комментируя приведенный список, отметим, что в него включены лишь надежные примеры, основанные, с одной стороны, на несомненном наличии соответствующих фамилий и отчеств по крайней мере с XV—XVI вв. (данные писцовых книг); с другой стороны, источником реконструкции послужили те гидронимы, которые несомненно производны от соответствующих ойконимов отантропонимического происхождения. Поэтому суф. *-ов-*, *-ин-* в данных конкретных гидронимах (и ойконимах) мы считаем притяжательными антропонимическими. Следует отличать эти достоверные отантропонимические образования от таких, в которых названия типа *Соснино*, *Пнево* и т.п. могут образовываться по топонимической модели с *-ин-*, *-ов-*/*-ев* вне всякой связи с антропонимами, непосредственно от апеллятивов; эти суффиксы могут быть и сложными: *-инк/-енк*, *-овк/-евк* и т.п.

Косвенным подтверждением распространенности на Северо-Западе в XV—XVI вв. некоторых из рекон-

струированных нами прозвищных имен служат параллели из синхронных (и более ранних) источников по истории Северо-Восточной Руси; ср. такие имена, как *Корень*, *Курка*, *Кузнец* [Wójtowicz, 1986].

Гидронимические основы, засвидетельствованные на Северо-Западе, отражают также целый ряд неканонических древнерусских личных имен. Некоторые из них относятся к общеславянским и имеют параллели в южнославянской и западнославянской антропонимии. Например, *Домаха* м. (оз. *Домахино* Гдов.) — ср. рус. *Домна* ж., чешск. *Домаха* (*Домата*); *Жда*, *Ждана* ж., *Ждан* м. (оз. *Ждино* Д.п.) — общеславянское имя; *Лада* ж. (рч. *Лада* Остр., оз. *Ладово* Валд.) — общеславянское имя; между прочим, в названии рч. *Лада* антропоним употребляется в чистом виде, что бывает сравнительно редко. К общеславянским относится имя *Пензо* XI в., рус. *Пенязь*; ср. оз. *Пензевево* Опоч., также нарицат. *пéнязь* (из нем. стар. *pening*, нем. *Pfennig* 'деньги, денъга' [Даль, 1956, т. 3, 30]). В западнославянской антропонимии есть параллели к имени *Страх*, *Страшко* (оз. *Страшевское* Луж., ср. *Страш* (чешск., польск.); в южнославянской к имени *Хот*, *Хотин* (р. *Хотинка* Луж.); блр. *Хота* — болг. имя **Хота*, тоже встречающееся в гидронимах, — *Хотина* в Болгарии [Zaimov, 1961, 248], а также параллель к имени *Чуча* (р. *Чучевка* Пск.) — серб. имя *Чучь*.

В названии оз. *Миронег* Валд. [Сп.в.м. Новг.] отразилось древнерусское двусловное имя *Миронег*. Любопытно, что при оз. *Миронег* находится дер. *Миронег*, а рядом с ней дер. *Миронушка*. Возможно, что ставшее непривычным для позднего русского населения древнерусское имя *Миронег* (первая часть — от *мир-*, *мирный*) контаминировалось с близким по звучанию каноническим христианским именем *Мирон* (гре-

ческого происхождения — от *тугоп* 'плачущий' или *тугоп* 'миро, благовонное масло' [Петровский, 1966, 159]), что повлияло на образование ойконима *Миронушка*. Допустимо предположить и усечение имени *Миронег* с образованием локальной краткой формы *Мирон*.

Среди древних неканонических имен, отраженных в основах гидронимов, присутствуют и такие, которые не зафиксированы сохранившимися историческими источниками для территории Русского Северо-Запада. Их можно лишь реконструировать благодаря параллелям с антропонимией других славян. Наличие подобных параллелей указывает либо на общеславянский характер таких имен, либо на жителей — выходцев из других славянских земель (последнее скорее относится к именам, сходным с польскими, чем к остальным). Параллели с именами других славянских народов были найдены при реконструкции следующих восточнославянских имен: *Вальша* (рч. *Вальшевка* Порх.); имена рус. *Вальш*, чешск. *Валеш*, *Валиш* — от *Валентин*); *Кареш* (оз. *Карешево* Остр., чешск. имя *Кариш*); *Кмоч* (рч. *Кмочевка* Тор., имена чешск. *Кмошко*, лужицк. *Кмоч*); *Коресь* (оз. *Коресино* Холм., болг. имя *Коресь*); *Кос* (р. *Косовка* Луж.) и чешск. и словенск. имя *Кос*); *Крех* (руч. *Креховский* Дем., чешск. имя *Крех*); *Ладомир* (оз. *Ладомир* Тор., чешск. имя *Ладимир*); *Любочь* (?) (рч. *Любчина* Тор., чешск. имена *Любачь*, *Любачик*); *Любоша* (оз. *Любошино* Д.п., имя серб., чешск. *Любоша*); *Мил* (р. *Милевка* Пск., имена серб., болг., чешск. *Мил*, *Мило*); *Мирошно* (руч. *Мирошновский* Дем., серб. имя *Мирошня* < *Мирослав*); *Папуш* (рч. *Папушевская* Пск., рус. отчество *Папышев*, чешск. имя *Папушек*); *Пена* (оз. *Пенино* Гдов., рус. отчество *Пенин*, болг. имя *Пена* ж.); *Пеха* (рч. *Пеховка* Валд., чешск. имя *Пеха*);

Пешел (оз. *Пешелево* Луж., чешск. имя *Пешел*); *Радоша* (рч. *Радошка* Валд., имена серб., болг. *Радоша*, чешск., болг., серб. *Радош*); *Сеха*, *Сехно* (рч. *Сехинка* Холм., польск. имя *Siechno*, *Sechno* [Taszycki, 1958, 120]. *Таша* (рч. *Ташенка* Валд., серб. болг. имя *Таша*); *Турба* (оз. *Турбино* Пск., серб. имя *Турба*); *Улиш* (оз. *Улишово* Ш.п., чешск. имя *Улеш*).

К примерам с общеславянских антропонимов можно было бы добавить славянские имена, лежащие в основе старых восточнославянских топонимов на *-гост-*, *-гощ-* и эпентетическое "л", например, названия рек *Вагоща* Порх. (*Вогоща*, *Вагостица*) и оз. *Радомле* Д.п. (*Радомля*). П. Арумаа видит в гидрониме *Вагоща* основу *Вой-* (*Войгоща*), встречающуюся в именах *Воеслав*, *Воймер* и т.д. в других славянских языках [Арумаа, 1960, 152]. Название оз. *Радомле* происходит от имени *Радом*, с закономерным образованием *i-epentheticum*.

Таким образом, приведенные нами случаи употребления антропонимических основ в гидронимах (от более чем 60 христианских имен и более 100 русских неканонических имен и прозвищ, в действительности же последних гораздо больше) свидетельствуют о былом широком распространении и значительной продуктивности этого типа названий. Большинство гидронимов этой группы образованы от соответствующих названий населенных мест, но в некоторых из них антропонимические основы представлены в чистом виде. Личные имена и прозвища нехристианского происхождения, лежащие в основах гидронимов, разнообразны по семантике исходных апеллятивных форм. Среди них встречаются диалектизмы, свидетельствующие о местном происхождении ряда имен. Некоторые имена обязаны своим возникновением белорусскому языку. Многочисленный материал личных имен, реконструированных с помощью форм отчеств и фамилий, а

также ойконимов, включающих фамилии, позволяет в массовом порядке сравнивать новгородско-псковскую антропонимию с антропонимией западнославянской и южнославянской, что во многих случаях надежно устанавливает общеславянский характер ряда антропонимов. Таким образом, изучение вопроса о связях новгородско-псковской антропонимии с антропонимией других славянских народов, начатое в свое время на сербских примерах (также и в топонимии) [Михајлович, 1968], получает новый дополнительный и обширный материал, который еще требует более углубленного исследования.

Структурно-словообразовательные типы гидронимов

Анализ структуры и особенностей словообразования топонимов входит как неотъемлемая составная часть в любое топонимическое исследование. Наряду с ономастологическим анализом изучение морфологического и словообразовательного аспектов является важнейшим средством выявления лингвистической информации из топонимического материала.

Установлению структурно-словообразовательных моделей топонимов, выявлению топонимических формантов обычно предшествует формальный анализ названий или анализ финалей. Образцом такого исследования в свое время явились соответствующие разделы книг В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева, посвященных гидронимии бассейна Днепра [Топоров, Трубачев, 1962; Трубачев, 1968]. Вряд ли подобный анализ можно даже считать чисто формальным, так как в нем в значительной мере присутствует смысловая интерпретация географических названий: этимологический анализ везде применяется, либо имплицитно. Во всяком слу-

чае, формальный анализ большого массива названий, содержащих этимологически ясный и неясный материал, является необходимым предварительным этапом каждой топонимической работы; "лабораторным материалом" исследователя

Формальный анализ гидронимов Северо-Запада, дающий весьма интересный материал для уточнения многих этимологий и выявления словообразовательных моделей, нами не рассматривается. Однако словообразовательные модели, выявленные на основании формального анализа, и корпус названий, представляющий эти модели, в значительной мере базируются именно на результатах формального анализа.

При рассмотрении морфемной структуры названий, по крайней мере основ гидронимов, мы отвлекались от фактора изменения (необходимый в данном случае методический прием), хотя изучение структуры гидронимов, как и любой морфемный анализ, необходимым образом имеет дело с результатами словообразовательных процессов, происходящих в различные периоды. В то же время сопоставление разных вариантов одного и того же названия в диахроническом плане (при предварительной идентификации географических объектов) позволяет говорить об исторической преемственности словообразовательных типов и основных черт структуры гидронимов Северо-Запада.

Топонимическое словообразование ярко демонстрирует системность топонимии, которая проявляется в первую очередь в организованности топонимов (в соответствующие словообразовательные ряды), а также в их способности к деривации (в способности вступать в отношения производимости/производности). Способность топонима к деривации реализуется: 1) в лексике (образование новых слов-топонимов от апеллятивов и наоборот — образование новых нарица-

тельных слов от топонимов), а также образование новых топонимов от других категорий собственных имен); 2) в семантике (мотивация топонима значением апеллятива или другого онима; изменение первоначальных и создание новых проприальных значений благодаря соотносительности топонимов с реальными объектами и соотносительности топонимов между собой, например, создание семантической корреляции "река" — "приток реки" в паре *Дон — Донец*); 3) в морфологии (способность к воспроизведению определенных последовательностей морфем, т.е. непосредственных составляющих топонима, по определенным морфологическим моделям); 4) в собственно словообразовании (образование новых онимов, а также отонимических слов с помощью производящей основы и формативов по существующим словообразовательным моделям).

Системность топонимии, таким образом, проявляется широко и в синтагматическом, и в парадигматическом планах. Способность топонимов к деривации на разных уровнях языка, а также их способность быть образованными от апеллятивов и, в свою очередь, быть базой деривации для апеллятивов позволяет осуществлять по отношению к ним ономастологический, морфологический и словообразовательный виды анализа. Последние виды анализа тесно связаны между собой, хотя и могут различаться для разных целей исследования. Строго проводимый словообразовательный анализ не должен подменяться морфологическим.

При изучении структурно-словообразовательных характеристик гидронимов необходимо учитывать содержание понятий "топонимический тип", "топонимическая модель" и "структура топонима". Понятие "тип" в лингвистике многозначно, так же, как и понятие

"модель". Разные исследователи вкладывают в эти термины разное содержание, в том числе "тип" и "модель" могут употребляться как синонимы [см.: Суперанская, 1969, 51, 54].

В эмпирических целях удобно различать "топонимический тип" и "топонимическую модель", как это делает Н.В. Подольская: под топонимическим типом понимается "группа топонимов, объединенных единством структуры, топонимической моделью, связанной с характером их возникновения", а под топонимической моделью соответственно "формула образования топонимов, объединяющая их в топонимический тип" [Подольская, 1978, 145, 150]. В более поздней работе [Подольская, 1983] автор применяет таксономическую схему, содержащую понятия "способы топонимобразования", "типы" и "модели", например:

I. Способ топоним-
мообразования	
I.1. Тип	— атрибутивный
I.1.1. Модель	— бессуффиксная: краткое прилагательное + существительное в ед.ч.

Разнообразие топонимических типов обусловлено структурой географических названий, под которой понимается "определенный морфологический и словообразовательный состав их, при этом имеется в виду не историческая морфология, близкая к понятию этимологии, а морфология современная, проявляющаяся в способности слова определенным образом изменяться (склоняться), сочетаться с определенными суффиксами и служить основой для определенных типов словообразования" [Суперанская, 1964, 70].

Данная работа изучает гидронимическую систему строго ограниченной территории, но изучение структуры гидронимов неизбежно должно выходить за рамки

этой территории, так как топонимическая структура экстерриториальна и относится вообще к данному языку или к группе языков.

При изучении структуры и словообразовательных типов гидронимов учитывается такая особенность топонимической системы, как ее компактность. Компактность топонимической системы, ее организованность вызывается тем обстоятельством, что инвентарь топонимических основ и словообразовательных формантов относительно ограничен для данного языка, но применяется практически к названиям неограниченного числа географических объектов. В свою очередь, тенденция топонимической системы к компактности может быть, наоборот, причиной ограниченности инвентаря основ и словообразовательных формантов (это отношение, таким образом, носит характер обратной связи).

Изучение словообразовательных особенностей гидронимов базируется на выделении топонимических словообразовательных типов.

Топонимических типов может быть несколько для определенного языка или группы языков. Так, для славянских языков В.А. Никонов выделил следующие топонимические типы: 1) чистые апеллятивы в роли топонимов, 2) аффиксальные топонимы, 3) двусловные топонимы, 4) топонимы-словосочетания, 5) топонимы в форме косвенного падежа с предлогом [Никонов, 1962, 18].

Эту классификацию можно считать морфологической, так как она фиксирует уже сложившиеся в результате предшествующих словообразовательных актов готовые топонимические типы. Отметим также классификацию, созданную С. Роспондом [Rospond, 1959] и др. Однако есть и собственно словообразовательный подход, который продемонстрировала

Н.В. Подольская, изучившая процессы и способы топонимообразования. Основные процессы, происходящие при возникновении топонимов, — топонимизация апеллятива, трансонимизация (в ней выделяются несколько ступеней). Не считая, вслед за Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1981, 22], семантическое словообразование топонимов (онимизацию апеллятивов) принадлежащим подлинному словообразованию, Н.В. Подольская вычленяет семь основных способов топонимообразования: аффиксация; сложение; соположение, плюрализация; субстантивация; аббревиация; эллипсизация [Подольская, 1983, 6—7].

Наряду с употреблением в топонимии данного языка ряда топонимических типов, для определенного региона можно выделить так называемый ведущий или преобладающий тип для каждой категории имен. Это понятие включает те специфические топонимические модели, которые позволяют географически дифференцировать различные регионы: например, преобладание суффиксированных образований или сложений, использование категорий рода и числа в топонимах и т.п. [Rūke-Draviņa, 1972]. На основании подобного анализа "ведущего топонимического типа" С. Роспонд, например, выделяет две праславянские топонимические зоны, в одной из которых доминируют первичные гидронимы (зона А), в другой (зона В) — вторичные образования [Роспонд, 1972, 80]. Как показывают наши материалы, ведущий гидронимический тип территории Русского Северо-Запада — аффиксальный (как и в топонимии всех других современных славянских языков); меньше названий, образованных от апеллятивов без изменений последних, совсем мало сложных названий (образованных путем сложения основ) и названий-словосочетаний (например: *У Игнатцова Кста*; такие названия характерны только для микро-

гидронимии) Ниже мы говорим в основном об аффиксальном типе, но привлекаем и ряд названий-чистых апеллативов, в которых присутствует "суффикс-флексия", что позволяет условно ставить их в один ряд с названиями аффиксальными. Мы рассматриваем как славянские, так и субстратные названия, поскольку для структурного анализа в ряде случаев этимология основы отступает на задний план, в силу включения названия в русскую гидронимическую систему (однако этимология субстратных названий в должной мере учитывается)

Анализ структуры гидронимов строится преимущественно на противопоставлении основа — формант и выяснении их сочетаемости (затронуты лишь некоторые аспекты этой проблемы) Изучение топооснов должно непременно учитывать как их мотивацию, так и морфологические особенности, в том числе способность сочетаться с определенными формантами, ограниченную разнообразными факторами⁶ В то же время словообразовательные форманты в топонимии обладают определенным абстрагированным значением и с большей свободой (по сравнению с основами) варьируют свою сочетаемость с другими морфемами. Различные характеристики так называемой морфологической валентности (свойства сочетаемости) топооснов, с одной стороны, и топоформантов — с другой, обусловлены главным образом различными типами значений, присущих основе или форманту

⁶ Об ограничениях сочетаемости морфем в русском языке см [Земская, 1973, гл VII, 1975, 13—20]

Основы гидронимов

Здесь уместно будет уточнить и само понимание термина "основа". В настоящей работе указанный термин употребляется не в том значении, в каком его используют при морфологическом анализе [Кубрякова, 1974, 178, 271—289]. Мы имеем в виду главным образом корневые морфемы, которые служат для образования ряда топонимов с различными словообразующими формантами и которые в топонимической литературе часто именуются "топоосновами". Таким образом, речь идет о понятии "основа" в терминах словообразования (база или общая часть слов-дериватов, членов одного деривационного ряда). Нам также приходится, в силу укоренившейся традиции в ономастике, пользоваться и другим, омонимичным, термином "основа": в этимологически ясных топонимах их корневая часть обычно совпадает с корневой частью соответствующих апеллативов, в таких случаях говорят об апеллативах, "лежащих в основе топонимов", т.е. о базе (лексической) деривации (с позиций ономастического анализа).

При анализе основ гидронимов прежде всего обращает на себя внимание связь гидронимов с названиями других географических объектов (это отношение лингвистически отражает связь между географическими реалиями). Наиболее очевидна их связь с названиями населенных пунктов — ойконимами. В ряде случаев можно с определенностью утверждать, что название водного объекта происходит от ойконима, например оз. *Акулинское*: дер. *Акулино*, рч. *Балабановка*: дер. *Балабоново*. Однако есть и другие примеры, когда ойконим — производное от соответствующего гидронима, например дер. *Врудский Бор*: рч. *Вруда*. Иногда же трудно определить, какое название первично — рч.

Бочка: пслк. *Бочка*. Обе группы (гидронимы, образованные от ойконимов и ойконимы гидронимического происхождения) количественно распределяются примерно одинаково. Сравнительно большой удельный вес гидронимов ойконимического происхождения указывает на относительно поздний их возраст: большинство из них русские и возникли в средневековую эпоху. При тесной связи гидронимов с соответствующими ойконимами возможно большое разнообразие словообразовательных средств в тех и других. Ср. дер. *Опочно* — рч. *Опоченка* Порх.; дер. *Лавно* — рч. *Лавница* Влкл.; оз. *Локновато* Влкл. — пог. *Локновато-Локново*; оз. *Соблог* Осташк. — дер. *Соблое*.

Связаны бывают гидронимы между собой отношением "река" — "речка", при этом часто употребляются уменьшительные суффиксы — показатели так называемой топонимической деминутивности; ср. р. *Кебь* — рч. *Кебец* (приток р. *Кебь*) Пск.; р. *Вишера* — р. *Вишерка* Крест. и т.д.

Связаны гидронимы между собой и парным отношением "озеро" — "река". В особенности это отчетливо видно по названиям субстратного происхождения. Таковы пары р. *Алоля* (*Алоль*) — оз. *Алоль-Боровно*; р. *Валдайка* — оз. *Валдай*; оз. *Кудо* — р. *Кудь*; оз. *Лаббе* — рч. *Лабенка* и др. В то же время подобная парная соотношенность характерна и для русских названий — р. *Березайка* (*Березай*) — оз. *Березай* (*Березаевское*); р. *Велья* — оз. *Велье*; рч. *Вельица* — оз. *Вельица*; оз. *Ладомир* — р. *Ладомирка*. В этих парах наблюдается либо совершенно одинаковая форма названий, либо словообразовательная и флективная разнооформленность при одной и той же основе.

Говоря о сочетаемости различных основ гидронимов со словообразовательными формантами, уместно рассмотреть в отдельности основы русского происхожде-

ния и субстратные основы. Основы русского происхождения сочетаются практически со всеми русскими формантами. Ср., например, ряды, образованные некоторыми типичными гидронимическими основами: рч. *Верба* — оз. *Вербачи* — оз. *Вербенец* — оз. *Вербицы* — оз. *Вербуч* — р. *Вербуша* — р. *Вербушка* (*Вербна*, *Веребье*, *Веребья*); рч. *Витень* — оз. *Витец* — рч. *Витец* — рч. *Витца* — рч. *Витка* — рч. *Витна*; р. *Выдра* — рч. *Выдерка* — рч. *Выдерочка* — оз. *Выдрино* — рч. *Выдрица*; в особенности ср. ряд с основой *озер(о)*, которая дает, помимо форм типа *Озеро* (результат онимизации апеллятива, также *Озерко* с деминутивным суффиксом уже в апеллятиве), *Озера*, *Озеры* (результат плюрализации, тип *pluralia tantum*), и большую словообразовательную парадигму по типу аффиксальных и конфиксальных образований, в том числе по происхождению от субстантивных и адъективных основ: *Озеренка* — *Озерица* — *Озерешня* — *Озерявка* — *Озеровичи* — *Озерецкое* — *Озерецка* — *Заозерье* — *Межуозерка* и др. Разумеется, есть и определенные семантические или морфонологические ограничения. В то время как основы "топографического" значения довольно широко сочетаются с различными формантами (но в этой группе мало названий с суф. *-ов-*), основы антропонимические (преимущественно перенесенные из ойконимов) сочетаются с очень небольшим числом суффиксов, чаще всего с суф. *-ов-/-ев*, *-ин-*, *-ск-*, или сложными их производными, а также с *-к(а)*, *-ец/-иц(а)*. Например: оз. *Анашинское* — оз. *Анашкино* — р. *Анашка*; оз. *Добрынинское* — р. *Добрынка* — рч. *Добрынец*; оз. *Воронино* — рч. *Воронковский*; в целом такие основы не дают в гидронимии больших рядов, образованных в результате сочетания их с разными формантами; единичны гидронимы типа *Гришиха*, *Матюха* и т.п.

Сочетаемость субстратных основ с различными русскими формантами в значительной степени ограничена. Во многих случаях они оформлены флексиями *-а* (ж.р. для рек) или *-о* (ср.р. для озер), или же основа кончается на мягкий согласный: оз. *Вано*; р. *Волката* (*Волкаты*); оз. *Волкото*; оз. *Кудо*; р. *Кудь*. Если название заимствовано сравнительно рано, то оно может давать производные с суф. *-ец/-иц(а)*, но эти суффиксы оформляют названия притоков (показатель топонимической деминутивности), например р. *Кебь*; р. *Кебец*; р. *Орша*; оз. *Оршо*; рч. *Оршица*; р. *Вержа* (вариант *Вержица*); р. *Толва*; рч. *Толвица* и т.д. Производные от гидронимов, усвоенных русскими позднее, преимущественно ограничены образованиями с суф. *-к(а)* — р. *Вишера*; рч. *Вишерка*; р. *Вой*; рч. *Войка*; рч. *Пелега*; оз. *Пелюго*; рч. *Пелешка* и т.п. В таком примере, как оз. *Мегро*; р. *Мегрова*; р. *Мегровка*, где содержится широко известная прибалтийско-финская основа *мегр-* 'барсук', форманты *-ов(а)* и *-овк(а)* употреблены по аналогии с русскими названиями, где они играют роль "топографических" формантов или же пришли из ойконимии. Между прочим, крайне ограниченная сочетаемость основы с русскими словообразовательными формантами, так же как и ее низкая частотность в топонимии, может служить одним из критериев определения ее субстратного происхождения. Напротив, такие гидронимы, как р. *Полона* (*Полоная*, *Полонка*); рч. *Полонейка*; оз. *Полонецкое*; р. *Полонка* (*Полоная*); оз. *Полоново* (*Полонцово*, *Полонцо*), хотя и имеют видимые параллели в балтийской языковой области (ср. р. *Palona* и др. в Литве), отличаются от гидронимов, которые мы считаем определенно субстратными, как многочисленностью названий с этой основой, так и большой свободой сочетаемости с формантами. Поэтому такие группы названий тре-

буют дополнительного исследования при установлении их этимологии. Что же касается, например, ряда р. *Двина*: оз. *Двинец*: оз. *Двинье* (*Двинь*), то можно предположить, что эта заимствованная основа настолько рано включилась в систему русской гидронимии, что перестала восприниматься как чужая.

Гидронимические основы дают множество примеров варьирования. Здесь необходимо пояснить термины "варьирование", "вариантность", "вариант", так как нередко исследователи вкладывают в них различное содержание. Под варьированием понимается процесс изменения тех или иных единиц или структур языка без утраты их тождества, обусловленный естественной способностью языка к изменению при функционировании в обществе. Вариантность — результат процесса варьирования, наличия у единицы или структуры языка совокупности вариантов или "парадигмы варьирования": Вариант — член "парадигмы варьирования" определенной языковой единицы, который актуализируется в речи в процессе функционирования языка.

В общепринятом представлении вариантность всегда предполагает генетическое тождество отдельных членов "парадигмы варьирования". Например, Ж.Ж. Варбот, имея в виду реконструкцию праславянского лексического фонда, полагает, что "...целесообразно отличать от явления чередования суффиксов (образования однокоренных имен с разными суффиксами и различной словообразовательной семантикой) явление вариантности суффиксальной структуры имени, понимаемое как параллелизм однокоренных имен с генетически тождественными суффиксами (и с тождественной словообразовательной семантикой), различающихся структурой производящих основ и (или) суффиксов. Содержание понятия генетического тождества суффиксов определяется праславянской морфонологией и историей

формирования славянских суффиксов и включает в себя генетическое тождество консонантного элемента и тождество словообразовательного значения" [Варбот, 1984, 229].

Теоретически соглашаясь с этим определением строго понимаемой вариантности, мы, однако, в практических целях условно принимаем систему вариантов, разработанную для онимов А.В. Суперанской; в этой системе, в частности, присутствуют лексические варианты собственных имен, которые "отличаются от всех прочих тем, что они не предполагают корневой общности. Происхождение их может быть самым разнообразным, как различны и их типы" [Суперанская, 1969, 198]. Необходимость включения лексических вариантов в сферу варьирования собственных имен обусловлена тем обстоятельством, что различные лексические обозначения могут быть связаны одним и тем же денотатом, который функционально замещает в данном случае генетическое тождество собственно вариантов. Аналогичным образом, говоря ниже о варьировании суффиксов в гидронимах, мы отвлекаемся от фактора генетического тождества суффиксов, хотя некоторые из них, действительно, имеют общее происхождение; эта часть нашего материала рассмотрена скорее в синхронном, чем в диахроническом плане, с преимущественным вниманием к синтагматическим возможностям основ и суффиксов гидронимов.

Следует отметить, что ввиду специфики собственных имен общелингвистическое понимание вариантности и варианта претерпело в ономастике существенную модификацию. Под "вариантом имени" или его "вариантной формой" понимается "видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях" [Подольская, 1978, 41]. Как видно, для собственного имени

трудно говорить об инварианте, о генетическом тождестве, о варианте вообще (принято считать, что варианты позиционно обусловлены), а так называемые лексические варианты топонимов — просто параллельные обозначения одного и того же объекта. Однако слабая теоретическая разработанность темы варьирования в сфере собственных имен вынуждает пользоваться принятой до сих пор терминологией.

Варианты гидронимов могут быть орфографическими (*Алё/Алио/Аля/Олио*), фонетическими (*Внежа/Авнежа, Мшага/Мшаха/Пшага*), фонологическими (*Нарова/Нарва/Нерова*), морфологическими (*Березайка/Березай*), морфонологическими (рч. *Атачинка/Аташенка* при дер. *Атаки*), лексическими (*Инлуга/Веленское*). Варьирование гидронимов позволяет устанавливать их исходную форму, ср. *Бороздно* (*Бороздинское*), где первоначально, несомненно, форма *Бороздно*; *Жижица* (*Жизца*), где без первого варианта второй вариант непонятен.

Неоценимо значение вариантов при этимологизировании гидронимов. Так, вариант *Желчи* названия оз. *Жельно* указывает на этимологическую связь *Жельно* с гидронимом *Желча* и служит подтверждением славянского происхождения обоих названий от и.-е. **gʷel-*, ср. рус. *желтый, желчь*. Вариант *Самолвка* названия р. *Самолва* указывает на русское происхождение этого гидронима; ср. с-цо *Самолов*. Варианты *Леменка/Илеменка/Алеменка* указывают на *Леменка* в качестве исходной формы; в двух других вариантах начальные гласные — протетические. Последний вывод нуждается в обосновании. Г.П. Смолицкая (устное сообщение) указала нам на то, что форма *Леменка* сама может быть вариантом названия *Илеменка*; тогда этимология его может быть связана с апеллятивом *ильм* 'ракита, приречный кустарник' славянского происхождения. Та-

кое явление — отпадение начального гласного — известно в русских говорах, в частности недалеко от исследуемой нами территории в Верхне-Деснинской группе говоров. С этим можно было бы согласиться; часть топонимов, действительно, происходит от основы *ильм-*, кроме того отпадение начального гласного встречается в самих новгородских говорах: *мянины* вместо *именины*. Но объяснить фонетически форму *Алеменка* будет в этом случае затруднительно. Между тем, если основным вариантом считать форму *Леменка*, то наличие разных протетических гласных в других вариантах вполне объяснимо с точки зрения фонетики новгородских говоров. Интересно, что в названии одной из рек Калужской губ. присутствуют все три варианта сразу: *Илеменка/Алеменка/Леменка* [Vasmer, WRG]. В Литве и в Смоленской губ. отмечены названия рек *Лемна, Лемня*, в Белоруссии р. *Лемница*. К. Буга трактует эти названия как происходящие из **Льтъпā*, **Льтъпō* = лит. *Liminas* [Būga, 1923, 28]. Вопрос о названиях этого типа нельзя считать окончательно решенным.

Большое количество разных вариантов топоосновы является свидетельством ее иноязычного происхождения. Например, названия оз. *Бологуля/Балагуля/Белогуля/Балогули/Белогули* заставляют предположить полукальку с балтийского; ср. оз. *Baltagalys* в Литве. Название р. *Обдѣх* имеет варианты *Бдѣха, Авдег*, эст. *Обтийоки*, из которых вариант *Авдег* зафиксирован на карте XVIII в. и позволяет сопоставить название с некоторыми финно-угорскими гидронимами Русского Севера. На субстратный характер гидронима *Полометь* указывают его различные варианты: *Поломедь, Поломет, Поломода, Поломять, Польшмять, Поломятица*.

Анализ вариантов в ряде случаев выступает как

решающий фактор в определении вероятности того или иного происхождения основы⁷. Варианты *Нарва/Нарова/Норова/Нерова* с характерным индоевропейским чередованием гласных в корне позволяют искать этимологию названия в балтийских языках, несмотря на известную точку зрения о финно-угорском характере этого названия. Поиски названий индоевропейского типа в Эстонии перспективны, как показывают, например, исследования П. Аристе [Ariste, 1962; 1971]. То же относится к вариантам *Кудебь/Кудеб/Куден/Кудена/Кудель*; формы с *n* зафиксированы в древнерусских летописях; с *Кудена* в отношении финали сравнима *Ужепа* (вероятно и этимологию гидронима *Кудебь* следует искать в балтийских языках). Вариант *Иламерь* названия оз. *Ильмень* — основной аргумент прибалтийско-финского происхождения этого новгородского гидронима [Попов, 1957, 70]. Он зафиксирован в летописях. (Иначе о названии *Ильмень* пишет Ю.В. Откупщиков [1961], полагающий, что фин. *järvi*, эст. *järv* 'озеро' не могли отражаться в древнерусском, однако ср. *Узерва* < **Uus-järv*).

Возможность более точного выбора этимологии с помощью вариантов наглядно иллюстрируется на примере названий оз. и р. *Вердуга*. Корень *verd-* отмечен в балтийских языках; ср. лит. *verdelis* 'остров', *verdėne* 1) 'родник, ключ', 2) 'водоворот', 3) 'топкое место', 4) 'бездна', лит. *verdėnis* 'бездна' [Невская, 1972, 372]. Формант *-уга* характерен для балтийских названий (и отчасти финно-угорских). Но *Вердуга* имеет варианты *Вердуй, Вердуя*; словообразовательный формант может здесь объясняться как отражение эст., вепс. *oja* 'ручей' (этот элемент присутствует во многих

⁷ О вероятностной ономастике см.: [Суперанская, 1971, 35—40].

вепских гидронимах). Ср. также р. *Верденьга* на Севере. Следовательно, прибалтийско-финское происхождение гидронима *Вердуга* в данном конкретном случае более вероятно, чем балтийское, и критерием служат формы вариантов названия.

При определении типов гидронимических основ с точки зрения словообразования мы исходили из понятия "производящие основы", под которыми подразумеваются "вполне определенные для каждого производного полнозначные языковые отрезки, которые не просто участвуют в создании слова, но являются его непосредственно составляющими. Такими отрезками являются те части слова, которые знаменуют собой в нем результат предпоследнего акта словообразования. Фактически это означает, что производящая основа равняется морфологической основе слова минус те элементы, которые были присоединены к этой основе в процессе последнего словообразовательного акта" [Кубрякова, 1965, 51]. Гидронимы интересуют нас в данный момент как лексемы (лексические морфемы) и рассматриваются в словообразовательном плане. При этом, поскольку речь идет о гидронимии русской или адаптированной субстратной, нужно учитывать фузионную тенденцию русского языка [Реформатский, 1965, 64]. С этой точки зрения можно охарактеризовать гидронимические основы и указать их главные особенности.

Рассмотрим, например, структуру названия ручья *Вислоуховка* (из названия дер. *Вислоухово*). Можно было бы морфологически расчленить гидроним *Вислоуховка* на корень *виск-* + соединительная морфема *-о-* + корень *-ух-* + суф. *-ов-* + суф. *-к-* + окончание *-а*. Но такое членение этого слова не отражало бы сущности современных словообразовательных отношений в гидронимии. Производящей основой названия будет *Вислоухов-*, а *-к(а)* — словообразующий суффикс,

вступающий в отношение с этой основой. В данном случае можно говорить о гидронимическом суф. *-к-*, так как название ручья образовано от названия дер. *Вислоухово* (в других случаях *-к-* ойконимический суффикс)⁸. Основа *Вислоухов-* переводит нас в область исходных антропонимических основ; она является готовой формой отчества или фамилии. В свою очередь, дальнейшее членение основы *Вислоухов-* показывает, что она образована из производящей основы *Вислоух-* плюс антропонимический притяжательный суф. *-ов-*. Наконец, исходной формой это последней основы является двуосновное имя *Вислоух* или *Вислоухой*, образованное из корней *виск-* и *-ух-* с помощью соединительной морфемы *-о-*.

С точки зрения словообразования однокоренные гидронимы могут иметь совершенно различные типы производящих основ, например: 1) гидронимическая основа: р. *Березайка* Валд. р-на (вариант *Березай*) — от р. *Березай*, оз. *Березай*; 2) ойконимическая основа: рч. *Березенка* Дем. — от дер. *Береза*; 3) доонимическая основа (апеллятивная и т.п., выраженная субстантивами или адъективами); руч. *Березовый* Ш.п. — от прилагательного *березовый*. Примеров может быть приведено множество, но следует оговориться, что далеко не всегда можно с точностью определить производящую и производную основу. Пример с гидронимом *Вислоуховка* надежен, так как достоверно известно, что при

⁸ Мы не вкладываем здесь в понятия "гидронимический суффикс", "ойконимический суффикс" содержания "специфический ономастический суффикс", так как все ономастические форманты существуют и в апеллятивах данного языка. Речь идет только об определенной функциональной нагрузке, которую несет данный суффикс в структуре гидронимов и служит именно для образования гидронимов как класса собственных имен.

рч. *Вислоуховка* находится дер. *Вислоухово* и последнее название первично. Топонимии, однако, известны случаи другого рода: например, р. *Боровенка* могла называться вначале *Боровня* (при дер. *Боровня*), а затем возникла форма *Боровенка* в отличие от соответствующего ойконима. Поэтому в каждом конкретном случае необходимы подтверждения в исторических источниках.

В гидронимическом "гнезде" однокоренных названий формально-смысловые связи между производящей основой и дериватом, а также словообразовательную парадигму обычно можно установить достаточно однозначно, в особенности если названия связаны между собой и на местности. Например, оз. *Черное*: гидроним послужил базой деривации названий рек *Чернавка*, *Чернятка*, *Черница*, *Чернушка* (все эти реки вытекают из озер с названием *Черное*). В то же время можно предположить, что оз. *Черновское* — вторичное образование от рч. *Черновка* (т.е. *Черновское* — озеро, в которое впадает рч. *Черновка*, озеро, имеющее отношение к рч. *Черновке*). Названия оз. *Черное* и рч. *Черная* (река впадает в озеро) не находятся между собой в отношениях деривации (разная флективная оформленность благодаря различию грамматического рода), они формально и ономастологически равноправны; мы бы назвали этот пример случаем "ко-номинации", когда номинация двух географически связанных объектов строится на равных основаниях, а не на отношениях подчинения одного объекта (и названия) другому.

Однако следует подчеркнуть, что формально-смысловое отношение между производящей основой и деривационным суффиксом, как и само установление производящей основы гидронима, оказываются часто гораздо более сложными. Например, в случаях типа *Березна*,

Березовка следует учесть названия деревень, расположенных при этих реках: рч. *Березна* Тор. → дер. *Березино*, р. *Березовка* Ст.-рус. → дер. *Березно*. В этих парах не наблюдается прямой словообразовательной корреляции, так же как нет ее в других связанных на местности названиях: рч. *Оборна* — дер. *Оборицы*, оз. *Озеревичи* и рч. *Озереака*, или оз. *Беленец* — рч. *Беленка*, р. *Черная* — оз. *Чернозерское*.

Исследование словообразовательных отношений между гидронимом и ойконимом либо антропонимом, между гидронимом и апеллятивом, а также, в результате, установление морфологической, а тем более словообразовательной членимости гидронима, затрудняется тем обстоятельством, что форма гидронима оказывается на пересечении различного рода отношений: 1) связь с ойконимом, 2) связь с антропонимом, 3) связь с апеллятивом, 4) связь с другими членами словообразовательного ряда и т.д. Установление всей этой сложной сети отношений в каждом конкретном случае требует самого тщательного анализа с привлечением исторических сведений.

Таким образом, как мы видим, типичными гидронимическими производящими основами являются основы гидронимического, ойконимического, а также в ряде случаев доонимического (основы прилагательных, существительных) происхождения. Гораздо реже встречаются в гидронимах антропонимические производящие основы: *Лада*, *Ладомир*, *Ладомирка*, *Вогоща*. Чаще всего такие гидронимы вторичны и производны от ойконимов, хотя могут быть образованы непосредственно от антропонимов.

В подавляющем большинстве случаев основы гидронимов соединяются со словообразовательными формантами. Не имеют формантов лишь такие названия, как *Вяз*, *Баклан*, *Баран*, *Озеро*, *Налой* (прямой перенос

слов из апеллятивной сферы номинации). Такие гидронимы, как р. *Негреб-а* (при оз. *Негреб*), р. *Окн-а* (апеллятив *окно*), оформлены флексией *-а*, которая в то же время является показателем принадлежности гидронимов к разряду названий рек. Поэтому можно говорить об *-а* как суффикс-флексии [Реформатский, 1965, 67]. Суффикс-флексия *-о* выступает в названиях озер: *Берд-о*, *Ван-о*, *Куд-о* и др. Что касается собственно словообразовательных формантов *-к(а)*, *-иц(а)*, *-ец* и пр. то с их помощью образуются большие гидронимические словообразовательные ряды.

Субстратные гидронимические лексемы, к какой бы деривационной модели они ни относились в языке-источнике, при переходе в гидронимическую систему русского языка обычно структурно переосмысливаются. Так, названия *Ворза*, *Ворзо*, *Ворзовка* (при дер. *Ворзы*) содержат производящие основы *Ворз-* (в первом и втором случаях) и *Ворзов-* (в третьем случае), причем основа *Ворзов-* попадает в ряд ойконимических (при несуществующем ойкониме. Правда, возможно и образование *Ворз-овка* с формантом *-овка*). В названиях *Вишера*, *Кудевер*, *Кудена* уже не вычленяются исходные словообразовательные морфемы, и производящая основа воспринимается как структурно простая единица.

По своему генезису производящие основы гидронимов, таким образом, определяются как гидронимические, ойконимические и доонимические. По внутренней структуре производящие основы гидронимов, в свою очередь, разделяются на: 1) простые: [*Берез*]-(*а*), [*Ван*]-(*о*); [*Вишер*]-(*а*), [*Алеш*]-(*ка*), [*Баран*]-(*о*); 2) производные: [*Волк-ов*]-(*о*), [*Ворон-ин*]-(*о*), [*Акул-ин*]-(*ское*); 3) сложные: [*Глезд-о-мой*]-(*ка*), [*Бел-о-ручьев*]-(*ка*).

Другие типы основ выводят нас за пределы собственно структурной классификации основ как таковых

и могут рассматриваться только в плане строения гидронимов как цельных слов (или словосочетаний). Структурная классификация гидронимов в целом, как части системы собственных имен, не входит в нашу задачу, она хорошо разработана в трудах топонимистов⁹. Отметим здесь 1) морфологические сложения: *Осмолец-Осмоль*, *Теребажу-Дерboveж*, *Немялут-Мялутка*, 2) вариантные: *Алоль-Боровно* (сложное образование от двух параллельных обозначений), 3) названия-словосочетания: *Волдайская Лука*, *Черная Грязь*, *Белая Вода*, *Веретье Вялое*. Все эти типы не характерны для гидронимии Северо-Запада, в которой преобладающими следует считать простые и производные типы производящей основы. Морфологические сложения можно считать одним из "малых" типов гидронимов¹⁰.

Следует сказать несколько слов об ареальной характеристике структурных типов основ гидронимов. Гидронимы славянского происхождения, как с простой, так и с производной основой, распространены равномерно на всей северо-западной территории. Они образуют принципиальное сходство с гидронимией всей славянской территории. Субстратные основы русских названий, структурно переосмысленные и включенные тем самым в систему русской гидронимии, также выступают как представители ее главных структурных типов. В пределах изучаемого региона субстратные основы отличаются от основ славянского происхождения не своей структурой, а скорее крайней ограниченностью

⁹ См., например: [Rospond, 1957; Vanagas, 1970; Zaimov, 1961].

¹⁰ Понятие "малые типы" было введено В. Шмилауэром [Šmilauer, 1960] и разработано И. Лутгерером [Lutterer, 1971]. Однако типология "малых типов" разработана почти исключительно для аффиксов, морфологические "малые типы" основ не рассматривались.

сочетаемости с русскими словообразовательными формантами. Ареал субстратных основ охватывает весь Северо-Запад. Большое количество субстратных основ с исходом на мягкий согласный, а также оформленных суффикс-флексиями *-а*, *-о*, суф. *-ец/-иц(а)* (продуктивными в древней славянской топонимии), свидетельствует о том, что эти названия были заимствованы достаточно рано. На примере этих субстратных названий видно, что в данном регионе была широко распространена модель так называемых первичных названий (термин С. Роспонда), т.е., по существу, это модель названий с простой непроемной основой (так воспринимаются в русском языке эти заимствованные названия) в сочетании с суффиксом-флексией *-а*, *-о*. Достаточно привести такие примеры, как названия рек *Саба*, *Киба*, *Либа*, *Толба*, *Кава*, *Уда*, *Пола*, *Курма*, *Сара*, *Орша*, *Луша*; названия озер *Сово*, *Кудо*, *Удо*, *Илжо*, *Ворзо*, *Цевло*, *Омо*, *Вано*, *Вено*, *Слено*, *Шлино*, *Арно*, *Руно*, *Сабро*, *Мегро*, *Жадро*, *Негро*, *Самро*, *Липшо*, *Оршо*. Эта же модель "первичных" гидронимов выступает и в названиях славянского происхождения (часть из них апеллятивна, но это не меняет структуры гидронима); ср. названия рек *Верба*, *Щерба*, *Многа*, *Лада*, *Руда*, *Смола*, *Выдра*, *Плюса*, *Сита*, *Уча*, названия озер *Струго*, *Бердо*, *Глино*, *Щадро*, *Плюсо*, *Учо*. Характерно, что русские названия уподобляются по форме субстратным и нередко воспринимаются как иноязычные. Это так называемый случай взаимной адаптации. Ср. название р. *Самолва* < *Самоловка*, при селе *Самолов*.

В связи с большим количеством подобных примеров в новгородско-псковской гидронимии представляется не совсем правильным разработанное С. Роспондом определение праславянских топонимических зон [Rospond, 1968]. По-видимому, при определении вторичности названий зоны В (Припять — Днепр) по отно-

шению к названиям зоны А (Висла — Неман — Буг) С. Роспонд исходил прежде всего из того обстоятельства, что в восточнославянской зоне больше балтийских и финно-угорских субстратных названий (по сравнению с зоной А), и лишь второстепенное значение он отводил разработанному им же структурному делению гидронимов на первичные и производные. При этом территория новгородских словен и псковских кривичей осталась вообще вне поля зрения С. Роспонда. В некоторых других своих работах С. Роспонд [Rospond, 1969] проводит диалектное членение праславян на северных и южных, по данным топонимики, причем словене и кривичи попадают в одну группу с западными славянами.

На наш взгляд, вопрос о праславянских топонимических зонах нуждается в дальнейшем изучении, и данные новгородско-псковской гидронимии могли бы существенно повлиять на окончательные выводы о характере и ареале праславянской гидронимии. Структура гидронимов при этом имеет не последнее значение.

Словообразовательные форманты гидронимов

Основные суффиксальные модели изучаемой территории — основа гидронима плюс суффиксы *-к(а)*, *-иц(а)*, *ец*, *-н(а)*. По этим моделям, широко распространенным в славянской языковой области, образуется более половины всех названий Северо-Запада. Ведущей словообразовательной моделью гидронимов данной территории в настоящее время, несомненно, можно считать названия рек на *-к(а)*. Остановимся кратко на характеристике главных, а также менее распространенных суффиксальных моделей гидронимов, причем задача здесь ограничивается указанием лишь на те значения суффиксов, в которых они употребляются в гидрони-

мин; также не рассматриваются этимологические связи суффиксальных морфем.

-к(а) — по происхождению деминутивный суффикс, который в гидронимах указывает на отношение водного объекта к другим объектам (в первую очередь к населенным пунктам); ср. рч. *Зуевка* — дер. *Зуево*, и на размеры вновь называемого объекта по отношению к старому: р. *Вишерка* — р. *Вишера*. Производные с -к- выполняют ту же функцию: это суф. -авк(а), -евк(а), -ивк(а), -овк(а), -явк(а), айк(а), -ейк(а), -анк(а), -енк(а), -инк(а), -онк(а), -ынк(а), -янк(а), -ушк(а), -ышк(а).

-ик, -ек, -ок, -к(о) — деминутивные суффиксы, очень мало распространенные. Примечательно, что вовсе нет образований с -ак, суффиксом, характерным для западнославянской топонимии.

Ср.: р. *Клиник* — дер. *Клин*; рч. *Железник* — оз. *Железно*; часть названий типа *Сапожок*, *Сердечко*, *Лужок*, не имеющие коррелятов в топонимии на местности, по-видимому, представляют собой онимизированные апеллятивы, в которых уменьшительный суффикс — не гидронимический.

-ец < -ьсь, -ица < -ица. Суффиксы деминутивные. Очень многочисленная группа названий, в том числе имеются производные: -авец, -овец, -анец, -инец, -иц(а).

Ср. р. *Деревец* — дер. *Дерева*; оз. *Холовец* — р. *Холова*; р. *Саба* — р. *Сабица*; р. *Лудва* (*Лудва Большая*) — рч. *Лудвица* (*Лудвица Малая*).

-ск < -ьскъ, -ска, -цка < -ьска, -ско, -цко < -ьско, -ск-ий, -цк-ий < -ьскуј, -ск-ая < -ьскаја, -ск-ое < -ьскоје и др.; очень многочисленны эти группы названий с посессивным суф. -ск-, обозначающим первоначально неличную принадлежность. Производным от -ск- также является суф. -ищ(е) < *isko* / -išče.

Ср. оз. *Черемнецкое* — дер. *Черемнец*; рч. *Кулейская* — дер. *Кулье*. Суф. -ищ(е), по-видимому, харак-

терен лишь для ойконимии и в гидронимии вторичен, ср. оз. *Погостице* — дер. *Погостице*.

-ин < -иль, -ин(а) < -ина, -ин(о) < -ино. Притяжательный суффикс в гидронимах ойконимического (герр. — антропонимического) происхождения

Ср. рч. *Кувакина* — дер. *Кувакино*; рч. *Ирхина* — дер. *Ирхино*; оз. *Хотышино* — дер. *Хотышино*. Ряд других названий на -ин(а), -ин(о), образованных по этой модели, не связан со значением притяжательности.

-н(а) < -ьна, -н(о) < -ьно, -н(я) < -ьня — суффикс, продуктивный для названий "топографических". Первоначально суффикс прилагательных, впоследствии образовал самостоятельный топонимический ряд.

Ср. р. *Ямна*, р. *Липна*, р. *Мошна*, оз. *Городно*, оз. *Ореховно*, р. *Березня*, р. *Осотня*.

Притяжательный суф. -ов < -овъ, орфографический вариант -ев (после мягкой основы), ов(а) < -ова, -ов(о) < -ово. Суффикс, первоначально характерный для ойконимии антропонимического происхождения, в гидронимии встречается относительно часто, в том числе много названий со сложным суф. -овк- / -евк-; значительная часть последних образована по аналогии и не имеет значения притяжательности, создавая самостоятельную чисто топонимическую модель.

Ср. рч. *Фролова* — дер. *Фролово*; рч. *Луневка* — дер. *Лунево*; р. *Луговка*; руч. *Межевка* — дер. *Межа Свина*.

Остальные суффиксальные модели встречаются гораздо реже и не характерны для гидронимии Северо-Запада. Таковы патронимический суф. -ич(и), суф. -их(а), -уш(а), -ель, -ай, -уй, -еж, -ух(а), -юх(а), -ах(а), -ан, -ань, -ень, -инь. Несколько больше названий на -ье. Старый притяжательный суф. -ь нашел отражение в восточнославянских образованиях с эпентетическим "л". Модель

pluralia tantum относительно распространена — это названия на *-и, -ы* (оз. *Светычи*; оз. *Вербицы*). Характерны названия рек и озер в форме полных прилагательных с окончаниями: *-е, -е, -е, -ий, -ый, -ая, -ия*.

Следует отметить, что в гидронимии о "притяжательных", "собирательных", "патронимических" суффиксах речь может идти лишь условно, так как по большей части они перенесены из ойконимии. Однако есть примеры (в микрогидронимии), где суффиксы, действительно, имеют значение притяжательности и т.д. (например, руч. *Носури* — дер. *Носурино*).

При анализе словообразовательных формантов гидронимов обращает на себя внимание такое характерное для русской топонимии явление, как большое количество сложных суффиксальных образований. Основные суффиксы русской гидронимии дают большое количество производных: *-овк(а), -евк(а), -авк(а), -енк(а), -онк(а), -инк(а), -ейк(а)* и др. При этом, с точки зрения морфологии, здесь наблюдается переразложение основы: элемент, этимологически относящийся к основе, срastaется с суффиксом и образует сложный суффикс, что еще раз демонстрирует фузионную тенденцию русского языка. Проследим это явление хотя бы на примере названий на *-янк(а)*¹¹. Первоначальная принадлежность элемента *-ян-* (*'ан*) к основе хорошо видна в таких гидронимах, как *Баянка, Лубянка, Глинянка, Серебрянка, Демьянка, Касьянка*. В этих названиях гидронимическая основа этимологически отражает догидронимическую основу в виде существ-

¹¹ Т.е. фонематически, конечно, *'анк-*. Здесь и в других случаях мы приводим орфографическую форму русских названий ради единства подачи материала. При анализе субстратных названий такое представление более удобно, чем фонематическая транскрипция, которая затрудняется, если язык-основа неизвестен.

вительного или прилагательного. Однако большое количество подобных названий приводит к образованию гидронимического (гезр. топонимического) словообразовательного ряда, в который начинают втягиваться по аналогии другие самые разнообразные названия. Первоначальная связь элемента *-ян-* с основой перестает восприниматься как живое явление, и сложный элемент *-янк(а)* становится всего лишь показателем словообразовательного гидронимического ряда. Так возникают названия типа *Углянка, Мостовлянка, Холмянка, Выгранка, Закутянка* и др. Возможность абстрагирования от первоначальной морфологической структуры заложена в самой деривационной модели, в ее способности к притяжению разнородных явлений и к унификации их в типологически едином ряду. Действительно, гипотетически возможны основы прилагательных **углян-, *холмян-* и т.д., таким образом, включение многих других названий в существующую словообразовательную модель не противоречит скрытым возможностям словообразовательной системы русского языка.

Наличие сложных суффиксальных образований ни в какой мере не мешает анализу гидронимов с точки зрения "производящих" основ, оно лишь позволяет более ярко представить себе второе звено в цепочке основа — формант и выявить специфику системы словообразовательных формантов.

В гидронимах наблюдаются различные типы варьирования суффиксов. Варьирование морфологическое наблюдается, например, в ряде суф. *-ец / -иц(а) / -ц(а) / -ц(о)* и обусловлено значимостью категории рода. Названия муж. рода образуются с помощью суф. *-ец*, жен. рода — с помощью суф. *-иц(а)*. Таковы пары *Жижец / Жижица, Сябец / Саблица, Осмолец / Смолица, Баранец / Баранница, Чернец / Черница, Острец / Острица*.

-ц(а) — вариант суф. -иц(а); ср. *Жизца/Жижица, Ловотца/Ловатица* (в ряде случаев -ц(а) — вариант суф. -ец, при варьировании рода). В ср. роде (названия озер) употребляется вариант -ц(о): *Судомцо/Судомец*.

Морфологическим или морфонологическим на синхронном уровне также можно считать варьирование суф. -н(а) и -н(я) в названиях рек, ср. *Березна/Березня, Ситна — Ситня, Опочна/Опочня, Мошна — Мошня, Шершна/Шершня*. Наконец, примером чисто орфографического варьирования может послужить чередование -енк-/-инк-, например, *Смоленка/Смолинка, Липенка/Липинка, Струпенка/Струпинка, Лососенка/Лососинка, Гусенка/Гусинка* и т.д. (во всех этих названиях ударение падает на основу). Вариантность суф. -ов-/-ев- может также рассматриваться как орфографическая (*Дымцевка/Дымцовка*). Суф. -ов- употреблялся после основы на твердый согласный, -ев- после основы на мягкий согласный. В дальнейшем это соотношение нарушилось.

Примеров фонетического варьирования суффиксов мы не приводим, так как оно наблюдается в устной речи, а мы имеем дело в основном с материалом письменных источников.

Несмотря на то что примеры морфологического варьирования указывают на зависимость варианта от категории рода (иногда числа, как в *pluralia tantum*), наличие разных суффиксальных вариантов в системе гидронимов определяется не только чисто грамматически, но зависит и от эстраллингвистических факторов. В качестве примера можно привести распространение суф. -ец и -иц(а) в польской гидронимии [Ригер, 1972]. В настоящее время в названиях более крупных рек для северо-запада Польши характерно наличие суф. -иц(а); суф. -ец выступает редко — прежде всего в восточной части Польши (совсем нет его в названиях

бассейна Варты). Прежде оба суффикса были более часты на всей польской территории (хотя и здесь они отличались), и оба они потеряли свою продуктивность. Сохранение некоторых названий на -иц(а) Я. Ригер объясняет тем, что они именуют более крупные реки.

В гидронимии Северо-Запада наблюдается несколько иное распределение вариантов -ец и -иц(а): по "Спискам населенных мест Российской империи" в Новгородской и Псковской губерниях русских названий с суф. -ец 75, с -иц(а) — 50. Субстратных названий с суф. -ец 15, с -иц(а) — 36. Общее соотношение: 90 названий на -ец, 86 названий на -иц(а), т.е. в отличие от польской гидронимии оба варианта в современной псковско-новгородской гидронимии совершенно равноправны. Это, между прочим, означает, что при выводах о продуктивности тех или иных словообразовательных формантов в гидронимии варианты -ец и -иц(а) могут рассматриваться вместе и противопоставляться другим суффиксам как хронологически одновременные варианты (для польской гидронимии дело, по-видимому, обстоит сложнее).

Вопросы сочетаемости словообразовательных формантов с основами гидронимов частично нами затрагивались. Необходимо отметить разницу между первоначальным (этимологическим) характером сочетаемости суффикса с основой и последующим (современным) характером этой сочетаемости. Это явление можно пояснить на примере изменения грамматической функции суф. -ец, -иц(а), -к(а) [Полковникова, 1971, 168]. При первоначальном образовании деминутивов с помощью суф. -ьц, -иц(а), -ьк(а) выбор суффикса обуславливался типом старой именной основы исходного слова. В дальнейшем эта морфологическая строгость была нарушена, и указанные суффиксы стали соединяться с разными в структурном и лексическом от-

ношении основами, но только в некоторых из них выражали уменьшительное значение. Грамматическая функция суффиксов в топонимах отходит на второй план, поскольку она не важна для функционирования топонима, а также для той информации, которую топоним дает в отношении реального географического объекта.

Нарушение принципа морфологической строгости при сочетании словообразовательных формантов с основами привело к тому, что, например, притяжательные антропонимические суф. *-ин-* и *-ов-/-ев-* стали иногда взаимно заменяемы. Первоначально суф. *-ин-* в славянских языках образовывал притяжательные прилагательные от существительных со старой основой на *-a*, от основ на *-i*, а также от основ жен. рода на согласный. С течением времени суф. *-ин-* стал образовывать дериваты и от существительных муж. рода, даже с основой на твердый согласный. Это явление в польском языке особенно хорошо прослеживается именно в топонимах: *Bzino, Wilczyno, Żebino* и т.д. [Nieskuła, 1971, 336]. Поэтому такое наше название, как *Любино* (если оно связано с антропонимом), совершенно необязательно должно происходить от уменьшительной формы имени жен. рода *Люба*; оно может быть образовано и от антропонима муж. рода, хотя бы и с твердой основой. Ср. также название оз. *Любошино* при дер. *Любошово*.

Мы говорили о том, что сочетаемость словообразовательных формантов с основами не эквивалентна сочетаемости основ со словообразовательными формантами. Сочетаемость или морфологическая валентность основы или словообразовательного форманта понималась при этом структурно — с точки зрения морфологического строения слова, потенциальной способности морфемы соединяться с другой морфемой

и наличия в силу этого определенных моделей деривации. Однако потенциальная сочетаемость морфемы наиболее ярко выявляется в живом функционировании морфем. Сочетаемость словообразовательного форманта с основой определяется различными типами основ, способных вступать в соединение со словообразовательным формантом, и первоначальным грамматическим значением форманта. Она также выражается косвенно в продуктивности словообразовательного форманта. Понятие продуктивности поэтому неразрывно связано с понятием сочетаемости. Недаром наиболее продуктивны в топонимии (хотя продуктивность изменчива исторически для разных периодов) именно те словообразовательные форманты, которые обладают при этом высокой степенью сочетаемости с основами топонимов. Таковы в русской топонимии суффиксы, которые могут обобщенно быть названы *Possessiva, Diminutiva*, хотя продуктивность отдельных суффиксов внутри этих групп может быть различной.

Продуктивность отдельных суффиксальных моделей гидронимов Северо-Запада может быть рассмотрена только в отдельности для разных исторических периодов, поскольку, во-первых, продуктивность всегда бывает различной в разное время, во-вторых, такой исторический подход позволяет выявить процесс становления словообразовательных типов. Общие наблюдения за изменением продуктивности ряда гидронимических моделей в течение 300 лет показали, что по сравнению с гидронимией XVI в. в гидронимии XIX в. резко снизилась продуктивность притяжательных суф. *-ин-*, *-ов-/-ев-*, *-ск-*, а также суф. *-н(a/o)*, *-иц(a)/-ец* с вариантами (последних — в два раза). В то же время за счет снижения продуктивности этих суффиксов резко возрос процент продуктивности суф. *-к(a)* [см. статистические подсчеты: Агеева, 1973, 63]. Указанные изме-

нения отражают процесс, характерный для восточно-славянской гидронимии в целом.

До сих пор мы говорили исключительно о суффиксальном словообразовательном типе. Однако для новгородско-псковской гидронимии, как и для всей славянской топонимии, отмечается и префиксально-суффиксальный (конфиксальный) тип, хотя и в меньшей степени (подробнее характеристику этого типа см.: [Подольская, 1983, 31—34]. Ср. названия *Залахтовская, Наплотинка, Подборовка, Усторонское*. Чаще всего этот тип встречается в топографических названиях, где префикс сочетается с формантом *-j-*: *Загороденье, Замошье, Зашегорье, Подклинье, Облучье*. Однако в гидронимии этот тип не нашел особого распространения, так как он в первую очередь характеризует ойконимию. Единичны примеры употребления чистого префиксального типа: *Загайки, Сунога*. Особый интерес представляет тип названий с отрицательным преф. *не-* (ср. рч. *Негорожа, оз. Негреб*). Больше всего таких названий отмечено в гидронимах западной части исследуемой территории, ближе к белорусской языковой области. Отрицательный тип характерен для наиболее древней славянской топонимической территории [Witkowski, 1966].

Особо следует сказать об использовании категорий рода и числа в гидронимии. Мы говорили о том, что для названий рек в основном употребляются имена в форме жен. рода (по согласованию со словом *река*), для названий озер — имена в форме ср. рода со словом *озеро*. Форма муж. рода употребляется как для названий рек (небольших речек, ручьев), так и для названий озер. Специализированное употребление флексий *-а, -о* привело в гидронимии к превращению их в суффикс-флексию. Названия с мягким согласным в исходе (типа *Кудебь*) относятся обычно к жен. роду. Для Новгород-

ской и Псковской областей можно отметить сильную тенденцию к употреблению многих гидронимов и ойконимов в форме ср. рода. Велико количество названий озер на *-о*, субстратные названия также оформляются этим суффиксом-флексией. В современных говорах даже названия в форме муж. рода переходят в форму ср. рода (несклоняемую в живой речи). Так, жители деревень вокруг Старого Изборска называют эту деревню (бывший город) *Изборско* ("был в Изборско", "ездил в Изборско").

Форма мн. числа также широко используется в гидронимах, хотя она более характерна для ойконимии. Тип *pluralla tantum* представлен такими названиями озер и рек, как *Струги, Осняги, Островки, Старики, Межтоки, Большие Толони, Угличи, Федосовичи, Лобзы, Ктины, Псковяны, Озеры, Вербицы, Щедрицы, Лосцы* и др. Как видно, среди гидронимов преобладают названия, образованные от апеллятивов с помощью чисто топонимической функции окончания мн. числа, что совпадает с выводами исследователей других территорий [Корепанова, 1966]. Патронимические названия на *-ичи* типа *Федосовичи* в гидронимии вторичны, они пришли из ойконимии.

В предыдущем изложении речь шла о русских словообразовательных формантах. Этимологический анализ позволяет в ряде случаев установить словообразовательные типы и модели субстратных гидронимов. Нужно заметить, что на всей исследуемой нами территории субстратные гидронимы подверглись сильной славянизации, что указывает на древность перехода балтийских и финно-угорских названий в систему русской гидронимии. Поэтому словообразование субстратных гидронимов не является живым процессом и может представлять интерес только в реконструированном виде. Однако с точки зрения этимологии словообра-

зовательные типы субстратной гидронимии можно сопоставлять с известными балтийскими и финно-угорскими гидронимическими типами.

Суффиксальный тип, характерный для славянской гидронимии, также широко встречается в балтийской гидронимии и в гораздо меньшей степени в финно-угорской. В финно-угорской гидронимии суффиксация представлена в завуалированном виде. Как правило, финно-угорские гидронимы представляют собой результат сложения с географическим термином во втором компоненте; в русской передаче неразличение первоначальной формы и смысла привело к тому, что второй компонент сложения стал восприниматься как суффикс. Таким образом, о суффиксации в финно-угорской гидронимии речь может идти лишь условно, и нужно говорить не о финно-угорских гидронимах как таковых, а о русских гидронимах финно-угорского происхождения. Наши материалы позволяют выявить некоторые словообразовательные модели, аналогичные тем, которые наблюдаются в современных балтийских и финно-угорских гидронимах. С определенностью можно говорить о балтийских суффиксальных элементах *-в- (-ав-, -ов-), -ега, -уга, -ик, -па, (-опа, -епа), -ета, -ота, -ута*; о финно-угорских *-ега, -уга, -ас, -ос, -р (-рь, -ерь, -еро), -оя(ой), -уя(уй), -ла/-ля*. Кроме суффиксов, можно отметить следы балтийских префиксов (лит. *пе-, ра-*, ср. аналогичные славянские префиксы *не-, по-*).

Пути усвоения русским языком субстратных названий могут быть различными. М. Фасмер отмечал следующие возможности передачи финно-угорских названий на русский язык: 1) эллипсис: фин. *Kuohujoki* > рус. **Kuchy* > *Кухва*; 2) фонетическая или морфологическая субституция: фин. *Särkijär(v)i* > рус. *Серегёрь, Немега* < *Niemijoki*; 3) частичная калька: фин. *Kotkajärvi* > рус. *Коткозеро*; 4) полная калька: фин. *Kirvesjärvi* > рус.

Топорнозеро [Vasmer, 1935, 524—525]. Дополнительные типы (гибридные названия, ретросубституционные и др.) А.К. Матвеев [1972, 81] обнаружил на Русском Севере¹².

В наших материалах подавляющее большинство субстратных названий — субституционные и эллиптические. Между прочим, это обстоятельство также указывает на древность заимствования гидронимов этой территории. В самом деле, восточные славяне, пришедшие в Озерный край, либо совсем не понимали языка усваиваемой гидронимии, либо настолько хорошо знали этот язык, что не было никакой надобности в переводе названий. Калькирование названий становится частым явлением в более поздний период русской колонизации (например, на Севере), где двуязычная ситуация сохранялась длительное время, и перевод географических названий был и насущной необходимостью в процессе общения разноязычных жителей, и живым процессом, отражавшим ход русской колонизации.

Названия с фонетической и морфологической субституцией (т.е. “подстановочные”), как сказано, преобладают. При заимствовании происходит структурное переосмысление гидронима; в частности, заимствуя основу гидронима из финно-угорских языков, русский язык превращает агглютинирующую основу в фузионную (ср. *Вишера, Селигер* и т.д.).

Фонетическая субституция отмечена почти во всех субстратных названиях, ср. р. *Вяда* < **Ved-*, балт. **Vind-*; *Ильжо* — ср. лтш. *Īdzis*, лит. *Įlgio ežeras*; *Пимжа* — ср. эст. *Piusajõgi*. Морфологическая субституция выражается, в частности, в приспособлении субстратных

¹² См. также о классификации субстратных названий: [Rospond, 1957, 50].

гидронимов к русским формам женского, мужского и среднего родов (оз. *Цевло* ср. р. — рч. *Цевля* жен. р., оз. *Волкото* ср. р. — р. *Волкота* жен. р., оз. *Селигер* муж. р., оз. *Пейнус* муж. р. и т.п.). Название *Нева* чисто случайно совпадает в окончании с фин. *neva*; в финском слове мог быть другой исход, ср. фин. *lahti* — рус. *лахта* 'залив'. Русский язык приспособливает к своей морфологической системе заимствованные слова. Флективный критерий очень важен для выявления морфологической субституции в русских гидронимах, так же как и упоминавшиеся изменения основы¹³, тем более, что, как полагает Э. Эйхлер, в топонимах при исследовании морфологической членимости даже окончание (конечная морфема) топонима по отношению к флексии апеллятива выявляет свою специфику (например, характеризуется индивидуализирующей функцией) [Eichler, 1968, 245].

В наших материалах есть и другие примеры словообразовательных типов субстратных названий. Иногда эти типы отражаются в русских по виду названиях. Так, следы сложения основы с географическим термином мы видим в гидрониме *Зелень-озеро*; возможно, это калька с субстратного названия. Между прочим, в своих исследованиях М. Фасмер везде пишет в скобках слово *озеро* там, где он предполагает финское происхождение гидронима: *Sovo(ozero)*, *Ale(ozero)*. Эти краткие формы воспринимаются как эллиптические и могут быть объяснены как происходящие из финских сложений. Аналогично М. Фасмер предполагал, что отпало слово *река* (фин. *joki*) в названиях рек: *Мста* < *Mustajoki*, *Сережа* < *Särkijoki* и т.д. Сложения такого типа с постпозицией географического термина отмечаются, между прочим, в географических названиях

¹³ О морфологической субституции см. также: [Rospond, 1970].

русских былин: *Пучай-река*, *Волга-река*, *Ильмень-озеро*. Вероятно, сходство с финно-угорским словообразовательным типом здесь не случайно: или это заимствование, или какая-либо древняя типологическая параллель¹⁴.

Можно сделать вывод, что в структурно-словообразовательном отношении субстратные гидронимы полностью вошли в систему новгородско-псковской гидронимии, были всесторонне адаптированы последней.

¹⁴ Можно предположить также, что употребление этих конструкций, как и повторов, вызвано требованиями ритмики былин.

Лингвоисторическая и этноисторическая интерпретация гидронимов Русского Северо-Запада

Методы ономастики и этноисторические исследования

Общеизвестно значение собственных имен для истории языков и истории народов. Нередко собственные имена представляют собой единственный доступный исследователю источник для изучения древней истории народа, в особенности если письменность народа возникла недавно. Но и древние письменные памятники в ряде случаев содержат лишь глоссы: это относится, например к памятникам этрусского, фракийского и других исчезнувших языков Южной Европы.

Ономастические методы в основном совпадают с общелингвистическими, хотя специфика ономастики требует и некоторых особых исследовательских приемов, например, в топонимике изучение местных географических терминов или микротопонимии желательнее совмещать с изучением физико-географических реалий и т.п.

В различных работах по-разному определяются конкретные методы ономастических исследований [Подольская, 1978, 84—86; Поповская-Таборская, 1981; Бондалетов, 1983; Теория и методика ономастических исследований, 1986; Матвеев, 1986; и др.]¹, однако

¹ См. также научно-аналитические обзоры: Агеева Р.А. Ономастика и этническая история // Язык: История и реконструкция. М.,

почти во всех этих работах признается важность исторического подхода к ономастике, т.е. исторического, или сравнительно-исторического, исследования ономастической лексики. Мы пользуемся термином "лингвистический метод", подчеркивающим основную роль языковых данных для анализа собственных имен (поскольку термин "исторический метод" имеет слишком общее значение, применяется во всех науках; кроме того изучение онимов тесно связано с собственно историческими, этнографическими и др. исследованиями, что вызывает необходимость некоторого разграничения терминов с целью избежать путаницы).

Из всех методов ономастики для этногенетических исследований наибольшее значение имеют лингвоисторический и ареальный методы, применяемые в ономастике и в языкознании в целом. Однако ономастические данные сами по себе не являются этногенетическим показателем, лишь совпадение ономастических данных с ареальными лингвоизоглоссами имеет бесспорное этногенетическое значение в дополнение к данным археологии, этнографии, антропологии [Абаев, 1965, 51].

Методика лингвоисторических и ареальных исследований включает ряд приемов, которые связаны между собой и взаимно дополняют друг друга. Между ними наблюдается известная иерархия в отношении порядка следования в процедуре анализа. Например, картированию топонимов с этнически определяющим языковым элементом (предположим, суффиксом) должны предшествовать в определенном порядке: 1) формальное описание большого массива топонимов по финалям, 2) этимологический анализ топонимов

1985. С. 183—219; Она же. Язык и этнос // Язык и культура. М., 1987. С. 59—83.

мов, 3) отнесение ряда топонимов к данному формантному ряду.

Тем не менее есть случаи, в которых ход исследования может идти в обратном порядке. Картографирование названий, происходящих из близко родственных языков, может помочь дифференцированию этих названий по их этнической принадлежности. Это показала, например, К.Ф. Гриценко [1971] при изучении некоторых сходных якутских и эвенкийских топонимов Якутии, этническую принадлежность которых можно различить лишь по суффиксальному оформлению и в соответствии с картографируемыми ареалами. Другим примером может служить картографирование ареалов родоплеменных групп, имеющих одинаковые названия, что в ряде случаев позволяет проследить их исходную территорию и направление путей миграции; ср. работу известного советского этнографа Б.О. Долгих [1960] о народах Сибири в XVII в. Автор широко пользовался данными ономастики и обосновал этимологию многих этнонимов.

Специалисты по ономастике в своей работе неизбежно сталкиваются с вопросами этногенеза и этнической истории соответствующего народа (тем самым объясняется и интерес к ономастическим данным, проявляемый этнографами и историками при этногенетических исследованиях). При этом следует учитывать и различие между понятиями "этногенез" (т.е. происхождение какого-либо народа, начальные этапы возникновения этого народа и дальнейшее формирование его этнографических, лингвистических и антропологических особенностей) и "этническая история" (более поздние этапы развития уже сложившейся этнической общности, в том числе контакты с другими народами, переселения и т.п.). На подобном различии настаивает, в частности, В.И. Васильев [1977, 5],

занимающийся исследованием самодийских народов Севера. Исследователь полагает, что для стадии этногенеза топонимия и этнонимия играют большую роль. В сочетании с историческими, топонимическими, фольклорными и другими источниками этнонимические данные позволяют выделить в составе ненцев и других северносамодийских народов этнические подразделения, относительно которых можно предполагать их южносибирское или автохтонное происхождение. (Ср. этноним *Маду* у тундровых энцев, собирательное имя для всей этой самодийской группы, и родовые имена *Сойта* и *Мундеда*.) В то же время материалы топонимии играют сравнительно скромную роль при исследовании этнической истории, так как топонимия сформировалась в основном в весьма отдаленную историческую эпоху, но вспомогательная ее роль сохраняется. (Например, наличие некоторых энецких топонимов на левобережье Енисейской губы подтверждает сведения, известные из исторических документов, о том, что еще три столетия назад эта территория была зоной освоения энцами, затем ненцы оттеснили энцев на противоположный берег реки.) По мнению В.И. Васильева, при исследовании этнической истории данные этнонимии также используются (особенно велико значение этнонимических сопоставлений при выявлении иноэтнических вкраплений, вошедших в состав тех или иных самодийских групп уже на историческом этапе), хотя и в этом случае их роль далеко не так весома, как при работе над проблемами этногенеза.

Другие исследователи иначе оценивают роль ономастических данных в изучении этногенеза и этнической истории. Так, Г. Поповская-Таборская [1981], отмечая особую роль гидронимии и этнонимии в этногенетических исследованиях, в частности, указывает, что макрогидронимы представляют собой наиболее

древние названия, часто не позволяющие принять для них какую-либо одну этимологию. Тем самым ценность макрогидронимического материала для этногенетических исследований имеет довольно ограниченный характер (названия более мелких водных объектов определеннее свидетельствуют о языке-источнике). Макрогидронимы всегда будут играть существенную роль, позволяя нам перенестись в наиболее отдаленное от нас языковое прошлое.

Этнонимы имеют, естественно, большое значение для этногенетических исследований, тем более что они рано появляются в источниках. Однако и здесь присутствуют значительные осложнения, так как наиболее древние названия с трудом поддаются этимологизации; кроме того, их труднее идентифицировать и локализовать по сравнению с древними гидронимами. Выход из этой ситуации Г. Поповская-Таборская видит в том, чтобы, не относясь к этнонимам как к однородному материалу, пытаться выделить в них исторические и географические напластования. При изучении перемещений этнических групп следует учитывать названия местностей, связанные с этнической терминологией, которые, однако, могут оказаться более поздними и вторичными.

Как видно, взгляды разных исследователей на роль ономастики в изучении этногенеза и этнической истории различны, а иногда и прямо противоположны. Возможно, что ономастические материалы имеют различную степень ценности в исследовании этногенеза и этнической истории различных народов, в зависимости от исторических условий формирования конкретного народа, степени его известности окружающим народам, соответственно сведениям о нем в исторических документах и т.п.

По нашему мнению, информационная ценность оно-

мастических данных при изучении как этногенеза, так и более поздних этапов этнической истории, чрезвычайно велика. В первом случае они важны как древнее, часто единственное свидетельство языка того или иного этноса. Во втором — ономастические материалы приобретают функцию этнически определяющего показателя, способствующего изучению ареалов, миграций, социального устройства, экономики и культуры народа. В этом плане общеизвестны достижения топонимических школ СССР, ГДР, Польши, Чехословакии. Представители этих школ дали ряд монографических описаний с формантным анализом и этимологическим анализом топооснов, которые позволили уточнить многие вопросы этнической истории славянских, германских и др. народов. Картографическая обработка этих материалов представляет большую ценность не только для лингвистических, но и для исторических, в том числе археологических и этнографических исследований.

В использовании ономастических данных для этногенетических и этноисторических выводов наблюдается характерное различие между представителями отдельных дисциплин. Лингвисты, как правило, свободнее оперируют ономастическим материалом, лучше владея всеми методами и приемами ономастического анализа, но в определении этноязыковой принадлежности собственных имен проявляют известную осторожность, допуская варианты. Археологи и этнографы, в свою очередь, в основном опираются на работы лингвистов, в которых их интересуют прежде всего выводы, а не сам конкретный материал, но зато в своих этноисторических интерпретациях представители этих дисциплин проявляют значительно большую определенность и категоричность. В литературе были споры о путях определения этноязыковой принадлежности археологических куль-

тур — о том, археологи ли должны опираться на лингвистов или наоборот. Например, Б.В. Горнунг писал: "Основной путь реконструкции доисторического развития групп родственных языков — это путь сравнительно-исторического исследования их самих, путь установления относительной хронологии и изоглоссы языковых явлений. Археологические (и отчасти антропологические) данные приводятся в соотношении с уже установленными лингвистическими выводами для их проверки, для предположительного установления абсолютной хронологии и для уточнения путей направления территориального распространения языковых явлений. Обратный путь (априорное определение этническо-языковой принадлежности археологических культур и последующая проверка их лингвистическими данными) методически неверен" [Горнунг, 1959, 28—29].

Применение лингвоисторического метода ономастики для этногенетических выводов находит свое выражение преимущественно в работах лингвистов. Сложность и многоаспектность проблем этнонимии отразилась уже в самом отношении к вопросу о том, какие наименования включать, а какие не включать в область этнонимии, а также включать ли вообще этнонимы в сферу собственных имен. Затем отмечается значительное многообразие в подходе к этнонимам, которые рассматриваются с точки зрения их семантики, принципов номинации, структуры и словообразования, типологии, этимологии, роли этнонимов в выяснении этно- и глоттогенеза и т.д. Многоаспектность проблем и подходов к этнонимии порождает и большое количество разных выводов о языковой принадлежности наиболее древних этнонимов. Например, при изучении происхождения этнонима *Русь* к различным выводам приходят исследователи, применившие текстологический анализ [Назаренко, 1980],

этимологический анализ [Роспонд, 1979; Трубачев, 1981], "контекстуальный" и формальный подходы [Хабургаев, 1979].

Большое разнообразие приемов, применяемых в рамках лингвоисторического метода ономастики, мы находим в тех трудах лингвистов, которые посвящены вопросам прародины индоевропейских народов, субстрату, миграциям народов и т.п. В зависимости от лингвистической интерпретации ономастических фактов исследователи иногда склонны локализовать прародину того или иного этноса на самых различных территориях.

Во всех этих лингвистических материалах археологу или этнографу ориентироваться весьма непросто. Следует заметить, однако, что в использовании ономастических данных для этногенетических и этноисторических выводов необходимо принимать определенные методические установки. Так, было бы методически неверно прямо связывать языковую принадлежность этнонима с языком и этнической принадлежностью обозначаемого им народа, племени. Аналогично "этногенетические связи древних и современных этнонимов не всегда служат подтверждением подобных связей этносов, соотносимых с этими этнонимами" [Волкова, 1973, 176]. Из какого бы языка ни происходил этноним *Русь*, это никак не характеризует предков восточных славян с точки зрения их этногенетических связей, не имеет никакого отношения к вопросу о происхождении государства Древней Руси и т.д.

Если в применении лингвоисторического метода ономастики археологи и этнографы волей-неволей полагаются на лингвистов, то ареальный метод находит у них применение самым непосредственным образом. В основном исследователи сопоставляют

топонимические и археологические ареалы какой-либо территории. При этом подходе, естественно, доказательная сила соответствующей этноисторической интерпретации возрастает. Однако и здесь можно говорить о разной степени значимости ономастических данных для этноисторических выводов. Отметим следующие возможности.

1. Совпадение топонимических и археологических ареалов. Примеры можно найти во многих работах археолога В.В. Седова, который полагает, что "совпадение археологических и гидронимических ареалов является необходимым условием для всякого этнического вывода" [Седов, 1970, б]. Так, сопоставляются ареалы гидронимов и археологических культур Центра Европейской части России [Седов, 1974]. В частности, появление западнобалтийских гидронимов в восточных областях балтского ареала объясняется передвижением групп населения из бассейна Вислы в Припятское Полесье и затем — в первых столетиях нашей эры — на верхнюю Оку (мощинская и почепская культуры и древности типа среднего слоя Тушемли, середина I тыс. н.э.). Ареал гидронимов западнобалтского происхождения на Оке как раз входит в ареал указанных культур. Таким образом, время возникновения этих гидронимов определяется I тыс. н.э.

Следует заметить, что даже точное совпадение археологических и топонимических ареалов не всегда бывает доказательным для соответствующих этноисторических выводов. Во-первых, серьезное внимание должно быть уделено самой методике исследования: например, при установлении какого-либо ареала использование крупномасштабных карт может дать совершенно другие результаты, чем в случае карт мелкомасштабных. Во-вторых, при самой строгой методике выявления ареала совпадение топонимических и археологи-

ческих данных требует учета и многих других факторов: материалов современной и исторической диалектологии, других лингвистических данных во всей их совокупности.

2. Несовпадение топонимических ареалов с данными археологии. Например наличие гидронимии балтского типа на Северо-Западе России. По нашим данным, балтских субстратных названий в указанном регионе не меньше, чем финно-угорских. Однако археологи [см.: В.В. Седов, 1961, 103; 1970, 33] не связывают какие-либо памятники на территории новгородских земель с балтским этносом, отмечая лишь отдельные следы балтского погребального обряда в курганах Древней Руси. Это несовпадение данных гидронимики и археологии предоставляет возможность в дальнейшем: 1) либо реинтерпретировать наиболее ранние балтские гидронимы как "древне-европейские", с соответствующим изменением хронологии данного гидронимического слоя; 2) либо пересмотреть этническую принадлежность многих древностей Северо-Западной Руси в сторону их возможного балтского происхождения (вернувшись к взглядам А.А. Спицына и др.); 3) либо вновь рассмотреть происхождение новгородских словен и псковских кривичей в рамках проблематики балтославянского этно- и глоттогенеза. Во всяком случае, факт несовпадения или неполного совпадения данных гидронимики и археологии требует объяснения; в то же время он может способствовать дальнейшему плодотворному развитию исследований в этой области [см.: Агеева, 1981, 145—147].

3. Существование лишь отдельных изолированных названий, подкрепляющих этноисторическую гипотезу.

В этом случае ономастические данные должны использоваться с осторожностью, так как именно массовость материала является одним из существен-

ных условий для правильной этноисторической интерпретации определенного пласта названий. Например, гипотеза о древних палеоазиатах Сибири, поддерживавшаяся В.Г. Богоразом, Г.М. Василевич, А.П. Окладниковым и др., нуждается в серьезном подкреплении топонимическими данными. На территории Восточной Сибири, действительно, есть названия крупных рек (возможно, *Виллюй, Алдан, Мая* и др.), не объясняемые из языка современного населения — якутов и эвенков. Но восходят ли эти названия к какому-то палеоазиатскому языку, пока установить не удалось. Трудности усугубляются и тем, что палеоазиатская группа языков включает языки разные, объединяемые не по признаку генетического родства. Археологические материалы [Окладников, 1949, 218] свидетельствуют о наличии в неолите Средней и Нижней Лены двух групп населения — рыболовов и охотников, культура которых сопоставляется с юкагирской. Есть предположения о значительно более южном расселении предков юкагиров, в том числе в районе Алдано-Ленского междуречья, о связи протоюкагирских племен с районами Присаянья. Однако для этих территорий пока не выявлена топонимия, объясняемая на почве юкагирского языка, и это понятно: современный юкагирский язык — не язык древних юкагиров, а численность юкагиров уже давно сильно сократилась и их территория ограничена небольшим ареалом на Северо-Востоке Сибири. Однако работа в этом направлении необходима, так как "палеоазиатская" гипотеза этнографов и археологов нуждается в серьезном лингвистическом обосновании. Одновременно с ономастическими данными в этом случае должны быть привлечены данные сравнительно-исторического языкознания (здесь уместно еще раз напомнить мнение В.И. Абаева). Первым и пока практически единственным шагом в этом на-

правлении была известная гипотеза А.П. Дульзона о различных слоях субстратной топонимии в Сибири.

Мы приходим к выводу о том, что различные методы и приемы ономастики по-разному применяются и имеют различную ценность для этногенетических и этноисторических исследований (например, ясно, что один лишь этимологический анализ мало дает историку). Нам представляется, что методы самой ономастики также нуждаются в уточнении и более четком определении их конкретного содержания, границ применения и взаимосвязи между отдельными методами (последняя зависит от характера исследования).

Наиболее перспективным в этноисторических исследованиях мы считаем такой способ применения ономастических данных, когда лингвистический метод сочетается с ареальным и полученные выводы корректируются полевыми наблюдениями. Удачную попытку такого комплексного сопоставления данных предпринял, например, С.Я. Байчоров [1978], изучающий этническую историю тюрков Северного Кавказа. Он заметил, что в долине Теберды (центр северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности) места с названиями, происшедшими из ротацирующего тюркского языка, отделены рекой от мест с названиями из зетацирующего тюркского языка. В верховьях Теберды, где долина сильно суживается, а река мелеет и создаются благоприятные условия для переходов и общения, прослеживается смешение (или взаимовлияние) наречий.

Так, комплексный подход ведет к тому, что наблюдения лингвиста и этнографа получают значительное подкрепление при учете географических реалий, и это еще раз наглядно иллюстрирует междисциплинарный характер ономастики (т.е., с одной

стороны, имеется в виду роль ономастики как вспомогательной дисциплины для других наук, с другой — специфика ономастики как лингвистической дисциплины требует верификации ее гипотез не только чисто лингвистическими средствами).

В основе нашего топонимического анализа лежит представление о региональной топонимической системе. "Совокупность топонимических типов, характерных для той или иной территории, называется топонимической системой данной территории. При определении типов топонимов можно ориентироваться только на определенные словообразовательные средства и на характер топооснов" [Суперанская, 1969, 89]. Исследуемая территория, неоднородная в этническом отношении, содержит несколько топонимических пластов. В условиях двуязычия происходил процесс перехода топонима из одного языка в другой, который не произволен, а подвержен определенным закономерностям (фонетическим, семантическим и т.п.). При заимствовании топонимов мы говорим о полном или максимальном включении в систему в случае, если заимствуются морфемы и возникает семантическое переосмысление, благодаря чему топоним максимально включается в знаковую систему заимствующего языка [Сгисза, 1968; 1969]. Для нас чрезвычайно важно это обстоятельство, поскольку мы имеем дело с давно ославянившейся территорией, где процессы взаимодействия разных топонимических систем давно завершились. Тем труднее восстановить первоначальный облик субстратных гидронимов, включавшихся полностью или почти полностью в топонимическую систему русского языка. Выход из этого трудного положения мы видим только один — глубинная реконструкция должна следовать за широкими внешними сопоставлениями, а не предшествовать им. Поэтому

на данном уровне исследования мы отдаем предпочтение сопоставлениям субстратных гидронимов с гидронимией финно-угорских и балтийских территорий, которые должны предшествовать этимологизации субстратных названий с помощью апеллятивной лексики. Несмотря на кажущееся различие между формальным и содержательным анализами, и тот, и другой имеют конечной целью выяснение истории развития данной топонимической системы. Любой синхронный срез можно рассматривать как этап и как определенный итог исторического развития языкового явления, что относится в полной мере и к топонимическим системам. Кроме того, методы топонимического исследования меняются в зависимости от степени изученности территории. Средняя степень изученности топонимии избранного региона заставляет нас сосредоточить внимание на выявлении языковой принадлежности гидронимов; в то же время наши материалы предоставляют возможность для изучения мотивации, структуры и словообразовательных средств гидронимов славянского, балтийского и финно-угорского происхождения.

Стратиграфический анализ гидронимов был уже частично применен в первой главе по отношению к русским географическим названиям. Он позволяет выделить хронологически различные пласты в лексике (наличие современной, а также архаической лексики), восходящей к разным этапам общественно-исторического развития), а также проследить стратиграфию словообразовательных средств (например, суффиксальных моделей, преобладающих в ту или иную эпоху). Информационное значение структурно-словообразовательных особенностей географических имен для стратиграфического анализа давно уже признано в ономастике. "Структура топонимов, — писал С. Роспонд, — будь они первичными, производными или сложными,

никогда не бывает случайной. Она детерминируется данными языка, диалекта и эпохи" [Rospond, 1957, 57].

Параллельно с применением стратиграфического анализа для исследования гидронимов на разных уровнях системы одного и того же языка этот вид анализа применяется и для стратификации, или определения языковой принадлежности, субстратных гидронимов. Критерии вычленения, с одной стороны, славянских, с другой — субстратных названий нами рассмотрены. В качестве одной из процедур стратиграфического анализа субстратных и ранних славянских названий учтена, в частности, методика так называемого ориентирующего определения топонимических ареалов, разработанная Ю. Принцем [Prinz, 1969, 7—45]. Под "ориентирующим" понимается такое определение топонимических ареалов, которое базируется на выделении комплекса основных признаков, характеризующих топонимию данной области. Эти "ориентирующие" признаки могут служить указанием на возможные или вероятные границы древних языковых ареалов. Так, для древней восточнославянской области важное значение, по мнению Ю. Принца, имеют топонимы на *-гост/-гощ-* и на эпентетическое *л*. В то же время, как показывают наши материалы, методика ориентирующего определения топонимических ареалов имеет свои ограничения и не может быть безоговорочно принята в этно- и лингвоисторических исследованиях, что мы и попытались показать на примере названий с *l-epentheticum*.

В настоящей работе не демонстрируются различные способы применения картографического метода при анализе гидронимов Северо-Запада. Отметим, например, что составленные нами карты распространения субстратных названий, оканчивающихся на частотные сочетания звуков (кроме широко известных славянских

суффиксов), дифференцируют гидронимы по их языковой принадлежности [Агеева, 1973, приложения]. Отсюда ясно, что среди названий с элементами *-г-, -м-, -ж-* в исходе встречаются как финно-угорские, так и балтийские, и славянские, причем в большинстве случаев консонантные элементы относятся к топономам (ср. *Сорога, Вержа, Черма*). Поэтому наши данные свидетельствуют против распространенной еще недавно гипотезы "речных суффиксов" и против той идеи, что названия с этими элементами принадлежат дофинноугорскому населению неолитической эпохи.

В целом следует отметить, что методы, применяемые на данном этапе для исследования гидронимии Русского Северо-Запада, обусловлены средней степенью "топонимической изученности" (термин Е.М. Поспелова) данной территории и далеко еще не исчерпаны в своем разнообразии. В перспективе, как нам представляется, одним из путей изучения субстратной гидронимии может быть ее системное исследование на базе предварительно установленных ономаσιологических моделей. Эта методика предложена А.К. Матвеевым [1976] и включает процедуру искусственного порождения лексико-семантической системы, относительно близкой к топонимии субстрата (с помощью построения сетки апеллятивных компонентов, постулируемых для данной топонимической системы на материале привлекаемого для сравнения языка или диалекта). Построение ономаσιологической модели, по мнению Матвеева, позволяет путем последовательных ее изменений контролировать полученные результаты и выявлять закономерное в процессе топонимической этимологизации.

Методика, предложенная А.К. Матвеевым и заслуживающая высокой оценки, демонстрирует системный подход к принципам номинации и, вероятно,

должна учитываться при верификации этимологических гипотез [см.: Матвеев, 1986]. Одновременно следует отметить перспективные возможности, которые открываются для лингвистических и этноисторических исследований благодаря подобному подходу: сочетание лингвоисторического метода с ареальным на фоне общего системного изучения географических названий.

Из этнической истории Русского Северо-Запада

Данные археологии, антропологии и этнографии по территории Русского Северо-Запада показывают, что она была непрерывно заселена, начиная с эпохи мезолита. По-видимому, существует некоторая преемственность в характере памятников материальной культуры и в антропологическом облике населения псковских и новгородских земель. Видимо, еще с эпохи раннего неолита основную часть данной территории заселяли племена культуры ямочно-гребенчатой керамики [см.: Третьяков, 1966, 28]. Носители этой культуры считаются ранними предками прибалтийско-финских племен. Известную роль в составе неолитического населения играли здесь волго-окские и верхнеднепровские неолитические племена и носители особой нарвской культуры. В начале и середине II тыс. до н.э. на данную территорию заходят также племена воловской культуры (эта культура и сходные с ней близки культурам уральско-камских племен). Особая валдайская неолитическая культура, по-видимому, отражает процесс смешения местных и более сильных пришлых с востока этнических элементов. Коренное население Северо-Запада, таким образом, складывалось из предков прибалтийско-финских племен. С конца III — начала II тыс. до н.э. они подверглись влиянию бал-

тийского этнического суперстрата, что привело, в частности, к созданию областей различного этноса в Восточной Прибалтике. Хотя балтийское население и не удержалось долго на всей территории своего максимального распространения, оно все же сохранилось в течение длительного времени в районах верхнего течения рек Великой, Ловати и Зап. Двины, где непосредственно граничило с финно-уграми, по крайней мере до середины I тыс. н.э. Начавшаяся славянская экспансия изолировала островки балтийского населения в Верхнем Поднепровье и в более северных областях; впоследствии славяне ассимилировали целиком балтийское население и несли с собой на север значительную долю балтийского этнического элемента. Антропологические материалы по лесной зоне Европейской части России подтверждают наличие нескольких антропологических типов населения, причем в составе русского народа прослеживается некоторое влияние финского субстрата, а некоторые черты онежского типа свидетельствуют о связях местного финно-угорского населения с населением неолитической эпохи [см.: Алексеев, 1969, 201; Витов, 1959, 568—574]. Исторические свидетельства и этнографические данные позволяют утверждать, что восточнославянское население со времени своего появления в районе Псковских земель, бассейнов Шелони и Мсты жило в окружении балтийских и финно-угорских племен.

Для середины и второй половины I тыс. н.э. известен ряд групп погребальных памятников восточнославянских, балтийских и прибалтийско-финских племен в восточной полосе Прибалтики. Территория Восточного Причудья и Приильменя покрыта густой сетью длинных и круглых курганов кривичей и сопок словенского типа. Длинные и круглые курганы кривичей (и смешанного с кривичами населения) располагаются по за-

падному и восточному побережью Чудского и Псковского озер, в среднем течении р. Плюсы и в верхнем течении р. Луги, в бассейне р. Великой, а также отдельные памятники имеются в верхнем течении Ловати. Сопки словенского типа особенно густо покрывают весь бассейн Ловати, Шелони, северного побережья оз. Ильмень, заходят на нижнее течение Волхова, много их в верхнем течении р. Луги, р. Плюсы, а также отдельные группы сопок встречаются на всем протяжении р. Великой [Седов, 1970].

Кривичи, утвердившиеся между верховьями Днепра, Западной Двины и Волги, с VI—VII вв., проникают по р. Великой до Чудского озера. По мнению В.В. Седова, древнейшие длинные курганы, датируемые серединой I тыс. н.э. (IV—VI вв.), появляются в области расселения псковской группы кривичей, т.е. раньше, чем длинные курганы в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье. Эта точка зрения связана с общей концепцией В.В. Седова о путях продвижения кривичей на Русский Северо-Запад из областей Понеманья и Побужья, Восточной Польши [Седов, 1970; 1974; 1982]. Словене, видимо, появились на Северо-Западе (реки Ловать и Волхов) позже кривичей и отличались от них по антропологическому типу [Происхождение и этническая история русского народа, 1965, 260—261].

Формирование восточнославянских этнических групп на Северо-Западе проходило в условиях их окружения неславянскими этническими общностями и при их взаимодействии с последними (ассимиляция славянами финно-угорских и балтийских этнических элементов, сыгравших, возможно, роль субстрата, а также обратное влияние славян на местное население).

Балтийский компонент имел важное значение для этнической истории Северо-Запада Европейской части России. Хотя основная территория Северо-Запада была

занята финно-угорскими племенами, балтийские этнические элементы в разные эпохи проникали сюда на более или менее длительный срок, оставляя следы своего пребывания в виде памятников материальной культуры. В середине и конце II тыс. до н.э. культура шнуровой керамики (в которой большинство исследователей Прибалтики и смежных областей видят культуру предков балтов) распространялась на значительные пространства к северу, полностью покрывая исследуемую нами территорию. Начиная с I тыс. до н.э. территория балтов, хотя и сузилась, но захватывала все же среднее течение р. Великой и верхнее течение Ловати, Зап. Двины и Волги. В конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. балты граничили с территорией нынешней Псковской обл. не только с запада, но и с юга, в бассейне верхнего течения рек Западной Двины, Великой и Ловати. Во второй половине I тыс. н.э. славянская колонизация в район Чудского оз. и Ильменя несла с собой значительную долю балтийского элемента. Еще в XIII в. в составе новгородских владений были территории, населенные "летьголой" ("летьголой") — поселения на р. Опочне, бассейн р. Великой [Насонов, 1951, 83]. Рядом, в Смоленских землях, восточнобалтийское влияние прослеживается также примерно до этого времени.

В археологической литературе неоднократно затрагивался вопрос о роли балтийского субстрата в восточнославянских памятниках материальной культуры. Однако население псковских и новгородских земель (потомки кривичей, словен) еще недостаточно исследовано в этом плане. Несмотря на то что балтийский этнический компонент оказывал определенное влияние на древнее население псковских и новгородских земель, размеры и степень этого влияния в различных областях материальной и духовной культуры населения Се-

веро-Запада еще нельзя считать окончательно выясненными. Таким образом, и решение вопроса о роли балтийского субстрата в составе населения северо-западных русских областей во всех его аспектах — дело будущего.

Отметим, что археологические данные, известные к настоящему моменту, свидетельствуют о том, что балтийское влияние в материальной культуре Северо-Запада прослеживается сильнее в южной части исследуемой нами территории, где балты жили непрерывно в течение ряда столетий; в более размытом виде следы балтов следует ожидать в районе оз. Ильмень и к северу от него, хотя имеющихся данных пока недостаточно, чтобы более определенно подтвердить влияние балтийского этнического элемента в северных областях собственно новгородских земель.

В Причудье, Приильменье, Приладожье в первой половине I тыс. н.э. жило население, генетически близко родственное финно-угорским племенам Прибалтики. Обитатели современной юго-восточной Эстонии и части Печорского р-на Псковской обл. — сету или сетукезы — рассматриваются как потомки этого древнего "чудского" населения [Рихтер, 1961, 3—6]. Время появления води (североэстонских переселенцев) в восточном Причудье не может пока считаться окончательно установленным. А. Моора думает, что уже к I тыс. до н.э. западнее Чудского оз. сложились эстонские племена, восточнее — родственная им водь [Моора, 1964, 285]. К середине I тыс. н.э. водь занимала обширную территорию между Нарвой и Невой, от берегов Финского залива на севере до северной границы расселения славян на юге (т.е., верховья Плюсы и Луги, озера Черемнецкое и Врево) [Шлыгина, Конк, 1964, 310]. В среду южной води проникают кривичи и словене. Во второй половине I тыс. н.э. группа води,

уже частично ославянившаяся, переселилась на западное побережье Чудского оз. Вторая волна водипереселенцев пришла в Западное Причудье в XII—XIII вв. Грунтовые захоронения XI—XII вв. на территории Ингерманландии (от Гатчины до р. Волхов) некоторые ученые (А.М. Талльгрэн) считают первыми свидетельствами проникновения ижоры, одного из карельских племен западного и северного побережий Ладоги [Лаанест, 1966, 8—9]. Ижорцы, первоначально заселявшие, видимо, бассейн р. Ижоры, южного притока Невы, в XIII в. начали продвигаться на запад. Есть и другая точка зрения (А. Лаанест, Х.А. Моора): основу формирования ижоры образовал древний местный субстрат, поскольку в западноижорском диалекте имеется ряд весьма древних черт, которые не свойственны восточным диалектам, распространенным в бассейне р. Невы.

Этническое окружение славян Приильменья и Восточного Причудья в I—II тыс. н.э. включало и некоторые другие прибалтийско-финские племена, в том числе ливы и весь (последней принадлежала часть курганов Юго-Восточного Приладожья и Белозерья). Можно предполагать, что в эпоху образования прибалтийско-финской этнической общности предки ливов или племена, близкие к ним, населяли всю территорию Восточной Латвии и, возможно, заходили на современную Псковщину. Однако в силу древней балтизации территории ливов сейчас трудно проследить былое расселение их предков. Вопрос этот не изучен. Было предположение, что антропологический тип финского населения Латгалии в VI—VIII вв. близок к антропологическому типу води и ижоры, и высказывалась мысль об общности происхождения прибалтийско-финских племен, населявших в VIII—XIV вв. восточные земли Латвии, Эстонии и прилегающие районы к восто-

ку от Чудского оз. (водские племена) [Денисова, 1970, 13].

Территория Псковских земель, новгородских Шелонской и Деревской пятин была очень рано колонизована славянами. К XI в. отдельные финно-угорские племена на Северо-Западе жили в основном в Водской и Обонежской пятинах. Дальнейшая судьба этих финно-угорских племен прослеживается по историческим источникам и этнографическим данным. Финно-угорские народы Прибалтики оказали определенное влияние на материальную и духовную культуру русского населения, так же как на его антропологические типы. В частности, это влияние выражается в некоторых этнографических особенностях русского населения Северо-Запада, в фольклоре и т.д.

Проблемы языкового субстрата и гидронимия Северо-Запада

В региональной топонимике важное значение имеет изучение географических названий иноязычного происхождения. На основе исследования иноязычных топонимов делаются выводы о языке населения, предшествовавшего данному, устанавливаются ареалы иноязычной топонимии, предлагаются выводы лингвистического и этноисторического порядка. Однако применение термина „субстрат” в топонимии носит сугубо прагматический характер. До сих пор не разработаны в достаточной мере теоретические вопросы субстратной топонимии, среди которых можно перечислить следующие, на наш взгляд, важные проблемы. 1. Понятие топонимического субстрата. Субстрат в языке и субстрат в топонимии. 2. Принципы выделения субстратных топонимов. 3. Методы изучения субстратной топонимии. 4. Субстратная топонимия и топо-

нимическая система данного региона. 5. Вариативность субстратных топонимов.

В качестве рабочего определения языкового субстрата можно принять следующее: субстрат — „язык, побежденный другим языком в результате их взаимодействия и борьбы в пределах единой территории” [Серебренников, 1955, 10]. Соответственно под термином „субстратное влияние” будет пониматься влияние побежденного языка на язык-победитель, а термином „субстратные черты” можно обозначить элементы языка-победителя (фонетические или фонологические, морфологические, синтаксические, лексические, семантические), которые не объясняются процессами внутреннего развития системы данного языка, но убедительно (исторически и лингвистически) могут быть отнесены на счет субстратного влияния (особо следует выделить те случаи, когда действие субстрата усиливает уже существующие в данном языке тенденции к изменению).

Более правильным было бы другое определение субстрата: субстрат — слой в языке, оставшийся от предшествующего побежденного языка. Такое определение более соответствует этимологии слова *субстрат*, его внутренней форме. Практически лингвисты употребляют термин „субстрат” именно в этом понимании, т.е. отождествляют понятия „субстрат” и „субстратные черты”.

Языковой субстрат может быть результатом только так называемого внутрирегионального контактирования языков (которое имеет различные формы) и внутрирегионального контактирования носителей этих языков, такого контактирования, которое характеризуется глубоким проникновением больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка. Внутрирегиональное контактирование характеризуется следующими особенностями: 1) приобретение

сходных звуков; 2) заимствование слов; 3) создание синтаксических калек; 4) образование семантических инклинаций; 5) заимствование словообразовательных суффиксов; 6) возбуждение сходных процессов развития структуры языка; 7) стимулирование сохранения однотипных черт [Серебренников, 1956, 52].

Несмотря на то что указанные особенности можно приписать также процессу создания языковых союзов и другим видам взаимодействия языков, а также несмотря на специфичность субстратного влияния (имеющего место только при этническом смешении), нам представляется, что в общих чертах особенности внутрирегионального контактирования адекватно отражают содержание понятия "субстратное влияние", при этом речь идет не вообще о взаимодействии двух (или более) языков, а об одностороннем (направленном) влиянии субстрата на язык-победитель в тех случаях, когда оно четко прослеживается.

Особую проблему представляет собой возможность субстратного влияния при взаимодействии близкородственных языков. Исследователи неоднократно отмечали, что различные виды взаимодействия между языками требуют различной методики исследования. По всей вероятности, субстратное влияние проявляется гораздо слабее в тех случаях, когда системы субстратного и суперстратного языков имеют много общих черт. Так, в системе фонем нижненемецких диалектов Южного Шлезвига, для которых отмечается датский субстрат, датское влияние проявляется слабо (отмечается лишь глухое произношение *z* в положении между гласными в тех случаях, когда в нижненемецком в этом положении должно быть *z* [Sommerfelt, 1958, 215]. На материале отношений балтийских и славянских языков В.Н. Топоров [1973, 91] показал сложности изучения взаимодействия близкородственных языков.

Возможности исследователя минимальны, когда минимальны расхождения между двумя сравниваемыми языками, и, наоборот, возможности увеличиваются при увеличении расхождений между этими языками. Поэтому еще раз подчеркнем, что исследование субстратного влияния и само определение языков-субстратов должно быть ограничено теми случаями внутрирегионального контактирования, когда контактируют языки достаточно удаленные друг от друга генетически, языки носителей, принадлежащих различным этносам. Понятие субстрата не универсально, оно приложимо лишь к исследованию одного, сугубо частного вида взаимодействия языков.

Понимание терминов "субстрат", "субстратное влияние", "субстратные черты" в топонимике было несколько модифицировано. Заимствовав эти термины из общезыковедческой проблематики, топонимисты вложили в них специфическое понимание субстрата применительно к потребностям топонимики. Знакомство с топонимической литературой убеждает в том, что под субстратом в топонимике понимается язык топонимии всякого иного населения данной территории, которое предшествовало по времени населению ныне доминирующему в пределах этой же территории, независимо от степени генетического родства языков того и другого населения. Такое понимание топонимического субстрата и, соответственно, субстратного влияния и субстратных черт топонимии оправдано по многим причинам. Прежде всего топонимика, пользующаяся в значительной степени методами лингвистической географии, нуждается в стратификации топонимов, т.е. в выделении слоев (или "стратов") топонимии, которые различаются лингвистически и исторически. При синхроническом подходе к исследованию топонимии данного региона первостепенное значение приобретают

фонетический облик топонимов различных слоев, их морфологическая и словообразовательная характеристика, морфонологические особенности, степень лексической однородности и семантической прозрачности, функционирование в языке и т.д. При диахроническом подходе наиболее важно установление пространственного размещения топонимов различных слоев, в том числе установление топонимических ареалов, этимология топонимов и их хронологизация. Понятие стратиграфии в лингвистике и, в частности, в топонимике специфично (хотя бы по сравнению с геологией) и в топонимику пришло непосредственно из лингвистической географии. Под стратиграфией в топонимике можно понимать наличие слоев топонимии, имеющих определенную пространственно-временную характеристику, а под стратификацией — установление или выделение таких слоев исследователем². Разумеется, в понятие стратификации входит не только выделение разноязычных слоев, но и выделение различных пространственно-временных слоев топонимии одного и того же языка, последовательности различных "синхронных срезов" одного и того же языка, понимаемого как развивающаяся система.

Необходимо более подробно раскрыть содержание понятия "топонимический субстрат" и дать определение субстратного топонима. Наиболее удачно, на наш взгляд, методику выделения субстратных топонимов

²В топонимике впервые понятие топонимической стратиграфии выдвинул Ст. Роспонд и сформулировал его на II Международном конгрессе славистов в Варшаве в 1934 г.: "Понятие структурно-топонимических пластов, зависящих от времени и территории, называется топонимической стратиграфией" [Rospond, 1958, 159]. Т.е. под топонимической стратиграфией Ст. Роспонд фактически понимает стратификацию; на наш взгляд, целесообразно различать эти термины.

разработал А.П. Дульзон [1959] на примере этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения на территории Сибири. Первоначальную форму иноязычного топонима, восстановленную теоретически или установленную либо путем опроса сохранившегося живого населения, либо по старым записям, Дульзон называет субстратной формой. Форму же видоизмененную при ассимиляции целесообразно называть суперстратной. Субстрат и суперстрат понимаются А.П. Дульзоном в смысле чисто лингвистическом, т.е. как хронологическая последовательность наслоения внешних и внутренних особенностей слова, связанных с перемещением его из одного языка в другой в результате ассимиляции населения и смены одного языка другим. Так, например, *Ванджылька* — русская суперстратная форма названия правого притока Тыма; субстратная для русского языка форма *Ванджыль-кы*, сохранившаяся в живом употреблении у местных селькупов, является чисто селькупским словом (*вандж* 'нельма', *ванджыл* 'нельмовый', *кы* 'река').

Определение субстратного топонима, а также топонимического субстрата разрабатывалось славистами для создания общеславянского справочника по ономастической терминологии. Согласно этой дефиниции [на русском языке подготовлена Н.В. Подольской, 1978, 149] топонимический субстрат — "элемент или элементы языка, исчезнувшего на данной территории, в топонимии этноса, населяющего эту территорию в исследуемый период". Соответственно, субстратный топоним — "иноязычный топоним (или элемент топонима), вошедший в топонимическую систему данного этноса на данной территории из топонимии предшествующего этноса на той же территории" [там же, 142].

Субстратные черты могут проявляться по-разному в топонимии и в остальной части лексики данного языка.

По мнению А.К. Матвеева [1972, 76], усвоение массового топонимического субстрата всегда предполагает промежуточный этап двуязычия ассимилируемого народа, когда происходит постепенная ассимиляция одного народа другим в условиях длительного совместного проживания и хозяйствования. Естественно было бы предположить, что при сохранении топонимического субстрата в языке должна сохраняться и часть субстратной апеллятивной лексики, а также должны отмечаться какие-то фонетические, морфологические, синтаксические и др. черты, объясняемые субстратным влиянием. Однако на деле процесс приобретения языком субстратных черт и процесс усвоения субстратной топонимии не всегда совпадают, и это имеет свое объяснение. В первую очередь здесь играют роль, по-видимому, различия в функционировании топонимов и других слов языка. Топонимы языка образуют топонимическую подсистему лексической системы языка, но в пределах одной системы возможно варьирование, связанное с различными функциями ее подсистем. Топонимическая подсистема лексики данного языка имеет пространственную и временную характеристики, она складывается и развивается в определенном географическом и этническом пространстве. Лексика вообще также имеет пространственную и временную характеристики. Однако различие в том, что лексика языка в целом более мобильна в пространстве и во времени, она обслуживает большую часть языкового коллектива. Топонимия же имеет более фиксированный характер, ее границы поэтому более отчетливы. Топонимические переносы более ограничены пространственным и временным факторами.

Лексика — открытая система, в большой степени подверженная влиянию экстралингвистических факторов (социальный, исторический и др.). Существование и функционирование апеллятивов происходит в более широком контексте, их система многофункциональна. В то же время топонимия (хотя на нее также действуют экстралингвистические факторы) характеризуется суженностью функций по сравнению с системой апеллятивов: в то время как апеллятив относительно универсален и часто несет большую семантическую нагрузку, собственное имя индивидуализирует объект, особенно объект географический, его семантическая нагрузка ограничена; система собственных имен поэтому легче по сравнению с именами нарицательными принимает в себя случайности — иноязычные вкрапления. За исключением широко известных топонимов, географические названия, в особенности микротопонимия, обслуживают языковой коллектив довольно ограниченной территории, например, одного села или даже части села. Функцию топонимов в этом случае можно сравнить с функцией узких диалектизмов, бытующих на ограниченной территории. Эти диалектизмы, если они не являются глубокими архаизмами данного языка и не имеют соответствий в других языках данной группы, именно поэтому часто оказываются заимствованиями из субстратного языка. В силу своей привязки к определенному географическому ареалу, меньшей мобильности топонимия всегда более обломочна, более архаична в целом, чем другие слои лексики (здесь имеется в виду и материальное сохранение единиц языка, лексических основ, фонетических, морфологических и др. особенностей). Именно поэтому влияние субстрата может выражаться и в одной топонимии, минуя другие слои лексики данного языка. Следы субстрата могут быть совершенно стерты в данном

языке (или их вообще может не быть) и могут быть совершенно отчетливы в топонимии данного района. Поэтому топонимия всегда привлекается для изучения языкового субстрата, в особенности когда нет других данных.

Таким образом, по ряду причин язык-победитель часто усваивает от побежденного языка только субстратную топонимию. Нельзя недооценивать такие факторы, как внутренние особенности языка-победителя: способность к интерференции, степень проницаемости различных уровней языка для заимствований и соответственно степень устойчивости системы языка, действующие в нем тенденции развития, особенности фонологической системы и грамматического строя, наконец экстралингвистические факторы — уровень материальной и духовной культуры, наличие определенной выработанной системы понятий и т.д.

В качестве примеров различия в усвоении субстратных топонимов, с одной стороны, и апеллятивов — с другой, можно привести некоторые данные, полученные при исследовании разных территорий. Так, в США большинство рек называются именами индейского происхождения, даже маленькие, в ойконимии также часты индейские названия. В то же время лексических заимствований из языка аборигенов в английском языке сравнительно мало. На территории Болгарии вычленяется значительный пласт палеобалканской, в особенности фракийской, топонимии, в то время как субстратные слова-апеллятивы, заимствованные из фракийского языка, в болгарском языке единичны. Сибирь была покорена войском Ермака в XVI в. В русском языке очень мало заимствованных слов из языков Сибири, их распространение ограничивается местными русскими говорами. В то же время боль-

шинство названий рек и озер Сибири — местного происхождения: *Иртыш, Обь, Васюган, Енисей, Ангара, Лена, Амур, Байкал* и т.д. Л. Киш объясняет это явление тем, что факты заимствования названий из языка аборигенов свидетельствуют не о более высоком культурном уровне аборигенов (что отмечается при заимствовании материальных и духовных ценностей), а о том только, что суперстратный язык попал в новую для него среду [Kiss, 1969].

Наличие топонимического субстрата относительно независимо во времени от последующих языковых контактов; если субстратная топонимия непосредственно предшествует топонимии ныне господствующего языка, то она является по отношению к ней субстратом; если же она усваивается через посредство промежуточной субстратной топонимии, — переводится в разряд субсубстрата. Разумеется, при усвоении субстратной и в особенности субсубстратной топонимии возможны различные наслоения и искажения первоначальной субстратной формы, которая восстанавливается только с помощью этимологического анализа.

Топонимический субстрат может быть субстратом только для топонимической же системы данного региона и не обязательно свидетельствует о том, что язык ассимилированного населения оказал субстратное влияние на язык пришельцев. Для последнего умозаключения необходимы более широкие свидетельства языковых данных. Связь топонимического и общезыкового субстрата в каждом случае еще надо доказывать. Таким образом, если теоретически топонимический субстрат — частный случай языкового субстрата (так как топонимы — часть языка), то на самом деле различия в функционировании топонимической системы и системы нарицательной лексики

предполагают отсутствие тождества и необязательность хотя бы частичного совпадения топонимического субстрата с общезыковым.

Территория Русского Северо-Запада дает пример внутрирегионального контактирования языков разных семей, поэтому очевидна правомерность постановки вопроса о субстрате в северо-западных говорах русского языка, которые выделяются современной диалектологией в особые локальные группы говоров.

Вопрос о балтийском влиянии на северо-западные русские говоры сложен, так как речь идет о языках близкородственных групп. В силу древнейших генетических балто-славянских связей трудно говорить о балтийском субстрате в общевосточнославянском или отдельных восточнославянских диалектах; речь может идти только о контактах близкородственных языков. Поэтому в круге балто-славянских проблем большое значение приобретают данные лингвистической географии, ареальный анализ, поиски общих балто-славянских изоглосс и отдельных балтизмов в восточнославянских языках (Б.А. Ларин, Н.И. Толстой, А.П. Непокупный, С.М. Глушкина, В.М. Мокиенко, Л.Г. Невская, Ю. Лаучюте и др.). Балтийское влияние на говоры Северо-Запада изучалось только в применении к говорам Псковской обл. Новгородские говоры не затрагивались. Отдельные явления в области фонетики псковских говоров, объясняемые балтийским влиянием, и ряд балто-славянских лексических изоглосс могут рассматриваться в плане маргинального контактирования псковских говоров и балтийских языков (начиная с XV в. и вплоть до настоящего времени). Некоторое количество балтизмов (поздних лексических и фонетических) в псковских говорах может быть объяснено тем, что в Псковской обл. имеются белорусские переселенцы, а также переселенцы из собственно Прибалтики —

литовцы и латыши. Кстати, территориально балтийское влияние на говоры Псковщины прослеживается именно в тех районах, куда направлялся поток переселенцев.

Таким образом, в настоящее время вопрос о балтийском субстрате в русских говорах Северо-Запада можно решать отрицательно, хотя новые данные об ареальных отношениях псковских и новгородских говоров с окружающими славянскими и балтийскими языками могут изменить постановку этого вопроса.

В противоположность балтийскому влиянию, влияние древних прибалтийско-финских языков и диалектов на русские говоры Северо-Запада может рассматриваться как субстратное. Языковые отношения восточных славян и прибалтийских финнов изучаются давно (А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, А.Л. Погодин, Я. Калима, Й. Миккола, В. Кипарский и др.). Заимствования из восточнославянских языков в прибалтийско-финском, отражающие славянские полногласные формы, носовые гласные и редуцированные гласные, показывают, что все эти заимствования, безусловно, происходили в древнерусскую эпоху. Однако абсолютную хронологию заимствований установить трудно, если: 1) полногласные формы (ср. фин. *varpu* < ст. -сл. ВРАБИИ, др. -рус. *воробей*) существовали до VIII—IX вв.; 2) носовые гласные (ср. фин. *kuonta* < др. -рус. *kqdelъ*) — до первой половины X в.; 3) редуцированные *ъ*, *ь* (ср. фин. *akkuna* < др. -рус. *окно*, фин. *risti* < др. -рус. *крѣсть*) — до XI—XII вв., даже до середины XIII в. Эти сведения дают лишь расплывчатую позднюю датировку, о ранней же не приходится говорить. Хронология ранних славяно-финно-угорских контактов должна уточняться в ходе дальнейших исследований, и не исключено, что поздняя датировка

этих контактов, принятая большинством исследователей, может быть в будущем пересмотрена.

Данные о финно-угорском субстрате в русском языке (вопрос, имеющий свою историю) были обобщены в монографии В.Фэнкера [Veenker, 1967]. Рассмотрев около 50 явлений русского языка, имеющих типологические совпадения с соответствующими фактами общефинно-угорского или отдельных финно-угорских языков, В. Фэнкер классифицирует все эти явления в русском языке на те, которые испытали: 1) определенное влияние финно-угорского субстрата; 2) вероятное влияние; 3) возможное влияние. Не вдаваясь в данной работе в подробное обсуждение субстратного прибалтийско-финского влияния на северо-западные говоры, отметим, что многие материалы В. Фэнкера могут быть оспорены с позиций лингвогеографии и диалектологии русского языка. Например, явление русского аканья, на наш взгляд, успешнее объясняется как балтийское влияние; сохранение *o* в безударной позиции в северном наречии можно рассматривать как закрепление общеславянских особенностей русского вокализма (возможно, действительно, благодаря косвенному влиянию местных финно-угорских языков). В дальнейшем уточнении субстратных диалектных особенностей северо-западных говоров большую роль может сыграть четкое разграничение понятий прямого (или "очевидного") и косвенного (или "неочевидного") влияния субстрата; кроме того, важно соотносить данные современной русской диалектологии с членением племенных диалектов в древнерусскую эпоху. Некоторые соображения (подробная аргументация вывела бы нас за рамки нашей темы) заставляют нас предполагать, что территория псковских и новгородских земель была до прихода славян пограничной между прибалтийско-финскими и балтийскими племенами.

Однако предстоит еще дифференцировать субстратные диалектные особенности современных групп говоров Северо-Запада, выявив ранние и более поздние влияния диалектов балтов и прибалтийских финнов.

Возвращаясь к рассуждениям о топонимическом и общезыковом субстрате, отметим, что топонимия Северо-Запада как нельзя лучше подтверждает разницу, существующую между этими двумя понятиями. Так, на территории Северо-Запада много субстратных финно-угорских топонимов, в особенности гидронимов. В то же время при анализе географических апеллятивов северо-западной зоны обнаруживаются довольно слабые связи псковской (и шире — восточнославянской) географической терминологии с финно-угорскими географическими апеллятивами [см.: Мокиенко, 1969; 1970]. По всей вероятности, к моменту прихода в Озерный край (V в. н.э.) предки кривичей и словен имели уже весьма развитую и устойчивую систему географической апеллятивной лексики, унаследованную в основной части от праславянского периода, что, видимо, свидетельствует о сходных географических условиях прародины восточных славян. Однако целый ряд гидронимов кривичи и словене заимствовали от местного финно-угорского населения.

То же касается и названий, усвоенных словенами и кривичами из балтийской гидронимии. Неудивительно, что в северо-западных русских говорах нет следов балтийского субстрата или они очень немногочисленны и спорны, а топонимия сохраняет следы субстрата. Допустим, что славяне пришли сюда, когда балтов здесь уже не было как этнической единицы и балтийские языки не могли оказать субстратного влияния на язык кривичей и словен, но балты были здесь раньше, балтийская топонимия осталась — и она субстратна для данного региона. Балты могли

быть ассимилированы финно-уграми (которые здесь доминировали и поглотили балтов в этническом и языковом отношении), а их топонимия сохранилась в языках финно-угров, которые, в свою очередь, будучи ассимилированы славянами, передали последним и финно-угорскую, и усвоенную ими балтийскую топонимию. Топонимия балтийского происхождения оказывается, таким образом, субстратной для финно-угорской топонимии Северо-Запада, а по отношению к русской топонимии этого района она может рассматриваться как субсубстратная. Впрочем, эта гипотеза еще нуждается в тщательной проверке с помощью большого количества убедительных этимологий географических названий и т.п. Кроме того, необходимо привлечение данных археологии, антропологии и этнографии: анализ балтийских и финно-угорских элементов в материальной и духовной культуре, в антропологическом облике населения и т.д.; эти вопросы не могут в настоящее время оцениваться как достаточно разработанные.

Для конкретного изучения балтийской и финно-угорской гидронимии Северо-Запада полезно разработать критерии выделения субстратных гидронимов из общей массы гидронимов данного региона. Эти критерии, на наш взгляд, сводятся к следующему.

1. Четкий ареал в данной области или в части территории данной области, подкрепляемый свидетельствами исторических наук.

2. Параллели на других территориях, занятых в настоящее время или в прошлом народами (племенами) родственного этноса.

3. Узкое распространение данной гидронимической основы, ее единичность, низкая частотность в гидронимии.

4. Связь данного гидронима с соответствующим

названием населенного пункта, имеющим достоверно иноязычную этимологию.

5. Исходной мотивирующей формой для названия является апеллятив из языка, оставившего след в топонимическом субстрате.

6. Типично неславянские фонетический облик и комбинаторика фонем. Характерные особенности в передаче на русский язык.

7. Характерные морфологические и словообразовательные особенности (следы морфологической адаптации, ограниченная морфологическая сочетаемость основы и словообразовательного форманта, большая степень варьирования основы.)

Славянская гидронимия Северо-Запада

Это название носит в значительной мере условный характер. Что же понимать под "славянской" гидронимией? В это широкое обозначение входят и современная русская гидронимия, и более древние названия, возникшие в древнерусский период, в том числе и восходящие к еще более древней праславянской эпохе. При изучении апеллятивов в составе гидронимов мы указали на то, что многие местные географические термины, послужившие базой номинации для водных объектов, являются праславянским наследием — ср. **byrdo*, **terbiti* и др. Русская диалектная и архаическая лексика, имеющая соответствия в других славянских языках, нашла широкое отражение в гидронимии Северо-Запада: лексемы *криница*, *крупец*, *волмище*, *осов*, *вана*, *вервь*, *гридь*, *осек*, *сябр*, *черемный* и др. Отмечались тесные связи этой лексики с лексикой других говоров русского, а также украинского и белорусского языков.

Значительная часть гидронимов Северо-Запада обра-

зована от личных имен и фамилий, возникших на восточнославянской и шире — общеславянской — почве. Состав этих антропонимов, словообразовательные особенности их полных и гипокористических форм позволяют говорить о тесных связях Северо-Запада с украинским и белорусским ареалами (например, имена на -хно), а также с западнославянской и южнославянской областями (имена типа *Крех*, *Ладомир*, *Радоша* и др.). Анализ гидронимии позволяет еще более конкретизировать эти связи за счет гипотетически восстанавливаемых имен, известных в общеславянской антропонимии, но на Северо-Западе получивших отражение лишь в гидронимах.

Изучение словообразовательных особенностей гидронимов Северо-Запада позволило установить историческую преемственность их словообразовательных типов и основных черт структуры по отношению к древнерусскому периоду. Модель так называемых "первичных" (с простой непримитивной основой) гидронимов широко распространена в названиях славянского происхождения, ср. реки *Верба*, *Щерба*, *Многа*, *Лада*, *Руда*, *Смола*, *Выдра*, *Плюса*, *Сита*, *Уча*; озера *Струго*, *Бердо*, *Глино*, *Щадро*, *Плюсо*, *Учо*. Наличие "первичных" гидронимов — типа, характерного для праславянской топонимии — позволяет поставить вопрос о праславянском наследии в гидронимии, принесенной на Северо-Запад древнерусскими племенами — словенами и кривичами. То же касается присутствия в словообразовательной парадигме гидронимов таких суффиксов, которые были наиболее продуктивны в древней славянской топонимии (-ица, -ец, -н(а), -ск- и др.). Некоторые из них, сохранившись в топонимии восточнославянских территорий (например, -ъ, отраженный в восточнославянском *l-erentheticum* в качестве некогда продуктивного суффикса, который к XIV в. почти

вышел из употребления), позволяют датировать топонимические процессы и в то же время могут в ряде случаев (но не всегда) служить этнически определяющим показателем восточнославянского расселения.

Стратиграфия славянских словообразовательных типов в гидронимии Русского Северо-Запада — сложная задача, которая должна быть выполнена в будущем на основании привлечения большого исследовательского материала, выходящего далеко за рамки региональной работы. Для решения этой задачи потребуются: дифференцированный стратиграфический и ареальный анализ словообразовательных типов и моделей; сопоставление гидронимических и ойконимических словообразовательных типов и выделение, благодаря главным типам, основной топонимической территории и "ядерных" областей; хронология основных словообразовательных типов; широкое сопоставление русской гидронимии Северо-Запада с гидронимией других восточнославянских, а также западно- и южнославянских территорий. Решение этих вопросов будет возможно в недалеком будущем при условии, если изучение гидронимии и ойконимии древних восточнославянских областей будет происходить более интенсивно и на единой методической основе.

Пока что можно отметить, что дальнейшее изучение словообразовательных структур гидронимии Северо-Запада перспективно для Общеславянского топонимического атласа. Об этом свидетельствует большое количество "первичных" названий, гидронимов с суф. -иц(а)/-ец, отапеллятивных "топографических" названий, связи с западно- и южнославянской гидронимией и т.д. Например, Г. Борек устанавливает большое количество восточнославянско-западнославянских параллелей при изучении названий с формантом -ьн- [Борек, 1972, 111—таблица].

Кроме того, словообразовательная однородность русской гидронимии новгородско-псковских земель (и отсутствие ярких ареальных словообразовательных явлений) заставляет предположить, что диалектные отличия в речи русского населения этой области были не особенно существенными в эпоху массового становления русской гидронимии; ср. соответствующий вывод о литовских гидронимах в работе А. Ванаса [Vanagas, 1970, 378—382].

Для дальнейшего описания славянских гидронимов важно вновь вернуться к критериям разграничения славянских и субстратных названий, причем речь идет лишь о таких славянских названиях, которые архаичны или вызывают трудности при этимологизации [см.: Агеева, 1980].

Критерии выделения славянских названий, так же как и субстратных, могут быть разнообразными. Выработка подобных критериев и приведение их в систему тем более необходимы, что в гидронимии территории, подвергшейся ранней славизации, наблюдается глубокое освоение субстратных названий и большая степень включения последних в русскую гидронимическую систему, а также многочисленные случаи аналогии в словообразовательных моделях русских и субстратных названий, что иногда объясняется как результат взаимной адаптации. Например, ряд славянских названий типа *Верба*, *Многа*, *Лада*, *Руда*, *Сита*, *Уча*, *Струго*, *Плюсо* на первый взгляд мало отличается от субстратных *Сабро*, *Толба*, *Уда*, *Жадро*, *Орша*.

Предлагаем следующие критерии выявления гидронимов славянского происхождения.

1. Наличие параллелей в западнославянских и южнославянских языковых областях. Так, названия типа оз. *Вельго* на Псковщине и сходные названия в рязанских, московских, новгородских, тверских землях можно со-

поставить с многочисленными гидронимами бассейна Вислы: р. *Wielga*, бол. *Wielgi Rów*, оз. *Wielgie Gluche* и др. [Hydronimia Wisły, 1965]. В польском языке форма *wielgi* уже с XIV в. употребляется параллельно с *wielki* 'большой', ср. рус. *великий*. Источник появления форм типа *Вельго* в топонимии восточнославянской территории предстоит еще выяснить.

Наличие параллелей для новгородско-псковской гидронимии одновременно и в западнославянской, и в южнославянской областях может достоверно свидетельствовать о сохранении общеславянского наследия. Например, название р. *Крупа*, л. пр. Мсты, аналогичные названия в Псковских и Тверских землях, на Воляни: *Крупеница*, *Крупень*, *Крупец*, *Крупка*, от славянского апеллятива, ср. блр. *крупéц* и *крупка* 'незамерзающий короткий приток реки' [Яшкін, 1971, 97]. Этот тип названий с основой *круп-* имеет параллели в Словении — р. *Кропа* (*Крипа*), в Польше — *Krupa*, *Kropa* и т.д. Название оз. *Черемнецкое* в Ленинградской обл. и многочисленные *Черемнка*, *Черемница*, *Черменец*, *Чермно* восходят к слав. *črten-*, прилагат. *čьтъль* 'красный', ср. рус. диал. *черёмный*: прм., вятск. 'чермный, красный' и имеют такие соответствия, как р. *Črmenica* (*Crmenica*) в Словении [Bezlaž, 1956, D. 1, 116], оз. *Czernto* в Польше и т.д.

Сохранение общеславянских реликтов вполне возможно в случае новгородско-южнославянских параллелей, хотя важно учесть и вероятность общего балтофрако-иллирийского субстрата. В то же время, рассматривая параллели с западнославянской областью, особенно новгородско-псковско-польские сходения в гидронимии, всегда нужно иметь в виду и возможность общего балтийского субстрата.

2. Широкое распространение данной гидронимической основы в старых русских областях, ее высокая

частотность в гидронимии и равномерная рассеянность (когда название не дает четкого ареала). Например, названия типа *Велье, Велья, Вельица* иногда производят из финского языка. Однако эти названия встречаются широко в гидронимии и ойконимии в северо-западных и центральных русских областях и в Белоруссии. По мнению К. Буги [Būga, 1961, 883], кривичи принесли с собой эти названия в Белоруссию и в Литву. К этимологии названий ср. рус. нарицат. устар. *велий* 'великий, большой', ст.-слав. *велии*, срб.-хрв. *вѣли* 'большой' и т.д.

Названия типа *Локна* объясняют из балтийских языков [Топоров, Трубачев 1962, 193] от апеллятива *lukna* 'болотистое место'. Но эти названия многочисленны в центральных русских областях, на Украине и в Белоруссии, имеют соответствия в Югославии и в Польше. К этимологии названия ср. белорусский МГТ *лакно́* 1. место в речной старице, которое заросло травой; 2. глубокое место посреди болота, где не замерзает вода [Яшкін, 1971, 104].

А.П. Непокупный приводит полесское слово *локно́* 'кубышка желтая', считая этот ботанический термин одним из балто-севернославянских новообразований, причем лексема *локно́* свойственна и восточнославянскому ареалу. Гидронимы типа *Локно, Локнея, Локница, Локня* и *Локнянка*, сосредоточенные в бассейне Припяти, автор интерпретирует как славянские [Непокупный, 1976, 34—36].

3. Связь данного гидронима с соответствующим названием населенного пункта, имеющим достоверную славянскую этимологию. Например, название р. *Кушаловка* Дем., пр. Шелони в отличие от похожего гидронима *Кушолка* Гдов. (из финно-угорских языков), связано с ойконимом *Кушело* (варианты *Кушалово,*

Кушелево), этимологизируемым от антропонима *Кушелев*; ср. также белорусское личное имя *Кушаль*.

4. Наличие в местных говорах соответствующих апеллятивов, которые явились исходной мотивирующей формой при образовании данного гидронима. Так, названия типа оз. *Жабери* Влкл., рч. *Жабровка* Тор. и др., которые иногда сопоставляются с лит. р. *Žebrius* от лит. *žebrius* 'пестрый', можно, на наш взгляд, связать более убедительно с МГТ блр. *жабер* 1. ряска. 2. студенистые зеленоватые водоросли в стоячей воде [Яшкін, 1971, 63].

Этимологический анализ позволяет выделить старые славянские лексические основы в названиях, причем иногда анализ вариантов гидронима заставляет отдать предпочтение славянской этимологии. Покажем это на примере р. Плюсы.

р. *Плюсса* Луж. Вариант: *Плюса* [Новг. писц. кн. IV, 93] — более верный, второе *с* — позднее. Ср. оз. *Плюсо* Ш. п.; оз. *Плюсино* — 2 названия в Витеб. губ.; р. *Плюсна* 1) приток Оки, Рязан. губ., 2) польск. *Plusna, Pluso* Минск. губ.; 3) = *Плеснец* Орлов. губ.; оз. *Плюсы* (польск. *Plusy*) и нас. п. *Плюсы* Каунас. губ.; деревни *Плюса* и *Плюсса* Луж. Название р. *Плюсы* напоминает многие балтийские гидронимы на *-са*, которые, однако, считаются достоверно балтийскими в случаях *-еса, -аса, -оса*; образования на *-са* неясны [Топоров, Трубачев, 1962, 155]. В данном случае более вероятно объяснение на славянской почве. Следует обратить внимание на то, что *у* и *е* в *пл'ус-, пл'усн-/пл'есн-* часто заменяют друг друга: ср. дер. *Плюсьце* в Западном Полесье — деминутив от *плёсо* 'маленький пруд', р. *Плюсна—Плеснец* Орлов. губ. Это наводит на мысль о связи этих названий с корнем *плес-* в *плёсо, плесо*, др. -рус. *плес, плис* 'колени реки, от одной луки до другой'. Название р. *Плюсы*

(*Плюсы*) могло произойти от названия оз. *Плюсо* < **Плесо* < *плесо*. Ср. также нас. п. *Плессы* Остр. и дер. *Плесна* Гдов. на самой р. *Плюссе*.

Лужицкие названия типа *Pleisse, Plisna* < **Plesьna, *Plesina*, Э. Эйхлер сравнивает с балтийскими *Plisa* и др. [Eichler, 1956, 21—26]. В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев [Топоров, Трубачев, 1962, 201—202] сопоставляют *Плесса* и *Плиса, Плисса*, считая последнее неясным, возможно балтийским. Названия гор. *Плесненск* на Волыни (1188), р. *Плесса, Плисса*·С. Роспонд [Роспонд, 1972, 67] сопоставляет с *плѣсьнь* 'плесень, гниль'.

5. Типично славянский звуковой облик, характерная славянская комбинаторика фонем. Анализ гидронимов по их фонетическому облику позволяет установить типичные и нетипичные звуковые цепи, слоги и "встречаемость" отдельных согласных и групп согласных в начальном, исходном и интервокальном положениях. Так, например, для русского языка характерны открытые слоги, начальные группы согласных *смычный + сонант*, *спирант + сонант*, *спирант + смычный*, *спирант + смычный + сонант* и т.д. С другой стороны, например, очень редко (единично) интервокальное сочетание *-ks-*, которое было редким уже в раннепраславянском [Бернштейн, 1961, 141]. Поэтому такие гидронимы, как *Кукса*, вряд ли можно отнести к славянским, ср. широко распространенные названия с интервокальным *-ks-* на Русском Севере — они большей частью объясняются из финно-угорских или дофинно-угорских языков, например: *Илекса, Чарокса, Векса* и др.

6. Характерные славянские морфологические, морфонологические и словообразовательные особенности: употребление названия в форме прилагательного (*Великая, Кунья, Робья*), *pluralia tantum*, оформление славянскими аффиксами (*-ск-*, ср. *Глебск, Бельск*; *-j-*, ср. *Уномерь, Радомля*; и др.), высокая степень морфологи-

ческой валентности основы и аффикса и т.п. Следует исключить отсюда случаи морфологической адаптации заимствованных основ. Например, следует отделить названия р. *Котчинка* Валд. и дер. *Котчино* от названий типа р. *Котча* Калуж. губ., оз. *Котчозеро, Котчезеро, Кочезеро* Олон. губ. М. Фасмер [Vasmer, 1934, 374—376] выводит все эти названия из **Kotka*, ср. фин. *Kotkajoki* = фин. *Kotka* 'орел' + *joki* 'река'. Однако формы *Котчино* и *Котчинка* могут быть славянскими, образованными от антропонимической основы; ср. древнерусское личное имя *Котча*, отчество *Котчев. Котчино* = *Хотчино*? Что же касается названий р. *Котча, Котчозеро*, то они могут быть родственны *Коткозеро* и другим гидронимам с основой *kotk-*. В данном случае разграничение идет по морфологическому критерию: оформленность русского названия притяжательным антропонимическим суффиксом *-ич-*.

Следует подчеркнуть, что вероятность отнесения этих названий к славянским намного увеличивается, если анализ проводится с учетом всех названных критериев.

В настоящем разделе будут подробно рассмотрены лишь некоторые словообразовательные модели восточнославянского происхождения, характерные для северо-западных земель. При этом рассматриваются славянские наименования преимущественно крупных рек и их наиболее крупных притоков, а также больших озер; названия, данные в древнерусскую эпоху восточнославянскими племенами — кривичами и словенами и, как правило, имеющие параллели во всей славянской языковой области, что во многих случаях удается доказать с помощью этимологии, ареальных сопоставлений и анализа словообразовательных моделей. Более поздние собственно русские гидронимы здесь не анализируются.

Ранние славянские названия на Северо-Западе предс-

тавлены несколькими топонимическими моделями, среди которых две наиболее показательны с точки зрения массовости названий и удобства их хронологизации: топонимы с эпентетическим *л* и с элементами *-гост-*/*-гощ-*. Оба указанных типа рассматривались прежде в работах П. Арумаа [Arumaa, 1956; 1960], Ю. Принца [Prinz, 1969], частично в работе: [Топоров, Трубаев, 1962]. Специально топонимам Северо-Запада с эпентетическим "л" посвящена наша совместная с археологом А.М. Микляевым статья [Агеева, Микляев, 1979], которая сделана на основе изучения материала подробных карт (старых и современных) и списков топонимов Псковской, Ленинградской, Новгородской, частично Тверской, Смоленской и Витебской областей. В списке топонимов на *-ля/-ль*, состоящем из 162 наименований, как отмечалось в этой работе, названия далеко не однородны в языковом отношении³.

Ойконимы и гидронимы рассматриваются здесь дифференцированно: значительная часть гидронимов на *-ля/-ль* происходит от ойконимов со старым притяжательным суф. *-ъ-*, поэтому анализ ойконимов здесь необходим. Среди всех топонимов на *-ля/-ль* явно выделяются названия деревень и городов на *-славль*: *Береславль*, *Богуславль*, *Браславль*, *Буславля*, *Долгославля*, *Домославля*, *Лихославль*, *Радсловля*, *Расловля* (Рославлево), *Чесловля*. Все они происходят от древнерусских или общеславянских двусловных имен. Здесь отчетливо выражен притяжательный характер старого йотового суффикса (ср. упоминающиеся в летописях названия древнерусских городов: *Богуславль*, *Мстиславль*, *Переяславль*, *Ярославль* и др. по Ипат. лет., *Браславль*, *Ижеславль*, *Ростиславль* и др. по I Новг. лет.).

³ Указание на различные типы названий на *-ля*, *-ль* содержится в книге: [Топоров, Трубаев, 1962, 101—104].

Наиболее велико число имен на *-мля*, *-мль* (*-омля*, *-емля*, *-имля*). Уже ранее исследователи отмечали трудность анализа подобных образований [Топоров, Трубаев 1962, 103; Prinz, 1969, 38]. Топонимы Северо-Запада, наверняка объясняемые из древнеславянских гипокористик на *-м-* (от двусловных имен на *-мир* и т.п.), буквально единичны, при этом часто существует возможность иного объяснения. Например, дер. и р. *Лютomla* Вологод. обл.: ср. имена рус. *Лют*, др.-польск. *Лютомир*, *Лютуй*, *Лютслав*, но есть реки *Люта* в Пск. обл., *Лютая* в Новг. обл., в Поднепровье *Лютенка*, *Лють*, *Лютуца* и др. Пожалуй, к типу отантропонимических образований от имен на *-м-* и другие губные согласные можно отнести с уверенностью только:

р. *Ведемль* Тверской обл. (также оз. *Видимля* и дер. *Видомлицы* Новг. обл. и т.п.); ср. еще р. *Видогоща* Новг. и в Польше несколько топонимов *Widoma* [Arumaa, 1956, 54]. От слав. *Widomir*, *Widimir*? ср. болг. краткое имя *Widima* [Prinz, 1969, 47]. Анализ основы *вид-* (**vidь*) см.: [Подольская, 1983, 132];

оз. *Городолюбля* Тверской обл. - в писцовых книгах оз. *Городолюбьское* [Новг. писц. кн. 1, 83]. От *Gorodolubъ*? ср. др.-рус. имена *Городша*, *Любь* [Skulina, 1974, 168, 191];

оз. *Радомля* Новг. обл. — Ф.Безлай объясняет из *Радомь* < *Радомирь* [Bezlej, 1961, D. 2, 137];

р. и дер. *Неговля* Пск. обл. — ср. дер. *Негомле* / *Негомье* Смол., оз. *Неговля* Бобр., реки *Неговка* (2), *Неговец* в Поднепровье [Топоров, Трубаев, 1962, 40, 48, 86]. От слав. **Negotir*? ср. др.-польск. имена *Niegan*, *Niego*, *Niegoślaw* [Taszycki, 1958, 112]. Названия сел в Белоруссии *Негино*, *Неговка*, *Неговля* объясняются В.А. Жучкевичем [1974, 253] иначе — от географического термина (не приводя самого термина), со значением

' южный склон, места, лучше обогреваемые солнцем', но форма типа *Негино* свидетельствует скорее об антропонимической основе;

дер. *Сбыневля* Тверской обл. — ср. древнепольские имена *Zbygniew, Sbinew*; в др.-рус. сохранилось только имя *Сбыслав*, имеющее ту же основу в первой части [Skulina, 1974, 214]; ср. также др.-польск. *Zbystaw, Zbylut, Zbywoj* [Taszycki, 1958, 134];

р. и дер. *Хотемля* (*Хотимля, Хотомля* и т.п., видимо и дер. *Кочемль* Тверской обл. < *Хочемль*). В названиях этого типа П. Арумаа предполагает связь со славянским именем, сопоставляя их с топонимами типа *Хотимир, Хотимирка* на Украине [Арумаа, 1956, 55—56]. От слав. **Hotimir*, **Hotimir*?; ср. слав. *Хотен, Хотим*, др.-рус. *Хот* [Skulina, 1974, 153], др.-польск. *Chocian, Chotan, Chociemir, Chotko* [Taszycki, 1958, 96]. Анализ основы см.: [Подольская, 1983, 149—150].

Все другие образования на *-ля*, как в группе с исходом *-мля*, так и в группах *-вля, -бля, -пля*, происходят либо от славянских апеллятивов, либо (для Северо-Запада более половины всех названий) — от субстратных основ. Примеры славянских отапеллятивных образований: *Бзыбля, Выровля, Головля, Ловля, Новля, Теревавля, Шумля, Утопля, Сукромля*; последнее название Ю. Принц неверно считает субстратным [см.: Prinz, 1969, 72], между тем — это типичное славянское образование с преф. *су-* [см. также: ЭСЛГ, 1985, 148], и большинство названий на *-лян-, -лев-*, вторичного, более позднего происхождения: *Боровлянка, Гривлянка, Островляны, Теребляны, Черемлево*.

Ряд названий на *-ль/-ля* содержит субстратные основы. В литературе были разработаны многие удачные этимологии; в частности, балтийскими считаются такие названия Северо-Запада, как *Горспле, Каспля, Лепль, Дупля, Половля, Понебля (Понебель), Цевля;*

финскими — *Итомля, Каркомля (Коркомля), Муромля*. Можно также предложить объяснения из балтийских языков следующих названий:

р., оз. *Оспля* Пск. обл. — ср. лит. *Ās-upis, As-upūs* от *asūs* 'хвощ' [Vanagas, 1970, 226—227];

оз. *Цеспля* Пск. обл. — ср. лтш. *Cesi* [Endzelīns, 1956, 1, 1, 164], лит. *Kēsė* [Vanagas, 1970, 216];

р. *Таробля* Пск. обл. — ср. в бас. Днепра *Тара* < балт. **tar-*, *Таруса* и т.д. [Топоров, Трубачев, 1962, 210]. Элемент *-б-* в трехсложных образованиях, как и *-п-*, может быть указанием на сложение с балт. *īpe* 'река', может также быть фонетическим вариантом *-м-* или *-в-*.

Более спорные случаи:

р. *Ретомля* Ленингр. обл. — ср. в бас. Днепра *Ретик, Ретка, Реть*, др.-прусс. *Reteunen, Rettauwen* и др. [Топоров, Трубачев, 1962, 205]. Ср. полесский географический апеллятив *реть* 'заболоченная низина' [Черепанова, 1984, 191].

дер. *Ситомля* Ленингр. обл. — ср. лит. *Sietuvà* от *sietuvà* 'глубокое место в реке' [Vanagas, 1970, 39], ср. также на Украине р. *Ситомля* или *Сетомля* (др.-рус. *Сѣтомль* — I новг. лет. под 1065 г.). Основу др.-рус. *Сѣтомль* некоторые исследования считают праславянской [Rospond, 1983, 127; ЭСЛГ, 1985, 155] — от **ǰēt-* 'плести, связывать', однако отмечается, что она не имеет соответствий в славянских МГТ; со словообразованием сравнивается укр. диал. *сырómл'а* 'мокрое место' и т.п.

оз. *Чисто-Болочемля* Новг. обл. — к второй части названия ср. в бас. Днепра две реки *Болоча*, из балт.; лит. *Valžia* [Топоров, Трубачев, 1962, 177; в то же время ср. рч. *Болочейка* Тихв. [СГМ] — слишком далеко на севере, но возможен перенос гидронима из более южных областей.

Финно-угорского происхождения могут быть *Рапля* (ср. фин. *para* 'грязь'), также *Игомль* (*Игомель*), *Пярдомля*, *Тулебля*, *Чучемля* и др.

Некоторые названия с равным основанием могут объясняться из разных языков. Например, дер. *Гостомля* Тверской обл., ср.р. *Гостомля* (*Гастомля*) в бас. Десны. Ср. др.-рус. имя *Гостомысл* (можно рассматривать *Гостом(ь)* как краткую форму этого имени); П. Арумаа сравнивает с *Гостомир* [Арумаа, 1956, 55]; корень *гост-* также часто употребляется в качестве основы наименования во многих славянских топонимах, ср. также оз. *Гостовец* Новг., пуст. *Гостовля*, бас. Плюссы, чеш. *Hostovlice* и др. Для верхнеднепровского гидронима *Гастомля* восстанавливается праформа **Gost-om-ja* [Топоров, Трубаев, 1962, 217]. Но корень *Gast-* (**Gost-*) часто употребляется и в балтийских названиях [Арумаа, 1960, 174], поэтому вопрос о происхождении основы в *Гостомля* допускает два решения.

Типичен также пример с гидронимом *Судомля*, ср.: 1) р. *Судимирка* в бас. Десны [Топоров, Трубаев, 1962, 37], имена *Судило*, *Судимир*, *Судислав*. О.А. Купчинский объясняет топонимы типа *Судомль* из реконструированных форм имен **Судомир* или **Судомил* [Купчинский, 1980, 56]; 2) реки *Судинка*, *Судка*, *Судость* — из балт. **Saudastis*/**Sudastis*, др.-прусс. *Sude*, *Sudowe* [там же, 210]; 3) р. *Судомя*, оз. *Судомец* Пск., р. *Суда* Волог. К. Буга [Būga, 1961, т. 3, 617] производит основу из финно-угорских языков, сравнивая с эст. *sust*, Gen. *sude-* 'волк'.

Название р. *Невля* (*Невель*) также весьма показательно. Эта основа широко распространена на Северо-Западе: р. *Невель* (*Невля*) Пск.; р. *Невля* Калуж.; оз. *Невлянское* Витеб.; г. *Невель* Пск., старая форма *Невль* [КБЧ, 154], *Невля* в местном произношении (город

известен с XVI в.); пуст. *Невль* В.п., д. *Невлино* Новг.; может быть, сюда же следует отнести деревни *Невелино* и *Невелиха* Пск. Следует обратить внимание на многочисленные русские названия типа *Велье*, *Вельица* и т.п. (из рус. уст. *велий* 'большой, великий'). *Невель* — славянское название с отрицанием *не-*? В.А. Жучкевич [1974, 253] указывает также на варианты *Невель*/*Небель* в Белоруссии (с. Пинского р-на), что дает автору основание для сближения этого названия с региональным полесским термином *небель* 'один из типов болота'. (Связь названий с *Невель* в Белоруссии и г. *Невель* в Пск. обл. пока неясна; с. *Невель* в древности называлось *Небль* — город и волость в Волынской земле [Нерознак, 1983, 118]; волость известна с 1158 г., город — с 1262 г.). Ср. лит. р. *Nevėlis* с суф. *-elis*. А. Вангаас сравнивает это название с оз. *Navà* [Vanagas, 1970, 121]. К. Буга сопоставляет *Невель* и *Невль* с оз. *Нево* от фин. *neva* 'болото' [Būga, 1961, т. 3, 887]. В Словении имеется название р. *Nevljica* < *Nevlja*. Ф. Безлай разбирает различные этимологии этого названия, считая его субстратным, и восстанавливает для него праформу **nēvia* [Bezljaj, 1961, D. 2, 52—53]. Сопоставление с русскими топонимами кажется автору маловероятным из-за удаленности территорий. Заметим, однако, что новгородско-словенская топонимическая изоглосса может свидетельствовать как раз о сохранении какой-то реликтовой славянской основы, хотя возможность общего (балтофрако-иллирийского?) субстрата не исключена вовсе.

Приведенные примеры демонстрируют невозможность однозначного отнесения многих основ, имеющих в исходе элемент *-л-*, к славянским. То же касается и вычленения самого словообразовательного форманта, который традиционно называется *l-epentheticum*.

Основная трудность заключается в том, чтобы среди топонимов на *-л-* выделить действительно восточно-

славянские, наиболее старые, образованные от личных имен с помощью суфф. *-jъ* со значением принадлежности; главным образом это названия древнерусских городов или других населенных мест. Основная же масса гидронимов, не имеющих при себе соответствующих ойконимов, требует иного объяснения элемента *-л-* в суффиксальной части. Как справедливо отмечалось в литературе, эпентетическое *л* рано потеряло свой фонетический характер; это явление в восточнославянских языках рано морфологизовалось и распространилось по аналогии [Rinz, 1969, 38—40]. В топонимии элемент *-л(я)*, *-л(ь)* превратился в цельный суффикс, оформляющий большое количество славянских и неславянских основ [Топоров, Трубачев, 1962, 103]. Также трудно проверить первичность или вторичность *-ля/-ль* в вариантных формах; ср. варианты типа *Шедом-ля/Шедом-ец* (*-ец* также старый славянский суффикс), *Сукрем-ля* (*Сукром-ля*)/*Сукром-на*, *Солодом-ля/Солодов-ля/Солодов-ня* и т.д. (как видим, здесь присутствует и фонетическое чередование в предыдущей части суффиксального расширения; эти примеры также многочисленны: *Радобль/Радомль*, *Иломля/Иловля*, *Гостомля/Гостовля*). И среди указанных образований есть более поздние, вторичные суффиксальные формы типа *Тухомлянка*, *Сукремелька*, *Гостомка* и т.п. Впрочем, названия на *-лян-* могут быть не всегда поздними. Вост.-слав. *-лян- < -jan-* отражает древний славянский суффикс, употреблявшийся для образования этнонимов и обозначения жителей населенных мест; ср. в I Новгородской летописи: *римляне* (жители Рима), *неревляне* (жители Неревского конца в Новгороде), *пидьбляне* (жители местности под Новгородом, где протекает ручей Пидьба). Эти формы нередко закреплялись за названиями самих населенных пунктов.

Исследователи уже обращали внимание на то, что

топонимы с эпентетическим *л* присутствуют и на некоторых собственно балтийских территориях, а именно в Латгалии: *Jaldzemļi*, *Rumpļi* и т.п. Сочетания *pl'*, *bl'* в латышском вместо *pj*, *bj* внутри слова одни ученые считают аргументом в пользу балто-славянского единства [Отрембский, 1954, 38], другие считают исконными латышские формы с *j* после губных согласных внутри слова, а формы с *-l-* — новообразованиями [Зинкявичюс, 1973, 93]. А.Б. Брейдак, прослеживая судьбу прабалтийских звукосочетаний *pj*, *bj*, *vj*, *mj* в верхнелатышском диалекте, отмечает, что фонетическая изоглосса *pl'*, *bl'* и т.п. объединяет только латышский и славянские языки, причем по этому признаку к славянским особенно близки верхнелатышские говоры (латгальский и селонский племенные языки). Эта изоглосса, по мнению автора, представляет собой древнее явление: она возникла после распада восточнобалтийского языкового единства, в последний период истории праславянского языка [Брейдак, 1977, 12—13]. Помимо эпентетического *l* в верхнелатышском диалекте отмечается эпентетическое *ɲ*, возникшее из *l* в результате диссимилиации (например, *slapja* 'мокрая' в латгальских говорах изменяется в *slapja*, *slapna* и т.п.). Карты, приведенные А.Б. Брейдаком, свидетельствуют о распространении диалектизмов с *l* в основном по границе с русской территорией.

Не исключено, что на восточнославянской территории, где обитали прежде балты, могут отыскаться следы и этого типа. Ср., например, латышское название *Durļi* и названия озера и двух деревень *Дупля* в Пск. и Тверской обл., а также р. *Дуполка* в Верхнем Поднепровье.

Есть еще одна возможность — отражение в названиях на *-ля*, *-ль* балтийского суфф. *-el-*. В литовской гидронимии, например, этот суффикс, а также вообще

суффиксы, содержащие *-l-*, чрезвычайно продуктивны; ср. *Vij-ðle, Vij-ðlka, Daub-ðle, Lab-ðlis, Zalv-ðlis, Nev-ðlis, Tem-elÿs, Smird-ðlius, Liep-ðlès, Verb-ÿlà* и др. [Vanagas, 1970]. Суф. *-el-* иногда выступает в неизменном виде *-ель-* в русских гидронимах балтийского происхождения: оз. *Темель* Пск., ср. р. *Temelÿs* в Литве; р. *Липпель* Пск., оз. *Лепель* Витеб. и, возможно, уже упоминавшийся *Невель*. Но суффикс этот может отражаться и в виде *-ля/-ль*: *Невль, Лепль* и др.; в Верхнем Поднепровье есть и другие примеры гидронимов с суф. *-ель*, который может быть связан с *-ля/-ль* [Топоров, Трубачев, 1962, 127].

Некоторые названия и их варианты демонстрируют балто-славянскую интерференцию, например, оз. *Береславле/Бряслово* Смол. [Prinz, 1969, 47]. Примечательно, что многие приводимые нами примеры водных названий Северо-Запада имеют почти полное соответствие в гидронимии бас. Днепра — как в славянской, так и в балтийской части.

Помимо балтийского субстрата, следует помнить о финских топонимах, для которых характерен исход *-la, -lã* в окончаниях местного падежа: в Карелии — *Калевала, Хюрсюля, Курмойла, Раймяля, Ляскеля, Ихала, Кюмпеля, Лоймола*, в русифицированной форме мн.ч. — *Реболы*, есть примеры на *-ель*: *Идель*. Однако большинство финских и карельских топонимов этого типа имеют столь характерный прибалтийско-финский звуковой облик и типичное окончание гласный + *-la, -lã* (причем эта топонимическая модель отсутствует в гидронимах), что, за исключением нескольких названий в Ленинградской и Псковской областях, вряд ли можно приписать многие названия с эпентетическим *л* на Северо-Западе финскому субстрату. Среди трехсложных образований на *-омля, -емля* финские заимствования более вероятны (ср.: *Муромля, Каркомля,*

Итомля, Пярдомля, Чучемля); в такого рода названиях элементы *-ом-, -ем-* могут быть отнесены к субстратной суффиксальной части, ср. многочисленные топонимы на *-ома, -ема* на Севере Европейской части России: *Мондома, Андома, Поньгома, Судома, Кочкома, Луднема, Пертома, Пертема, Кузема, Елема* и др.

В других случаях элементы *-ом-, -ем-, -им-* в топонимах Северо-Запада могут быть объяснены на балтийской почве (наличие в общепалтийском суф. *-amas, -umas*): р. *Рудомка* Могил. и Смол. — лит. р. **Raudama, Raudamita* [Būga, 1923, 36], р. *Улемль* Калуж. — лит. р. *Āulamas*, р. *Детомлянка/Дотомлянка* Минск. — лит. р. *Dóitamas* [Aguma, 1956, 55]. Кроме того, в суф. *-овля, -евля, -ивля* элементы *-ов-, -ев-, -ив-* также в ряде случаев имеют аналогии в балтийских топонимах, как показал П. Арумаа).

Между тем на славянской почве элементы *-ом-, -ем-, -им-*, кроме присутствующих в названиях от кратких форм славянских личных имен, не находят удовлетворительного объяснения (в названиях типа *Смердомка* и др.). Попытки исследователей объяснять все названия этого типа от личных имен нельзя признать удачными, так как в этом случае появляется слишком большое число реконструированных форм, не имеющих аналогий в реальном древнеславянском антропонимиконе (**Сѣтом, *Ретом, *Смердом* и др.).

Следует добавить, что чередование согласных *л* и *н* в суффиксах названий типа *Сукром-ля/Сукром-на, Солодом-ля/Солодов-ля/Солодов-ня*, о которых шла речь, помимо чисто фонетического объяснения (диссимиляция на стыке корня и суффикса) могут свидетельствовать об известной морфемной недифференцированности, напоминающей параллельные образования прилагательных в литовском языке типа *kibus—kibnus—kiblus* 'прилипчивый' [Балалыкина, 1976, 60]. Ср. также образования

на эпентетические /и и/ в верхнелатышском диалекте.

Наконец, нужно остановиться на самой сложной проблеме: время возникновения и продуктивности названий с *-л-* после губных на восточнославянской территории. Выяснение этого вопроса было бы важно и для соответствующих исторических выводов.

Эпентетическое *л* считается праславянским диалектным явлением (концепция Н.С. Трубецкого). Для общевосточнославянского языка сочетание *pl'*, *bl'* стали обязательны во всех положениях в слове. Это означает, между прочим, что топонимы на *-ль/-ля* после губных могли появляться на восточнославянской территории примерно с V—VI вв. н.э. К этому же периоду относится освоение Северо-Запада кривичами и словенцами и продолжение тесных контактов славян с балтами; последние как самостоятельная этническая группа сохранялись, например, в Верхнем Поднепровье вплоть до первых веков II тыс. н.э. [Топоров, Трубачев, 1962, 236]. Фонетические условия для возникновения эпентетического "л" в восточнославянском рано уничтожились, поэтому топонимы впоследствии образовывались уже по аналогии. Процесс морфологизации фонетического явления шел как в апеллятивах, так и в топонимах. В апеллятивах эпентетическое *л* рано стало непродуктивным (ср. очень небольшое количество слов в современном русском языке типа *земля, гребля, травля, ловля, купля* — в основном от глагольных основ). В топонимах же эпентетическое *л* стало продуктивным формантом: *-ль* для имен муж. рода, *ля* — для жен. рода. Как нам кажется, определенную роль в развитии продуктивности данной модели могло сыграть и освоение славянами большого количества балтийских названий. Раз возникнув, данная топонимическая модель могла сохраняться довольно долго в названиях даже после потери своей продуктивности (резко сократилось

число новых образований, но старые продолжали употребляться и дожили до наших дней).

Возникновение сочетаний типа *pl'*, *bl'* отразилось и на судьбе притяжательного суф. *-ъь*, употреблявшегося в частности в топонимах, в основном в ойконимах. Топонимические образования с суф. *-ъь*, выражавшим принадлежность и отношение (и не только с основами на губной), были продуктивны на всех славянских территориях.

По поводу хронологии продуктивности модели с *-ля/ль* в топонимии восточных славян существуют различные и противоречивые точки зрения. Так, В.В. Седов [1965, 5] датирует названия с эпентетическим *л* временем раньше IX—X вв. на основании, что в Волго-Окском междуречье, где славянизация началась в IX—X вв., гидронимы с *-л-* отсутствуют. Правда, вывод В.В. Седова в этом случае сделан на материале старых гидронимов без учета названий населенных мест. Кроме того, по другим данным [Смолицкая, 1974, 60] ранняя славянская гидронимия с эпентетическим *л* в бас. Оки все же имеется: она сосредоточена в основном в верховьях р. Оки, включая бас. р. Жиздры и р. Упы, есть также в среднем Поочье.

Что же касается восточнославянских ойконимов с *-ъь* > *-ль* после губных, то эта модель стала распространяться, видимо, только в феодальную эпоху: возникли названия городов и поселений от личных имен на *-слав, -мысл* и от кратких форм этих имен. Гидронимы сходного образования носят явно вторичный (по отношению к ойконимам) характер, их немного (еще более очевидно это на примере названий с суф. *-гост/-гощ-*). В XII в. йотовая модель в топонимии была еще продуктивна, с XIII в. она начинает постепенно угасать [Фролова, 1973, 270]. Ю. Принц также считает, что эта модель стала непродуктивна не позже

середины XIII в., когда исчезает притяжательный суф. -ъ и древнеславянские личные имена заменяются христианскими [Ргпз, 1969, 40]. Однако в указанных работах отмечаются и случаи более позднего образования топонимов с -ъ: *Яковля Курья*, XV в. [Фролова, 1973, 271] и др., хотя их уже можно считать пережитком; в целом следует считать, что ойконимическая модель с -j- перестала быть продуктивной к XIV в.

Итак, мы видим, что в восточнославянской топонимии существуют по крайней мере два различных вида названий на -ль/-ля после губных: ойконимы (и образованные от них гидронимы) с притяжательным -ъ, и гидронимы, образованные не от личных имен, причем в последней группе значительно число субстратных (балтийских и финских) названий; само суффиксальное оформление в них может быть результатом морфологической субституции — процесса выравнивания под славянский тип. Таким образом, модель -ль/-ля в восточнославянской топонимии имеет гетерогенный характер. Хронологические рамки употребления модели -ль/-ля достаточно широки и расплывчаты; вряд ли также можно по лингвистическим данным с точностью до века определить наибольший расцвет и полное исчезновение данной модели: здесь потребовалось бы привлечение письменных источников, самые древние из которых дают довольно скудный географический материал, более же подробные (писцовые книги) относятся уже к XVI в.

На данном уровне исследования не представляется возможным считать, что топонимическая модель с эпентетическим л позволяет с уверенностью судить о наличии именно восточнославянского населения. Во всяком случае следует дифференцированно подходить к названиям на -л- и обратить серьезное внимание на значительное количество среди них топонимов бал-

тийского происхождения. Между тем анализ названий этого типа важен для этноисторических выводов, он имеет значение для решения существенного вопроса: в какую эпоху происходило массовое освоение славянами территории Северо-Запада по данным топонимии; каков был иноязычный субстрат, отразившийся в топонимах, каким племенным группировкам славян принадлежали те или иные типы названий с -ль/-ля.

Именно поэтому лингвистические данные о топонимах с эпентетическим л были в свое время сопоставлены с материалами археологии Северо-Запада, причем особое внимание обращалось на ландшафтную приуроченность названий этого типа и погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. (длинные курганы и сопки) [Агеева, Микляев, 1979]. В частности, было высказано предположение, что необходим поиск некой третьей группы раннеславянских памятников, которой бы соответствовали этнически определяющие названия водных объектов и поселений, поскольку длинные курганы и сопки не вполне удовлетворяют этим условиям.

Позже А.М. Микляев продолжил исследования в этом же направлении, изучив топонимы с элементами -гост-/-гощ- на Северо-Западе России. Он отметил неравномерность распределения ойконимов и гидронимов этого типа по территории Северо-Запада. Так, в бассейнах рек Западная Двина и Мста имеется по восьми пунктов, на Мологе — девять, на Верхней Волге и на Шелони — по четыре, на реках Шексна, Пчевжа, Ловать и Полисть, близ Псковского оз. и на Ижорском плато — по два, на р. Ояти и в бас. Поломети — по одному. Автор отмечает: "Исключительно обильна пунктами местность к югу, а в особенности к юго-западу и западу от озера Ильмень. Здесь на побережье Ильменя и в истоках Луги, Плюсы и левых

притоков Шелони сосредоточено двадцать семь топонимов... Концентрация, не повторяющаяся нигде более во всей Европе!" [Микляев, 1984, 27]. Из 85 названий Северо-Запада на *-гост/-гощ-* (при общем количестве 175 в Восточной Европе) 19 полностью соответствуют славянским именам, известным по письменным источникам (ср. *Любегост* — *Любегощ*), у 25 названий совпадает с составными именами первая половина слова (*Мирогоща* — *Мирослав*), у четырех названий такое совпадение вероятно (*Коегоща* — *Кое*), остальные можно предположительно также считать славянскими.

А.М. Микляев предполагает, что в течение длительного времени в Восточную Европу проникали группы балтийских, южных и западных славян, для которых имена на *-гост* были наиболее характерны. В политической истории нашей страны пришельцы не играли заметной роли, поэтому их имена не попали в письменные источники, но зато сохранились в названиях основанных ими деревень, в названиях рек и озер, на берегах которых стояли эти деревни. Имена на *-гост* были достаточно распространенными и у восточных славян, но только на древнем этапе их истории и к началу государственности почти вышли из употребления. Тем самым объясняется следующее противоречие: большое количество топонимов, образованных от имен на *-гост*, при ничтожном количестве (5) персонажей с такими именами в истории восточных славян: в письменных памятниках известны лишь новгородец *Вои-гост* (1127 или 1115 г.), воевода червенский *Доброгость* (1205 г.), *Доброгость Галичанин* (1211 г.), воевода литовский *Доброгостий* (1399 г.) и *Доброгост Нарбутович* (1497 г.). А.М. Микляев отмечает, что топонимы на *-гост/-гощ-* распространены на Северо-Западе в тех местах, где нет плотного массива ни длинных курганов, ни сопок; при этом автор ссылается

на мнение некоторых исследователей [Лебедев, 1982] о том, что могильники с длинными курганами принадлежали не славянам, а местному населению. Движение славян с юга и юго-запада на север и северо-восток, как полагает А.М. Микляев, происходило следующими путями: из Среднего Подвинья и Верхнего Поднепровья на Волгу и Мсту, на Чагодошу, а оттуда в Поволховье и Западное Приильменье и Полужье, в обход территорий, занятых группами местного населения, оставившего погребальные памятники — сопки и длинные курганы. Тип хозяйственной деятельности — пашенное земледелие, — характерный для славян, определил сложение в Западном Приильменье ядра той славянской группы, которая позже была известна под именем словен.

Следует заметить, что исследование, проведенное А.М. Микляевым, без сомнения, вносит большой вклад в изучение топонимов на *-гост/-гощ-*, в особенности если учитывать оригинальную концепцию автора относительно путей восточнославянского расселения, сложившуюся на основе комплексных археолого-географических и топонимических наблюдений. Тем не менее приведенные в работе Микляева названия должны быть подвергнуты в будущем более строгому лингвистическому анализу. Нам представляется, что далеко не все топонимы с элементом *-гост/-гощ-* могут быть объяснены как происходящие из славянских личных имен. Многие из топонимов остаются этимологически неясными; часть из них, возможно, обязана своим происхождением субстратным — балтийским или финно-угорским — основам; ср. оз. *Керегощ* близ Селигера, рч. *Сорогощина*, пр. Мологи, и др.; на подобные названия указывал еще П. Арумаа [Арумаа, 1960]. В некоторых случаях даже предполагаемое отантропонимическое происхождение названия допускает толкование из разных языков.

Примером может послужить гидроним *Негоща* — р. в Новг. у., пр. пр. Вережи (вариант — *Ногоща*). Ср. оз. *Негосто* и дер. *Негостово* Белоз.; дер. *Негоща* Новг. Возможно, гидроним происходит от названия соответствующего нас. п. (из антропонима) с основой *негость*, рус. диал. 'свой, семьянин' [Даль, 1956, т. 2, 510]. Ср. также название литовской р. *Negāšcius* [Vanagas, 1970, 108]. Вариант *Ногоща*, а также название р. *Нугоща* Новг., л. пр. Веренды (*Негоща/Ногоща* и *Нугоща* — реки, расположенные в одном районе, близко друг от друга) заставляют думать и о возможности балтийской основы с преф. *нио-* (типа *Nio-gastis*); ср. и то, что говорилось о корне *Gast-/Gōst-*, характерном как для славянских, так и для балтийских топонимов.

В свою очередь Н.В. Подольская [Подольская, 1983, 139—141], проанализировавшая апеллятивы, антропонимы и топонимы на *-гост/-гощ-* (*Gostь/Gostьь*), пришла к выводу о том, что лишь в некоторых случаях можно считать, что топонимы муж. рода на *-гощь*, жен. рода на *-гоща* и *-гощь*, ср. рода на *-гоще* и *-гощо*, а также мн. числа *-гощи* являются производными от антропонимов на *-гость*, зафиксированных в памятниках, например: *Воугоща* от *Воугость*, *Радогоща* от *Радогость*. Собранный материал позволил автору заключить, что большая часть топонимов-композигов на *-гощ* возникла в топонимии самостоятельно, причем первоначально эти названия, вероятно, были связаны или с постоянными (засажими) дворами или с гостинными дворами, т.е. поселениями, где были торги или постоянные торговые ряды, т.е. *-гощ-* 'гостевой', 'гостинный'. Этим, на наш взгляд, могут объясняться и такие самостоятельные названия, как *Гоща*, *Гощь* в древнерусской топонимии, а также снимается противоречие

между единичными случаями имен на *-гост(ь)* в восточнославянском антропонимиконе и большим количеством топонимов на *-гощ-* на территории Восточной Европы. Гидронимы же на *-гост/-гощ-* в отличие от гидронимов с эпентетическим *л* следует считать в большинстве случаев производными от соответствующих названий населенных пунктов.

Описанная картина употребления моделей *l-epentheticism* и *-гост/-гощ-* в гидронимии Русского Северо-Запада, несмотря на гетерогенный характер первой модели и на вторичный характер второй модели, тем не менее позволяет судить о ранней славизации территории Северо-Запада, хотя диагностирующая сила этих моделей для четкого определения путей восточнославянского расселения не носит столь абсолютного характера, как это представлялось Ю. Принцу [Prinz, 1969].

Ранняя славизация территории находит косвенное подтверждение и в том факте, что нередко суффиксальные *йотовые* и *-гост-* элементы оформляют иноязычные по происхождению топоосновы (например, *Карегожа*; *Рапля* <*Рап-ja*). Это означает, вероятно, что в период ранней славянской колонизации данной зоны, когда еще были продуктивны старые общеславянские модели названий, славяне длительное время мирно сосуществовали с местным населением в условиях двуязычия.

Многие другие славянские названия крупных рек и озер также позволяют говорить о ранней славизации района. Это прежде всего относится к бассейнам Ловати, Великой, Шелони. Названия *Великая*, *Желча*, *Кунья*, *Мшага*, *Велье*, *Плюса*, *Пскова*, *Черма* (*Чермный ручей*) и оз. *Черемецкое*, *Редья*, *Робья*, *Снежа*, оз. *Бологое* и др. свидетельствуют о том, что области к югу и западу от Ильменя, а также район между Чудским оз. и средним течением Луги, часть бас. Великой были заселены славянами с глубокой древности. Были даже

предположения [Елисеев, 1881; Mikkoла, 1938, 10], что и *Шелонь*, и *Мста* (ср. *Мстонь*) могут быть гидронимами славянскими, и что неизвестно, было ли вообще финское население к югу от этих рек. Эта точка зрения, по нашим данным, неправомерна, но, действительно, в указанных областях количество финно-угорских названий резко уменьшается за счет большого скопления славянских названий.

В славянских гидронимах исследуемой территории отразились и некоторые особенности, которые сближают их с южнорусскими и западнорусскими говорами и с украинским языком. Частично уже известны лексические схождения между псковскими говорами (по историческим данным) и украинским языком [Денисенко, 1969], но проблема этих связей, очень сама по себе интересная, еще не нашла достаточной разработки.

Для примера укажем на название рч. *Лезна* Порх. (вариант *Лизна́*); ср. многочисленные названия типа *Лезова*, *Лезенка*, *Лезница* в Новг., Пск. областях и на Украине. На Украине название *Лезница* (польск. *Leżnica* и названия озер *Leżno*) имеют соответствие в укр. *Лозница*, *Лозная* = укр. *Лізна*. Относительно вокализма *o/e* существуют некоторые затруднения (ср. *лоза* и возможная связь этого слова с *лезть*). Тем не менее гидроним *Лезна* (*Лизна*) отчетливо связан с южнорусскими и, возможно, западнославянскими названиями. Г. Борек связывает названия *Лезно* с праслав. **lěz-* 'низкое место, заливаемое водой' [Борек, 1972, 99].

Мы упоминали о гидрониме *Писковно*, имеющем связи с украинским апеллятивом *піскова* и др. именами существительными. Можно указать и на отражение в данном случае гипотетической адъективной основы *песков-(ый)*, хотя в русском языке имеются лишь формы типа *песчаный*, *песочный*, но ср. также *песковатый* 'песчаный', 'рассыпчатый', *рыхлый*, *сыпу-*

чий' [Даль, 1956, т. 3, 103]. В гидронимии западнославянских областей также есть параллели; ср. польск. оз. *Piaskowe* и р. *Piaskowa* в бас. Одры [Hydronimia Odry, 1983] при апеллятивах польск. *piaskowy*, чешск. *plškový* 'песчаный', 'песочный'.

Последний пример иллюстрирует связи славянской гидронимии Русского Северо-Запада с гидронимией западнославянских территорий. Помимо того, существуют и параллели между гидронимией Северо-Запада и южнославянским ареалом, на что по разным поводам уже обращалось внимание в литературе. Так, в болгарской и словенской (Югославия) гидронимии мы нашли параллели к таким нашим названиям, как *Водота*, *Герлая*, *Дражина*, *Лебница*, *Неряза*, *Несловка*, *Песна*, *Сенчито*. Разумеется, некоторые из этих топонимических изоглосс могут быть объяснены за счет сохранения архаизмов в разных областях славянского языкового мира, но сам факт сохранения их в псковских и новгородских землях знаменателен: наряду с другими данными (оканье в части территории и пр.), он говорит о большой древности и сравнительной изолированности славянского населения этого района. Например, название р. *Песна* Валд., Крест. и оз. *Песно* Тор. сопоставляется с р. *Pesnica* в Словении — гидронимом, объясняемым из **Pěšnica* от корня **pěs-ькъ* [Дуриданов, 1963, 187]. Ср. лужицк. нарицат. *pěsnica* 'песчаная яма', Первоначальное праславянское слово **pěsъ* 'песок' исчезло, от него образовано прилагательное **pěsъlъ*; ср. рус. *сыпесь* 'песчаная почва, песочная глина' < **sq-pěsъ*.

Интересно также отметить аналогичные схождения между новгородской и южнославянской антропонимией [Михаиловит, 1968], которые, естественно, отражаются и в топонимии. Все эти факты заставляют взглянуть на многие неясные названия по-другому и не

объяснять их заимствованиями из языка-субстрата, когда есть параллели в топонимии других славянских территорий. Например, р. *Водоца* в Поднепровье считалась балтийским названием [Топоров, Трубачев, 1962, 180], но в Болгарии есть р. *Водоца* и р. *Водоцица*, что заставляет сомневаться в балтийской этимологии днепровского названия. Чем больше будет выявлено примеров подобных восточнославянско-южнославянских топонимических параллелей, тем надежнее будут выводы относительно характера древних славянских языковых связей.

Общеславянский характер употребления в гидронимии таких, например, лексем, как *сита*, *тереб-* и др. (исследованных в целом для славянского мира Г.П. Смолицкой), позволяет получить дополнительный материал о прародине славян, о направлениях миграции, о происхождении отдельных славянских племен. Так, гидронимы от глагола *теребить* 'расчищать землю, готовить под пашню' составляют общий ареал с соответствующей гидронимией на других славянских территориях: Верхнее Поднепровье, верхнее и среднее течение Вислы, Карпаты, Чехия и Словакия; северо-восточная граница этого ареала — восточные районы Рязанской, Московской и Владимирской областей до Ярославля, на севере — южные районы Вологодской обл. Это общеславянский ареал, показывающий направление миграционного славянского потока с юго-запада на северо-восток современного славянского мира. Что же касается гидронимов с основой *сита*, то их ареал находится на северо-востоке современной Славии: Нижнее Повисленье, Северо-Запад, Верхнее Поднепровье, левобережное Поочье. Наличие этого ареала открывает новые аспекты в решении вопроса о связи славянского населения Северо-Запада с "пра-лехитской" группой славян.

Следует также заметить, что гидронимические параллели с другими славянскими территориями наиболее убедительно свидетельствуют о ранней славизации Северо-Запада в тех случаях, когда в восточнославянских языках отсутствуют соответствующие апеллятивы — вопрос, который может быть исследован в будущем на основе фронтальных сопоставлений различных диалектных областей Славии.

Гидронимия балтийского и индоевропейского типов

Гидронимия балтийского происхождения уже частично рассматривалась нами ранее: в связи с варьированием основ, субстратными словообразовательными элементами, адаптацией субстратных названий. Отмечались балтийский компонент в этнической истории Северо-Запада, влияние балтийских языков на говоры Северо-Запада, наличие субстратной балтийской топонимии; разрабатывались критерии выделения субстратных гидронимов; приводились примеры конкретных этимологий названий, имеющих балтийскую основу и оформленных восточнославянскими или балтийскими суффиксальными элементами.

В настоящем разделе субстратные балтийские гидронимы Северо-Запада описываются более подробно и систематично; ставится ряд проблем, в том числе проблемы межрегиональных связей этой гидронимии и ее статуса по отношению к гидронимии индоевропейского типа, следы которой отмечаются на значительной части территории Восточной Европы.

Отдельные гидронимы балтийского происхождения на территории Русского Северо-Запада отмечались уже ранее в трудах некоторых исследователей, в основном М. Фасмера и К. Буги. Так, к балтийскому

источнику возводились названия рек *Волкота, Рудома, Торопа, Цна*, озер *Допшо, Журедайно, Морожки, Окча, Отолово, Половы* — все эти гидронимы территориально относятся к западной части нынешней Тверской обл.; спорадически отмечались некоторые балтизмы в топонимии Псковщины (*Сороть* и др.). Складывалось впечатление, что севернее определенной линии балтийские названия единичны. "Что же касается северной границы балтийской топонимики, то, по сути дела, ее определение не составляет проблему, поскольку очевидно, что балтийские племена никогда не находились севернее тех мест, где они живут теперь" [Топоров, 1959, 57; той же точки зрения придерживался и М. Фасмер]. В.В. Седов, отмечая следы балтийского субстрата в материальной культуре населения, оставившего погребальные памятники, исключает возможность балтийской языковой атрибуции этого населения на основании гидронимических данных. В работе "Новгородские сопки" [Седов, 1970, 33] указывается, что новгородские сопки не могут принадлежать балтам, так как сопки находятся целиком вне балтийского гидронимического ареала.

Тем не менее, по нашим данным, балтийская гидронимия на Северо-Западе довольно многочисленна. В одних лишь Псковских землях и на территории двух южных новгородских пятин — Шелонской и Деревской — гидронимы балтийского типа составляют не менее 5% и во всяком случае не уступают по количеству финно-угорским названиям. Разумеется, по территории всего Северо-Запада балтийские названия распределены довольно неравномерно.

Следы балтов чувствуются сильнее в южной части исследуемой территории, где балты жили непрерывно в течение ряда столетий, и в более размытом виде они присутствуют в р-не Ильменя и в бас. Полы. Осо-

бенно густо балтийские названия покрывают бас. Великой, среднего и верхнего течения Ловати. Не так много их в правобережье Шелони, в бас. Чудского оз. и совсем нет в левобережье Мсты. К северу от Ильменя количество балтийских названий резко уменьшается, хотя отдельные из них заходят в нынешнюю Ленинградскую обл. Ср., например, оз. *Бebro* в бас. р. Оредежи, или р. *Тосна*, пр. Невы. Представление о невозможности появления балтийских названий в северных областях старых новгородских земель иногда удерживало исследователей от поисков балтийских этимологий для некоторых гидронимов. Так, П. Арумаа [Арумаа, 1956], отмечая редкость гласной *e* в древнерусских словах *бeбр*, *бoбр*, *бeбpяный* ("Слово о полку Игореве") и характерность названий типа *Бобруйка* в отличие от лит. *Vėbrujis*, *Бeбpя* и т.д., в то же время затрудняется объяснить как балтийское название оз. *Бebro*. Между тем помещение северной границы балтийской гидронимии на южном побережье Финского залива никак не противоречило бы данным этнической истории Северо-Запада Европейской части России. Балтийский компонент играл существенную роль в этнической истории Северо-Запада Европейской части России. В особенности в середине и конце II тыс. до н.э. культура балтов распространялась на значительные пространства к Северу, включая южное побережье Финляндии и доходя до Ладожского оз. Впоследствии, несмотря на некоторое сужение этой территории, балты все же занимали южную часть исследуемой нами области, и только славянская колонизация привела к изменению этнической карты этого района. Поэтому нам представляется, что, хотя примеры предполагаемых балтийских названий в Ленинградской обл. пока единичны, сама по себе постановка вопроса о балтийских следах на данной территории вполне правомерна.

Приведем ряд гидронимов Северо-Запада, которые могут быть объяснены на почве балтийских языков:

рч. *Вержа* Нрж., Пск. Ср. р. *Вержа* 1) Опоч., 2) Смолен. губ., 3) *М. Вержа*, *Вержица* Смолен. губ.; р. *Вержица* Нрж.; р. *Вержейка* Орлов. губ.; р. *Вережка* Дубков.; оз. *Навержье* и рч. *Навержья* Остр.; оз. *Вережуни* Тор.; р. *Вережунка* Тор.; ср. также реки *Veržas*, *Vėrža*, *Vėržė* в Литве; А. Ванагас [Vanagas, 1981, 375] объясняет эти гидронимы из лит. *vėržiis* 'хлестать' или *verž-ti* 'сжимать, жать, давить'. В.Н. Топоров и О.Н. Трубочев [1962, 179] связывают, вслед за К. Бугой и М. Фасмером, с лит. *Viržuva*, *Paviržupe* от лит. *viržes* 'вереск';

рч. *Весеча* Тор. Варианты: *Висечá* [КПОС], *Весечь* [Vasmer, WRG]. Ср. лит. р. *Visinčią*, которую А. Ванагас [Vanagas, 1981, 388] связывает с р. *Vystūtis* от *vūstyti* 'вить, крутить';

р. *Волкота* Тор., пр. Зап. Двины. Варианты: *Волката*, *Валкота*, *Велькота*. Ср. оз. *Волкота* (*Волкото*) Холм.; р. *Волкотица* Костром. губ.; р. *Волкотка* Владимир., Твер. губ. [Vasmer, WRG]. Ср. оз. *Vilkaitis* в Литве, в Латвии *Vilkaces pļava*. М. Фасмер и К. Буга сравнивают с лит. *vilkūtis* от *vīlka* 'волк', лит. *vilkātas*, лтш. *vilkacis* фольклор. 'оборотень' [Vasmer, 1932, 1, 660; Buga, 1961, t. 3, 532; см. также: [Vanagas, 1981, 384]. С вариантом *Велькота* ср. оз. *Велькота* = *Волкота* Пск. губ., р. *Велькотка* и дер. *Велькота* Ямбург. (по-водски *vālcūttā*; видимо, передача русского названия, а не наоборот). Основа встречается в антропонимии: блр. *Вількота* [Бірыла, 1969, ч. 2, 87], польск. *Wilkota* [Taszycki, 1958, 129];

р. *Вяда* Остр. Вариант: *Вада*. Ср. р. *Вяда*, пр. Суры Пензен. губ. М. Фасмер возводит к **Vēd-*, вслед за К. Бугой, и сопоставляет с балтийскими именами звуковой формы **Vind-* [Vasmer, 1933, 32];

рч. *Вятица* Влкл. Ср. оз. *Вятица* Влкл.; р. *Вята* (польск. *Wiata*) Вилен. губ. (дер. *Вята*), р. *Вятова* Смолен. губ.; р. *Вятына* в бас. Днепра [Кат. Р. Укр.]. К. Буга этимологизирует название р. *Вята* < **Vēta* = балт. *Vėntā*. Лит. *Vėntā* и лтш. *Veīta* пришли из языка куршей [Būga, 1923, 41]. Основа объясняется из корня *ven-* с расширителем *-t-*, т.е. **ven(t)* 'сгибать, гнуть' [Vanagas, 1981, 372]. Не исключено объяснение названия из славянских языков, праслав. *vet-* < не. **vent-* 'мокрый, влажный', ср. этимологию этнонима *вятичи* [Роспонд, 1972, 40; см. также: Никонов, 1966, 79 (Вента)].

оз. *Говье* Холм. Вариант: *Наговье*. Ср.р. *Говья* в Ливонской земле [ДДГ № 104] — русская передача лтш. *Gaija*, лит. *Gaujā* < **Gavi*, **Gavjās* 'коровья река' [Būga, 1961, t. 3, 852];

оз. *Дегжа* Нрж. Ср. дер. *Дегжа*. Ср.р. *Degužravis* в Литве [Vanagas 1981, 83]. М. Фасмер связывает название с лит. *gegužė*, лтш. *dzeguze* 'кукушка' [Vasmer, 1933, 34]. А. Ванагас отмечает, что это слово известно только в юго-восточной Литве;

оз. *Допшо* Тор. Вариант; *Допши* [Шкапский, 1912]. Ср. дер. *Допша* Тор.; р. *Допша*, п.п. Кунии, вариант *Добизня* [Шанько, 1929]. Последний вариант позволяет привлечь название реки в Минск. и Могилев. губ. — *Добысна* (*Добосна*, *Добасна*, *Добошина*, *Дубосна*, *Дубосня*, *Дубосьня*, *Дубысна*) [Vasmer, WRG]. Название имеет балтийскую этимологию. По-видимому, *Допша* < **Dūbūsa* и имеет связь с лит. *dubūs* 'глубокий' [Vasmer, 1933, 37];

оз. *Дубелье* Крест. Ср.р. и оз. *Dubėle*, оз. *Dubėlis* в Литве [Vanagas, 1963, 33], оз. *Dubelis* в Латвии [Endzelīns, 1956, I, 1, 232]. Ср. лит. *dubė* 'яма, впадина', лит. *duobelynas* 'место, где много ям', См. также *Допшо*;

оз. *Жадро* Опоч. Вариант: *Жадрецо* [Сб. МАМЮ, У, 366]. Ср. оз. *Жадро*, р. *Жадрянка*, р. *Жадринская*, р. *Жадрица* Витеб. губ.; рч. *Жадринка* 1) Нрж., 2) Смолен. губ.; оз. *Жедрицкое* Порх.; дер. *Жадро* Опоч.; дер. *Жадрицы Нижние* Нрж. М. Фасмер убедительно сравнивает с лит. *giēdras* 'ясный', рус. *жадр-* < балт. диал. **gēdr-* [Vasmer, 1933, 32]. Ср. оз. *Giedrūs*, р. *Giedrė* в Литве [Vanagas, 1963, 47], нас.п. **Ceder* < *Dzedra* в Западной Померании, курш. *dziārlis*, лит. *giēdras* [Schall, 1966, 451];

оз. *Журедайно* Тор. Вариант: *Журидобино* [Шкапский, 1912]. Оба варианта довольно неясны. М. Фасмер связывает первую часть названия *Журедайно* с лтш. *žura*, *žure* 'грязная вода'; *žurēt* 'течь' [Vasmer, 1933, 32]. Вторую часть он затрудняется объяснить. Здесь можно было бы указать на основу, встречающуюся в лит. оз. *Dainūs*, оз. *Dainavà*, р. *Dainupis* и др. [Vanagas, 1981, 79], а также в латышских топонимах *Daina*, *Dainis*, *Dainīca*, прусских гидронимах *Dejna*, *Deine Fluss*, *Dena*, *Denow*. К. Буга связывает основу с лтш. *deju*, *diēt* 'прыгать, танцевать' [Būga, 1961, т. 3, 143]. Вариант *Журидобино* неясен, кроме того, что он оформлен русским притяжательным суффиксом, частым в топонимии отантропонимического образования. Видимо, *Журидобино* — искаженная форма;

оз. *Залвинское* Тор. Название единично, и рядом нет схожих названий нас. п. Сопоставляется с р. *Зельва*, пр. Немана, в Белоруссии, название которой, по К. Буге, происходит из ятвяжского [Būga 1961, т. 3, 134, 278]. Ср. в Латгалии оз. *Золва*, дер. *Зельвы*, в Литве р. *Želva*, оз. *Zėlva*, оз. *Zalvas*, р. *Žalvė* и др. [Vanagas, 1981, 392 и сл.]. Ср. лит. *žalšvas* 'зеленоватый' // *želvūs* 'зелень, молодое дерево' // *žalias* 'зеленый'. Чередование *z/ž* отражает разницу между ятвяжскими и литовскими названиями. Таким образом,

Залвинское отражает форму, близкую к ятвяжской. Другая возможность — сопоставление с блр. МГТ *зэ-вань* 'место, где в реку впадает другая речка или ручей' [Яшкін, 1971, 72];

оз. *Ильжонское* Луж. Варианты: *Ильжо*, *Илжо* [Андрияшев, V]. Ср.р. *Ильжа* Витеб. губ.; р. *Илжа* в бас. Вислы [Погодин, 1901, 95], дер. *Ильжо* Луж. А.Л. Погодин сравнивает с оз. *Ильги*, р. *Ильга* и р. *Ильганка* в Литве от лит. *ilgas* 'длинный, долгий'. Но форма *Ильжо* скорее напоминает название оз. *Īldzis* в Латвии (соответствует лит. *Ilgio ežeras* [Endzeļins, 1956, I, 1, 358];

рч. *Клевичанка* Дем., пр. Явони. Вариант: *Клевицанка*. Ср. пог. и с. *Клевичи* Дем. Ср. *Клевица* 1) Минск. губ., 2) = *Клева* Вилен. губ., современное лит. *klėvas* 'клен' [Būga, 1923, 27];

оз. *Лаббе* Пск. Название встретилось в Атл. Рос. III. Ср. рч. *Лабенка* Пск.; р. *Лабенка* Гроднен. губ.; р. *Лабница* (= Лавница?) и оз. *Лабно* (бас. Зап. Двины); дер. *Лабенка* (Граница) Пск., также р. *Лабичь* в Верхнем Поднепровье и прус. оз. *Labelles*, лит. р. *Labà*. Из аппелятивной основы лит. *labas*, прус. *labs* 'хороший'. Название, возможно, не обязательно балтийского происхождения, а другого индоевропейского, так как имеет параллели в западнославянской и иллирийской области [Būga, 1924; Krahe, 1956, 246];

рч. *Ласамница* Влкл., Нрж. Ср. похожее название в бас. Верхнего Днепра; *Лосменка* [Топоров, Трубачев, 1962, 194], где последнее сравнивается с лит. р. *Laštiuo*. Ср. также прус. оз. *Lasameth* и лит. аппелятив *laštiuo*, лтш. *lasmenis* 'попынья, незамерзающее быстрое течение реки с родниковым дном' и др. значения;

р. *Луда* Пск., пр. Кудеби. Варианты: *Лидва*, *Лидовка*. Ср. р. *Луда* 1) Вилен. губ. (и гор. *Луда* в Белоруссии), 2) Арханг. губ. Ср.р. *Luduvà* в Литве, лтш.

Līdas kalns. Название *Луда* в Арханг. губ., по-видимому, другого происхождения (ср.р., и оз. *Лидь*, и р. *Лидьма* Тихв. у). О различных возможных этимологиях литовских и латышских топонимов с этой основой см.: [Vanagas, 1981, 188-189];

р. *Лиминь* Луж. Варианты: *Лимень*, *Лемань*. Ср. оз. *Лимно* (*Лименец*) Пск., оз. *Лимандро* и р. *Лимандровка* Бор. Название имеет балтийские параллели: прус. оз. *Lymaio*, *Lima*, *Lymange*; *Lima* + суф. -āj- и -ang-, ср. лит. оз. *Lim-īnas*. Апеллятив для болотистой местности: греч. *λειμών*, *λίμνη*, лат. *līmus* [Gerullis, 1922, 88]. Ср. лит. *liminas* 'пруд';

оз. *Липшо* Тор. Вариант: *Липшово*. Ср. лтш. р. *Lipša*, оз. *Lipšys* в Литве и р. *Липша* (нас. п. *Липши*) Казан. губ., несколько неожиданное соответствие в Казан. губ.; финно-угорская основа вряд ли возможна (хотя фонетически ср. водск. *Ropši* = рус. *Ропша*). Литовские и латышские гидронимы с этой основой предположительно связываются с лит. *lip-ti* 'липнуть, прилипать' [Vanagas, 1981, 193];

рч. *Майленка* Пск., Холм. Ср. рч. *Майлюне* — *Майлюке* и рч. *Майля* Витеб. губ. Балтийское название? Значение основы, возможно, объясняется из лит. *mālius* 'рыбная молодь, мальки'. Ср. также лтш. р. *Māil-ure*, лит. р. *Māilinė* [Vanagas, 1981, 201];

рч. *Мереть* Влкл. Вариант: *Мерета* Ср. оз. *Merđitis* в Литве, р. *Merà*, а также р. *Marà* и лтш. *Maras-ure* и др., которые сопоставляются с лит. *mārės*, *mārios* 'море', лтш. *mare* 'болото' от и.-е. **mor-* 'стоячая вода' [Vanagas, 1981, 204];

оз. *Морожи* Тор. Вариант: *Курбатовское*. Ср.р. *Морожа* (польск. *Moroza*) Минск. губ. Многие связывают с лит. *margas* 'блестящий, пестрый' и с оз. *Мороги* в Белоруссии, ср. оз. *Mārgis* в Литве, др.-прус. *Margis* [Топоров, Трубачев, 1962, 196]. Но ср. также

словенский гидроним *Marožica* [Bezljaj, 1961, D. 2, 12]; рч. *Насва*, пр. Удраи. Варианты: *Удрай-Насва*, *Начва*, польск. *Naczwa* [Vasmer, WRG]. Ср. дер. *Насва* [там же]. Этимология неясна. Полное соответствие лит. р. *Nasvė*, р. *Nasvaitis* [Vanagas 1963, 107]. Другая часть названия объясняется из балт., ср. лит. *udrà* 'выдра', возможны более широкие индоевропейские параллели. На о-ве Сааремаа в Эстонии есть дер. *Насва*, однако неясно отношение этого названия к нашему;

руч. *Неденка* Крест., пр. Маяты. Вариант: *Недейка* [Шанько, 1929]. Ср.р. *Недна* 1) Орлов. губ.; 2) Смолен. губ. О балтийском происхождении этой основы см.: [Топоров, Трубачев, 1962, 198]. Из балт. **Ned-* (лит. *Ned-ingis*): **Nad-*;

оз. *Нерето* Тор. Вариант.: *Веребье*. Ср.р. *Нерета* (*Нарата*, *Наратка*, *Наротка*, *Нарет*) Витеб. губ., р. *Неретва* Волын. губ.; р. *Неретка* (лит. *Neretà*) и нас. п. *Нерета* Каунас. губ. Балтийская основа *нер-/нар-*, часто встречающаяся в гидронимах. Ср. лит. р. *Neretà*, *Nērotas*, в Латвии *Neretà* (вост.-лтш. *Narata*) от корня, связанного с лит. *nėrti* 'нырять' и т.п. [Vanagas, 1981, 228];

р. *Нотика* Ямск., л.пр. Луги. Название на карте Шелонской пятины [Андрияшев, VII]. Ср. дер. *Нотеля* Ямск., а также в Литве реки *Notà*, *Nõtè*, *Notijà*, лтш. *Nātiņi*, др.-прус. *Notangia*, *Notike*, *Notis* и др. С указанными названиями также сопоставляют *Начь*, *Начва* в Верхнем Поднепровье [Топоров, Трубачев, 1962, 197] и *Нетынка* — в Подмосковье [Топоров, 1972, 244]. Вероятно, к балт. **Nat-/Net-* неясной этимологии. А. Ванагас сопоставляет со словами, имеющими значение 'плыть, течь' в различных индоевропейских языках [Vanagas, 1981, 231—232];

р. *Обнова* Луж., л.пр. Луги. Вариант: *Овнова* [Андрияшев II.]. Видимо, можно сравнить с лит. р. *Ąpnuva*,

лтш. оз. *Auni-ēzērs* и др. от лтш. *auns* 'баран' [Vanagas, 1981, 53].

оз. *Озарон* Тор. Ср. бол. в Пруссии *Azara* < прус. *assaran* 'озеро' [Gerullis, 1922, 239];

рч. *Осмони́ха* Остр., бас. р. Великой. Ср.р. *Осмьянка* 1) Вилен. губ.; 2) Каунас. губ. (лит. *Aštonų upėlis*); 3) р. *Осмось* Курск., Орлов. губ. Название балтийского происхождения (с русским словообразовательным суффиксом). Гидроним *Осмось* считается иранским [Топоров, Трубачев, 1962, 222], но равным образом можно связывать его с балтийскими основами, ср. лит. *ašmiõ*, лтш. *astens* 'острие', авест. *astan* 'камень' и др. [Fraenkel, 1955, Bd. 1, 19]. Возможно, с в *Осмони́ха* — западнобалтийское отражение лит. *š*;

оз. *Пей́нус* = Чудское Ёдов. Варианты: Чудское, *Би́цус* и *Пелас* (у латышей XVI в.), *Пей́фюс* (у немцев XVI в.), *Peipus* (*Peipsi järv* у эстонцев). Название не имеет убедительной этимологии [см.: Päll, 1969, 1, 178]. Очень мало вероятна связь с фин. *peippo* 'зяблик' (J. Mägiste). К. Буга отмечает в Литве название леса *Peipas*, *Peipene* [Būga, 1961, t. 3, 615] и соотносит с зст. *Peipus*. Водь на Сойкинском п-ве называет Копенское оз. *Peipijä järvi* [Ariste, 1967, 81], ижорцы *Peipian-järvi*. Там же дер. *Пей́ния*. П. Аристе отмечает нефинно-угорский характер названия оз. *Пей́нус* и относит его к субстратным гидронимам, принадлежащим неизвестному индоевропейскому языку [Ariste, 1971, 256]. Следует обратить внимание на прус. оз. *Peuratz* [Gerullis, 1922, 118], название которого Г. Геруллис сопоставляет с лтш. *piēpe* 'плесень', лит. *pēpis* (< **piepis*) 'плесень на жидкостях' + суф. балт. *-āi-*. Возможно, косвенным подтверждением связи названия *Пей́нус* с этим корнем является то совпадение, что вариант лтш. *Pelas* (искаженный в немецкой передаче?) совпадает в первой своей части с корнем лтш. *pelējums*

'плесень', *pelēi* 'плесневеть', лит. *pėlejas*, *pelėstai* 'плесень', *pelėti* 'плесневеть'. Семантически, однако, не очень понятно, почему название Чудское оз. (*Пей́нус*) может быть связано с понятием 'плесень', которое скорее приложимо к маленьким заросшим лесным озерам. Тем не менее в родственных индоевропейских словах, как и в балтийских, отмечается значение 'серый, пепельный, пелесый, бледно-синий и т.п. цвет' [Фасмер, 1971, т. 3, 229], которое могло послужить базой номинации для Чудского озера;

оз. *Пено* Осташк. Ср. др.-прус. *Pene/Penen*, *Penithen* в Западной Померании, р. *Peene* (*Penis*, *Paris*, *Pene*, *Pena*). Соответствия в латышской и литовской топонимии [Schall, 1966, 452];

рч. *Рудома* Тор. Ср. р. *Рудомья* и р. *Рудомка* Могилев. губ.; р. *Рудоманка* Смолен. губ. Ср. с. *Рудомка* Могилев. губ. По К. Буге, *Рудома* = лит. **Raudama* [Būga, 1923, 36]. Ср. также блр. антроп. **Рудом(а)* [Бірыла, 1969, ч. 2, 354] < *Радом*;

рч. *Сверетица* Влкл. Название может быть сопоставлено с прус. оз. *Sweroth*. Г. Геруллис связывает *Sweroth* с лит. р. *Žvērė* < лит. *žveris*, лтш. *zvērs* 'дикий зверь' (прус. собир. *swirins* Akk.pl. 'звери') + суф. *-di-* или *-it-* [Gerullis, 1922, 179];

оз. *Серемо* Валд., Осташк. Варианты: *Серема* [Новг. писц.кн., I, 623], *Серемно*. Ср. р. *Серемуха* Валд., Осташк. (соединяет оба оз. *Серемо*); пслк. *Серемо* Валд., плес *Сеременск* у оз. *Селигер*. Название сопоставляется с лит. р. *Sėrmas*, р. *Sėrma* из **serm-*. О.Н. Трубачев [Трубачев, 1968, 193] отмечает связанное с этим корнем название *Церем/Саремский*. Ср. р. *Sermentza* (Верхняя Италия), р. *Sermanna* (Южная Франция), местность *Срем* в Придунайской обл. (иллирийское) от и.-е. **sermo-* 'река, течение' [Krahe, 1955];

рч. *Сертика* Холм., пр. Куньи. Вариант: *Сертик*.

Ср. р. *Сертейка*, *Сертея* Витеб., Смолен. губ. От балтийского корня **Sart-/Sert-*. Ср. лит. оз. *Sartaĩ*, реки *Saĩtė*, *Sartalė*, *Sartikė*, *Sertupis*, лтш. *Sārt-upe*, *Sārte* и др. Различные этимологии см.: [Vanagas, 1981, 292];

оз. *Слено* Тор. Вариант.: *Ильинское-Слено*. Название отражает балтийский апеллятив *slėnis*, *slėnys* 'долина, овражек, ручей, образовавшийся после дождя, водомоина'. Ср. р. *Slėnė* [Vanagas, 1963, 151]. Возможна также связь с названием *Шлина* (см.), прус. *Slinia*, *Slenye* (ср. лит. *šlyna* 'глинозем');

оз. *Сокоето* Влкл. Видимо, название можно сравнить с оз. *Sakuĩtis* в Литве от лит. *sakaĩ*, *sākas* 'живица, смола', [Vanagas, 1981, 287], *sakuĩotas* 'измазанный в смоле', *sakuĩoti* 'смолить';

р. *Сороть* Нрж., Опоч. Вариант: *Сорать* [Рос. Атл. V]. Так же, как и *Сертука* (см.), сопоставляется с лит. оз. *Sartaĩ* и р. *Siesartis* < **Sart-* [Vasmer, 1933, 31];

оз. *Стабно* Холм. Ср. р. *Стабна* (*Стабенка*) Смол. губ.; р. *Стабница* (*Стобница*) Минск. губ.; р. *Стобенка* Дем.; дер. *Б. Стобня* Холм. Из балт. **Stab-*, прус. руч. *Stobelake*, оз. *Stoben* и др. от др.-прус. *stabis* 'камень' [Топоров, Трубачев, 1962, 209], лит. *stābas*, лтш. *stabs*. Г. Борек [1972, 100] восстанавливает праслав. **stob-* 'болотные воды'.

рч. *Стергут* Осташк. Вариант: *Стергута* [Новг. писц.кн II, 701]. Ср. оз. *Стергут* Осташк., близ оз. *Стерж*. Объяснение М. Фасмером названия из славянского слова со значением 'стеречь, сторож' неудовлетворительно фонетически и семантически. Название напоминает прус. оз. *Sterge*, *Strege* неизвестной этимологии [Gerullis, 1922, 173] + балт. суф. *-ut-*;

оз. *Стерж* Осташк. Варианты: *Стержь* Д.п., *Стреж* (современная карта). Ср. пог. *Стерж* Осташк.; волость *Стерж*, дер. *Стержа* Д.п. [Новг. писц.кн., I, 753]. Ранняя форма названия, безусловно, *Стерж(ь)*, поэто-

му форму *Стреж* следует считать поздней, результатом метатезы. По этой причине нельзя сравнить с МГТ *стреж*, *стрежень*, а сравнение с этимологически родственным ему *стержень*, хотя и возможно семантически (ср. словен. *stržen* м. 'сердцевина дерева, стержень гнойника, стрежень течения' [Фасмер, 1971, т. 3, 757], но отпадает ввиду очевидности связи с другими топонимическими реалиями. Нужно сопоставить название оз. *Стерж* с названием рч. *Стергут* и оз. *Стергута*, которые связаны с оз. *Стерж* одной системой. Сопоставляется с прус. *Sterge*, *Strege*;

оз. *Темель* Остр. Название в [Рос. Атл. V]. Ср. р. *Temelỹs* в Литве. От лит. *tėmti* 'темнеть, смеркаться, вечереть', *ap-tėmėlis* 'затуманенный' [Vanagas, 1981, 343];

р. *Удрая* Влкл., л.пр. *Ловати*. Вариант: *Удрай-Насва*. Ср. рч. *Удрайка* Влкл., рч. *Удрайка* (*Удрайна*) Луж., Новг.; оз. *Удран* Влкл.; р. *Удра* (*Ūdr-upis*) в Литве; дер. *Удриха* Опоч.; дер. *Удраи* большие Луж.; с. *Удрино* Новг.; дер. *Удрицы* Дем.; дер. *Удрыни* Бор.; пуст. *Удрая* В.п.; дер. *Удрыни* (*Удрина*) Луж. Так же, как и р. *Уда* (Нрж.), относится к индоевропейской основе со значением 'вода' — и.-е. *udor* или *udos* 'вода', лит. *udrà* 'выдра'. Видимо, здесь — балтийская форма. К. Буга и М. Фасмер сравнивают с лит. р. *Audrà* и производят от балт. **Audrāja* [Vasmer, 1933, 31];

оз. *Цевло* Холм. Вариант: *Цегло* [Рос. Атл. У]. Ср. рч. *Цевля* Холм.; пог. *Цевло* Холм. А.Л. Погодин [1901, 94] сравнивает с лит. оз. *Кевле* Вилен. (:лит. *kiaulė* 'свинья'), современное оз. *Kiaulėžeris*. Иначе К. Буга [Būga, 1961, т. 3, 888]: фин. **Kaivila* : *kaivaa* 'рыть, копать', *kaivo* 'колодец', *kaivos* 'рудник', в Латвии р. *Kaive*;

р. *Шлина* Валд., Вышневол., пр. Тверцы. Ср. оз. *Шлино* (*Шлинское*) Валд.; оз. *Шлинец* и р. *Шлинка*

бас. Мсты, руч. Шлинуп (*Šlynupūs*) в Жемайтии, р. *Šlyna*, р. *Slina* в Польше. Из балтийского апеллятива *šlyna* 'глинозем' [Vanagas, 1981, 334]. Название сопоставляется также с прус. *Slinia*, *Slenye* и оз. Слено Гор.

Указанные примеры позволяют интерпретировать гидронимы с лингвистической точки зрения. Так, можно отметить, что словообразовательные балтийские форманты вычлняются далеко не во всех названиях балтийского происхождения. Следы балтийских словообразовательных формантов можно видеть, например, в гидронимах *Алтун* (-*un*), *Алоля* (-*olē*), *Выдуга* (-*uga*, -*ega* и др.), *Рудома* (-*amas*), *Волкота* (-*aitis*), *Ловать* (-*aitis*), *Мереть* (-*ēt*), *Нерето* (-*ēt*-), *Стергута* (-*ut*-), *Темель* (-*elys*).

С точки зрения фонетики в гидронимах балтийского происхождения интересно отметить следующие особенности:

1) балтийские заднеязычные палатализуются в славянском и некоторых, по-видимому, более старых заимствованиях (*Жадро* — *Giedrys*, *Цевло* — *Kiauležeris*);

2) литовское *š* закономерно передается в рус. с: *Ласамница* (ср. *Лосменка*) — *Lašmiu*, *Осмониха* (ср. *Осмонь*) — *Ašmonų upelis*;

3) русское *з* иногда появляется на месте ожидаемого *ж*: *Залвинское* (ср. оз. *Золва*, р. *Зельва*) вместо формы, подобной *Želva* в Латгалии, что свидетельствует о западнобалтийском происхождении этих названий;

4) в вокализме наблюдается: соответствие рус. *о* = балт. *a* (*Озарон* — *Azara*, др.-прус. *assaran* 'озеро'), рус. *у* = балт. *au* (*Рудома* — **Raudama*), рус. *е* = лит. *a* (*Сертика* — *Sartė*), отражение восточнославянского полногласия (*Серемо* — *Sėrmas*, *Сороть* — *Sartė*), чередование гласного в корне слова (*Нарова* / *Нерова*).

Наши исследования дают не так много оснований для того, чтобы провести четкую дифференциацию

балтийских гидронимов по диалектам. Здесь у нас возникают те же трудности, какие встречались при анализе гидронимии Верхнего Поднепровья: "Не всегда можно дифференцировать в диалектном отношении балтийскую гидронимию Верхнего Поднепровья. Это объясняется тем, что: 1) балтийские названия усваивались славянами в то время, когда некоторые диалектные отличия балтийских языков не успели сложиться, 2) в ряде случаев различные балтийские диалектные варианты могли отражаться на славянской почве, 3) существуют некоторые восточнославянские диалектные явления, формально аналогичные соответствующим балтийским, что приводит к трудностям при разграничении" [Топоров, Трубачев, 1962, 238].

Тем не менее можно отметить в балтийской гидронимии исследуемого района черты как западнобалтийские, так и восточнобалтийские. В таких названиях, как *Торопа*, отразилась форма прус. *ape* [Топоров, 1959, 60]. В то же время форма *Залвинское* сопоставляется с названиями р. *Зельва* в Белоруссии, оз. *Золва* в Латгалии (лит. р. *Želva*) западнобалтийского, ятвяжского происхождения. Сходство многих наших названий с гидронимией Верхнего Поднепровья, одинаковое фонетическое отражение балтийских исходных форм заставляет предполагать в ряде случаев общность балтийского гидронимического субстрата для той и другой территории.

Что касается времени заимствования балтийских названий славянами, то, исходя из языковых данных, можно допустить заимствование части названий еще до прихода славян в Озерный край, а затем — начиная с V в. на исследуемой территории. Некоторые названия отражают известные в славянских языках фонетические процессы: общеславянскую первую палатализацию заднеязычных (предположительно заверши-

лась к III—V вв.) и общевосточнославянское первое полногласие (между VII и XI вв.), что позволяет до известной степени датировать возникновение отдельных заимствований.

Гидронимия балтийского типа на Северо-Западе, достаточно многочисленная (в приведенном списке содержится менее 1/3 всех названий, которые могут быть объяснены на почве балтийских языков) позволяет поставить целый ряд проблем; часть из них уже рассматривалась в работе: [Агеева, 1981]. Широкие межрегиональные сопоставления балтийской гидронимии дают возможность выявить число схождений между гидронимией различных восточнославянских областей, уточнить многие этимологии, доказать существование общего балтийского субстрата, а в ряде случаев выявить и более древний пласт названий, относящихся к эпохе индоевропейской общности.

Балтийский языковой и этнический субстрат до сих пор констатировался для Верхнего и частично Среднего Поднепровья и Волго-Окского междуречья (см. работы П.Н. Третьякова, В.В. Седова, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева и др.). Отмечались и отдельные следы балтийского этнического субстрата для новгородских и псковских земель, характерные для славянизирующихся балтов, при этом памятники балтов и славян существенно отличаются [Седов, 1961; 1970]. Балтийский этнический и языковой элемент на территории восточнославянских земель мыслится именно как субстратный в большинстве работ, посвященных балтославянскому этноязыковому взаимодействию, а балты и славяне — как достаточно различные этнические общности. Особенно четко этот взгляд прослеживается в трудах археологов. Так, П.Н. Третьяков [1966, 110] критиковал концепцию лингвистов (В. Георгиев, Т. Лер-Сплавиньски) относительно племен шнуровой

керамики — носителей балтославянского языкового единства, указывая, что с точки зрения археологии племена шнуровой керамики представляли собой обширную родственную группу, но в период после своего расселения эта группа уже была не аморфна, а состояла из вполне определившихся предков этнических групп — славян, германцев и балтов.

Славяне, как полагает В.В. Седов [1970; 1981], — более поздние пришельцы в днепровско-двинскую зону (откуда они затем распространялись на север и на восток), которые какое-то время, начиная с VI в., жили на одной территории с балтами и полностью ассимилировали их к первым векам II тыс. н.э.

Что же касается балтийского гидронимического субстрата на территории Северо-Запада, то до сих пор не совсем ясна его этиология: оставило ли его местное балтийское население, жившее там до прихода славян, либо же гидронимия была перенесена на Северо-Запад предками словен и кривичей из областей их первоначального расселения, в которых они уже усвоили балтийскую гидронимию. Мы придерживаемся той точки зрения, что балтийские названия Северо-Запада в своем подавляющем большинстве — местный гидронимический субстрат, но вполне отдаем себе отчет в том, что данная точка зрения пока не находит достаточного подкрепления в работах археологов.

Гидронимия восточнославянских областей содержит не только собственно балтийский, но и хронологически более древний индоевропейский слой, который со временем принял балтийскую "окраску" [Седов, 1974]. Ряд гидронимических изоглосс, связывающих Восточную и Западную Европу, указывают на общность этого древнего слоя, который в трудах лингвистов (Х. Краз, В. Шмид и др.) именуется "древнеевропейской" гидронимией. Статус этой гидронимии опреде-

лялся по-разному. В частности, В. Шмид, исходя из своей общей концепции балтийских языков как центрального звена в модели взаимоотношений индоевропейских языков, полагает, что балтийская гидронимия существенно совпадает с "древнеевропейской" [Schmid, 1976]. Эта точка зрения В. Шмида критикуется О.Н. Трубачевым, который постулирует наддиалектный статус древнеевропейской гидронимии [Трубачев, 1982]. Балтийский ареал, по мнению О.Н. Трубачева, не центр древнеевропейской гидронимии, а фиксированная вспышка в зоне экспансии балтов на восток, куда они распространялись, перенося унаследованную ими древнеевропейскую гидронимию. Кстати, и сам В. Шмид в одной из своих работ [Schmid, 1968, 15] подчеркивает существенное сходство всех индоевропейских гидронимов, что доказывает наддиалектный характер древнеевропейской гидронимии.

Это положение вполне справедливо и хорошо подтверждается нашими материалами при сопоставлении с гидронимией других восточнославянских территорий. На широком сопоставительном фоне можно с большей точностью атрибутировать балтийскую или индоевропейскую принадлежность названий восточнославянских территорий и стратифицировать их. На широком фоне, кроме того, гораздо лучше становятся видны недостатки отдельных этимологий, если они разработаны на узкорегionalном материале. Так, название *Асмонь*, *Осмонь* (бас. Сейма) считается иранским, по названию камня, авест. *asman* [Топоров, Трубачев, 1962, 222]. Но подобные названия есть и значительно севернее, ср. р. *Осмониха* Остр., бас. Великой, не говоря уже о собственно балтийских названиях: р. *Ошмянка* (*Ошмянка*), лит. *Ašmonų upėlis*, *Ašmenà* и т.д. Возможно, здесь могут быть два решения для южного гидронима *Осмонь*, поскольку балтийские лексемы лит. *aš-*

miù, лтш. *asmens* 'острие' этимологически родственны иран. *asman*, семантически возможны оба исходных апеллятива в гидронимах. Правда, вариант *Каменная Осмонька* значительно укрепляет именно иранскую этимологию названия *Осмонь* в бас. Сейма, а географически р-н Курской и Орловской областей представляет собой зону, где происходило контактирование балтов и иранцев. То же относится в еще большей степени к гидронимам типа *Уда*, *Удай*, *Удава* и т.д. Названия рек *Уда/Удай* в бас. Сулы, *Удава*, *Удав* в бас. Псла считаются иранскими [Трубачев, 1968, 267], но ср. р. *Уда* Нрж., оз. *Удое* (там же), р. *Удка* Калуж. губ., и т.д., в Поочье *Уд*, *Уда*, *Удва* (*Удев*), *Удка* и др. В. Шмид возводит подобные названия к индоевропейскому гидронимическому слою, реконструируя их как **Oud(h)ā* : **Oud(h)āvā* [Schmid, 1969, 132—136]. Таким образом, у нас нет оснований, строго говоря, относить более южные *Уда*, *Удай*, *Удава* к иранскому слою, а совершенно одинаковые по форме названия в Псковской обл., в Поочье — к балтизмам, поскольку межрегиональное сопоставление выявляет более древние формы. Вполне возможно, что на юге это название оставили иранцы, а на севере — балты, но у нас нет никаких формальных оснований утверждать это с определенностью. Ср. в связи с этим следующее высказывание: "Если классическая реконструкция поражает принципиальной схожестью результатов, то современная реконструкция характеризуется неединственностью решений. Объяснение неединственности решений при прочих равных условиях различием глубины возникновения, вскрытием диалектных систем в рамках праязыковой области, субстратно-адстратных отношений позволит мотивировать целесообразность тех или иных реконструкций" [Журавлев, Нерознак, 1978, 10].

К названиям Северо-Запада, имеющим широкие ин-

доевропейские параллели [см: Krahe, 1954; 1955], можно отнести, например, такие гидронимы: оз. *Алё* Холм., Вклл. и р. *Алоля* Нрж., пр. Великой; р. (Зап.) Двина; р. *Камби* Пск., пр. Псковского оз.; р. *Ока* Тор., п.пр. Куньи; рч. *Олица* Нрж., пр. Льсты; р. *Пола* Дем., Ст.-рус., Холм., п.пр. Ловати; р. *Полометь* Дем., п.пр. Полю; р. *Сулица* Пск., бас. Великой; рч. *Уда* Нрж., п.пр. Сороти. Интересны в этом плане крайний северо-западный регион изучаемого нами района — восточное побережье Чудского оз., а также соседняя Эстония. Топонимические работы П.А. Аристе [Ariste, 1962] фиксируют целый ряд названий в Эстонии, которые считаются автором не финно-угорскими, а субстратными дофинно-угорскими, например название Чудского озера — *Peipus*, *Peipsi järv*. Существование дофинно-угорских названий на территории Эстонии кажется П.А. Аристе возможным, хотя эстонские археологи констатируют преобладание прибалтийско-финского населения в этом районе в течение 5 тыс. лет. Мы уже отмечали параллели для названия *Пейнус* в балтийской (древнепрусской) языковой области. Равным образом, название р. *Нарва*, несмотря на известную финно-угорскую этимологию М. Фасмера, сравнившего гидроним с вепс. *narvaine* 'порог' и финскими топонимами *Narvanjärvi* и др. [Vasmer, 1934, 387], вероятно, можно было бы сопоставить с балтийскими гидронимами от ностратического корня **Nar-*/**Ner-*. Об этом заставляют думать русские варианты этого названия в летописях и писцовых книгах: *Нарова*, *Норова*, *Нерова*, а также средневековые латинские формы — *Narvia*, *Narva* и *Nervia*, позволяющие предположить характерное индоевропейское чередование гласных в корне слова [см.: Агеева, 1980, 150]. Названия *Пейнус*, *Нарва*, таким образом, сопоставляются с гидронимами балтийского типа, которые имеют индоевропейские со-

ответствия. Они могут быть не субстратными, а суперстратными индоевропейскими, но, возможно также, являются субстратными, оставленными языком того неолитического населения Прибалтики, на основе которого сформировались, с одной стороны, балты, с другой — прибалтийские финны. В небольшом районе восточного Причудья и восточного побережья Псковского оз. сосредоточены также другие названия, имеющие широкие индоевропейские параллели (р. *Велькота* и р. *Таробля* — с балтийской суффиксацией, *Камби*, *Лиминь*, *Лита*, р. *Янь* и оз. *Яня*), а также балтийские параллели — р. *Нотика*, р. *Обнова* (более старый вариант *Овнова*, ср. лит. р. *Аупива*), г. *Гдов* и р. *Гдовка*. Кроме того, в этом районе трудно бывает дифференцировать балтийские и славянские названия. Это относится, например, к названиям рек *Плюса*, *Желча*. Район восточного Причудья интересен и в историческом плане, так как он рано был освоен кривичами. Дальнейшие поиски балтийских и индоевропейских элементов в этих местах вполне правомерны — исторические судьбы кривичей были тесно связаны с балтами, что фиксирует и археология.

Рассмотрим более подробно несколько примеров гидронимии индоевропейского типа на территории Северо-Запада.

Район Южного Приильменья отличается обилием балтийских названий крупных рек: *Верготь*, *Явонь*, *Ловать*, *Цевло*, *Русса* и др. Среди этих названий выделяются сходные гидронимы *Пола*, *Полисть*, *Полометь*. Названию р. *Пола* есть соответствия в балтийских землях; ср. р. *Palà* в Литве. К. Буга [Būga 1961, t. 3, 619] сравнивает с финно-угорскими названиями, кроме того, *Полисть* считается им финно-угорским гидронимом из-за суф. *-сть* (что совершенно неверно; в эту группу у него попало много типично

славянских названий, например *Черность*, *Снагость*). М. Фасмер [Фасмер, 1971, т. 3, 306, 310] производит названия *Полá*, *Полíсть* из славянских языков; ср. рус. *пóлый*, *половóдь*. Но, учитывая окружающие названия и тесно связанный с *Полой* ее п. пр. *Полометь*, а также находящийся в непосредственной близости от *Полы* л. пр. Ловати *Полисть*, необходимо, вслед за Х. Краз [Krahe, 1954, 49], возвести все эти названия к и.-е. **pal-* 'болото, топь, трясина' (этот корень достаточно часто встречается в индоевропейской гидронимии; ср. р. *La Palancia* < *Palantia* (Испания); Х. Краз сюда же относит балт. *Palona*, рус. *Полонка*, пр. пр. Шелони). Теперь обратим внимание на название р. *Полометь*, п. пр. *Полы*. В.Н. Топоров [Топоров, 1972, 219] находит параллель этому названию в лтш. *Palmitā*, а названию *Пола* — лит. *Palà*, р. *Поля*, п. пр. Клязьмы (есть и другие названия этого типа в Рязанской, Владимирской, Минской областях). Фонетически сопоставление *Поломети* с *Palmitā* можно принять, но как объяснить с точки зрения словообразования явную связь названий *Полометь* и *Пола*? Тем более, что у гидронима *Полометь* есть другие варианты (по писцовым книгам, спискам населенных мест, атласам): *Поломет*, *Поломедь*, *Польмять* (*Поламеть*), *Поломять*, *Поломода*. Представляют интерес варианты с *д* вместо *т*, а также разнобой гласных, указывающий на открытый характер *e* (хотя разнобой гласных может быть и следствием вторичной, народной этимологии). Не является ли *Полометь*, или *Поломода*, *Поломедь* сложением из двух корней? Вторую часть можно было бы объяснить из и.-е. слова, означающего середину, ср. алб. *tjet*, греч. *μετά*, иллир. гидронимы *Met-ara*, *Met-aurus*, *Medma*, *Meduacus*, *Medina* [Krahe, 1955, 94]. Между прочим, *Полометь* впадает в *Полу* как раз в ее среднем течении.

Другая возможность объяснения — балтийский корень **med-*, название леса, прус. *median*, лит. *mėdis*, ятв. *Mėtā* [см.: Nalera, 1966, 288; Топоров, 1972, 243], этот корень часто встречается в балтийской гидронимии.

Приведем еще пример. Во всех восточнославянских регионах балтийской топонимии встречается гидронимическая основа *Сав-/Сов-*. Можно не причислять сюда гидронимов типа *Совья*, *Савиха*, возможно, *Совка* — они скорее всего поздние и могут быть связаны с названием птицы. В Поочье встречается также пример — р. *Савель* и р. *Сава* (*Сява*) [Смолицкая, 1976]. С этими названиями можно сравнить в Литве реки *Savistas*, *Savinga*, *Savėnė*, *Savėlis* (с последним ср. *Савель* в Поочье). А.П. Ванагас производит название *Savėlis* от апеллятива лит. *savėlis* 'сонный, придурковатый' [Vanagas, 1970, 130], но скорее всего это название можно поставить в упомянутый ряд. Ср. также лтш. р. *Savīte* и оз. *Saviena*, прус. *Sowo-spanien*, *Sowetin*, *Sowicz*, верхнеднепровская р. *Сава*, бас. Березины (см. параллели в работе: [Топоров, 1972, 249]), но сама подмосковная *Савиха* вряд ли относится к этому ряду. Иллирийские параллели: *Savos* и др. Название европейской *Савы* можно возвести к и.-е. **sōu-ā*, **seu* 'сок, влага, струиться' и т.д. [Bezlej, 1961, D. 2, 173]. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: 1) прусская и восточнославянская формы совпадают в отношении вокализма — *o* (правда, есть прусское *Sawinde* — с *a*), в то время как в восточнобалтийском и иллирийском закономерно *a*, 2) в указанных индоевропейских корнях аблаут, но достоверных форм топонимов с **seu* не обнаружено (в отличие, например, от **Ner-/Nar-*, **Sert-/Sart-*, которые представлены обеими формами в топонимии. Кстати, вопрос возникает относительно условий вариантности *e/o* в

топонимах. Неизвестно, можно ли считать это явление в топонимии аблаутом, однако подобная вариантность в топонимах, несомненно, зафиксирована, в частности в балтийских и славянских областях).

Отметим, что корень **seu* присутствует как параллель к корню **sd̥i* в гидронимии одного и того же района — в Остр. у. Пск. губ. Здесь зарегистрированы названия оз. *Сово* (и р. *Совка*) и оз. *Сево* или *Севское*, *Сево-Виц* (и р. *Севка* в соседнем Нрж. у.). Обращает на себя внимание тот факт, что оз. *Сево* в источниках пишется через *В* (ср. *Сява* как вариант *Савы* в Поочье). Поиски финно-угорских параллелей к названию *Сово* показывают, что действительно, в Арханг. губ. есть р. *Сово*, р. *Сава-йоки*, *Сова-йеки*, оз. *Соваярви*. Эти формы могли случайно или не случайно совпасть с исследуемыми. Но в Арханг. обл. нет варианта с *Сев-*, что показательно. В Вят. же губ. находим одну р. *Сова*, а другую р. *Сова* с вариантом *Сева*. Здесь уместно заметить, что вариантность *Сова/Сева* в Вят. и Пск. губ. представляет собой, хотя и весьма далекую территориально, но гипотетически возможную параллель. Известно, что отдельные балтийские названия фиксировались не только в Верхнем, но и в Среднем Поволжье. Не исключено, что если не балтийский, то прабалтийский или индоевропейский горизонт можно увидеть в названиях притока Волги — Камы, притока Камы — Вятки и еще некоторых названий в Вят. губ.; помимо указанной р. *Сова/Сева*, назовем р. *Межа*, пр. Унжи; р. *Летка*, пр. Вятки; р. *Кобра*, пр. Вятки; р. *Волмасна (Вольма)*, а также р. *Немда*, пр. Волги. Археологическое обоснование появления в Прикамье наиболее древних индоевропейских гидронимических параллелей ко многим названиям более западных областей указывает на культуру фатьяновцев (прабалтов) [см.: Крайнов, 1977, 16—21].

Финно-угорская гидронимия

Вопросы гидронимии финно-угорского происхождения Северо-Запада уже частично затрагивались при рассмотрении словообразовательных структур, влияния субстрата на северо-западные русские говоры. Данные этнической истории Северо-Запада подтверждают, что различные финно-угорские племена занимали в прошлом значительную часть исследуемой территории, оставив большой пласт гидронимии, усвоенной и адаптированной славянами; кроме того, отмечается влияние прибалтийско-финского языкового субстрата на северо-западные русские говоры.

Изучение данных археологии, антропологии и этнографии, а также современных говоров Русского Северо-Запада уже ранее позволило предполагать, что на исследуемой территории до прихода восточных славян жило население финно-угорского (главным образом прибалтийско-финского) этноса. О финно-угорском происхождении дославянского населения Северо-Запада свидетельствуют, в частности, находки сетчатой или текстильной керамики в поселениях раннего железного века. Для середины I тыс. н.э. можно отметить наличие каменных могильников эсто-ливского типа в бас. Ловати и Шелони и в др. местах [см.: Седов, 1970, табл. XVIII].

Финно-угорская топонимия северных областей изучаемого нами района гораздо лучше известна исследователям, поскольку финно-угорское население имеется в этих районах и в настоящее время. В Ленинградской, Вологодской областях, в Печорском р-не Пск. обл. существуют поселения финнов, вепсов, карел, ижоры, води, эстонцев-сету; в Тверской обл. также есть деревни карел, переселенных туда с XVII в. после Столбовского мирного договора со Швецией.

Микротопонимия поселений прибалтийских финнов дает богатый материал для изучения финно-угорской топонимии Северо-Запада. Однако она функционирует параллельно с названиями, данными русским населением и, как правило, известна лишь на ограниченной территории. Названия более крупных объектов, происходящие из финно-угорских языков, относятся к древней эпохе, подвергались искажениям и обычно бывают непонятны для самих носителей прибалтийско-финских языков и диалектов.

В южных районах исследуемой нами территории, за исключением поздних переселенцев из Эстонии и Карелии, финно-угорское население было рано славянизировано, это относится к Псковским землям, а также к новгородским пятинам — Шелонской, Деревской и Бежецкой. К XVI в. отдельные финно-угорские племена жили в виде небольших этнических групп лишь по окраинам этих земель, в основном на рубежах Водской и Обонежской пятин и в областях, смежных с Эстонией.

Ранняя колонизация славянами изучаемой территории затрудняет этнолингвистическую интерпретацию субстратных гидронимов. Финно-угорские названия предстают перед нами в адаптированной форме, причем адаптация происходит главным образом на ранних этапах заимствования, и поэтому названия, имеющие субстратную форму, требуют реконструкции и сопоставления с финно-угорской гидронимией других территорий, к сожалению, без прямой опоры на живую речь носителей современных финно-угорских языков.

Мы сосредоточим внимание в основном на субстратных финно-угорских названиях этих более южных областей. О наличии финно-угорского пласта в топонимии Псковской и Новгородской областей свидетельствовали фрагментарные заметки к этимологиям то-

понимов, встречающиеся в трудах лингвистов (например, М. Фасмер). Однако количество, географическое распределение и диалектная дифференциация субстратной топонимии финно-угорского происхождения в указанной области оставались неясными. Кроме того, на археологической карте Северо-Запада имеются существенные пробелы, особенно для периода первой половины I тыс. н.э., что затрудняет более точную локализацию древних этнических групп дославянского населения — носителей прибалтийско-финских языков.

Фронтальное исследование гидронимии Псковских земель и двух южных новгородских пятин позволило выделить сравнительно большое число названий финно-угорского происхождения — более 5% от общего числа гидронимов. Финно-угорские водные названия рассеяны по всей территории; их заметно мало в бас. левых притоков Ловати и в правобережье Шелони, где преобладают славянские названия даже для больших рек.

Приведем ряд гидронимов, которые могут быть объяснены на почве финно-угорских языков:

рч. *Вайминка* Пск., бас. р. Великой. Ср. дер. *Ваймицы* Пск. Название имеет довольно четкие параллели среди прибалт.-фин. гидронимов.: р. *Ваймуга* Арханг. губ.; р. *Ваймога/Воймига* Владимир. губ.; оз. *Ваймозеро/Воймозеро* Арханг. губ. и, видимо, р. *Войма* Костром. губ. [Vasmer, WRG]. Исследователи расходятся во мнениях относительно семантики основ этих названий [см.: Серебренников, 1961, 61—62; Матвеев, 1964, 67 (о названиях *Вайманга*, *Войманга* и т.п.)]. Название нас. п. в Эстонии **Vaimastvere* объясняется также двойко: **Võima-la* или **Vaima-la* из фин. *voima*, эст. *võit* 'сила, мощь' или фин. *vaimo* 'женщина' [см.: Pall, 1969, 264]. Не учитывались еще лив. *vaim* 'острый', *vaim* 'дух'. Возможно, что наличие параллельных вариантов *Ваймога/Воймига* и *Ваймозеро/Воймозеро* говорит

о возникновении *о* на русской почве. Во всяком случае, прибалт.-фин. происхождение этой основы несомненно;

оз. *Валдай* Валд. Вариант: оз. *Волдайское* [Новг. писц.кн. I, 364]. Ср. р. *Валдайка* 1) Валд., 2) Костром. губ.; оз. *Валдос* Тихв.; оз. и дер. *Валдиевское* Каргоп.; р. *Валдина* Уст.; оз. и дер. *Варьевалдо* В.п.; *Валдайские горы*, гор. *Валдай* (дер. *Волдая*) и т.д. Основа встречается в антропонимии, например в Заонежье — *Волдута*, *Валдит* (XII в.), в Карелии — *Вальдолей* или *Вальдей* (XVI в.), эст. *Valde*, фин. *Valta*. Большинство исследователей считают топооснову прибалтийско-финской: *Валдай* < **valtoj* (**valdoi*) [Kalima, 1944, 110]; *Волдаж* — образование на -*уž-* финского происхождения [Büga, 1961, t. 3, 619]. Ср. фин. *valta* 'власть, право', эст. *vald* 'волость'. Однако следует учесть возможность происхождения названия *Валдай* из основы со значением 'белый', 'свет', ср. лив. *vālda* 'белый', мокшан. *vālda* и эрзян. *валдо* 'свет, светлый'. Таким образом, не следует упускать из виду возможную связь названия с волжско-финскими языками;

оз. *Вано* Остр. Ср. рч. *Вана* Уст.; оз. *Ван* 1) = *Венозеро* / *Вонозеро* Лодейнопол., 2) оз. *Вытегор.*; оз. *Ванозеро* Пудож. [Vasmer, WRG]; эст. оз. *Vanajärv*, р. *Vanjõgi* (*Во*). Объясняется из прибалт.-фин. языков двойко: ср. эст. *vana*, фин. *vanha* 'старый', а также *vāna* 'попынька', олон., вытегорск., заимствовано из карельского, финского *vana* 'то же' [Фасмер, 1964, т. 1, 271];

р. *Веньги* Тор. Ср. оз. *Венги* Олон. губ., оз. *Венгозеро* Арханг. губ. Скорее всего, название связано по корню с рус. диалектным *веньгать*, *вяньгать* новг., перм., вят., валд. — 'хныкать, плакать, плаксиво жалобиться, мямлить' [Даль, 1956, т. 1, 178], а также с существительным *веньга* в разных значениях. *Веньгать* — заимствование из фин. *vinkea*, карельск. *vingua* или фин. *vinkey* 'плакать'. Трудно решить, пришел ли

гидроним *Веньги* непосредственно из прибалтийско-финских языков, или обязан своим происхождением русскому заимствованному апеллятиву. Следует учесть также топоним *Венгелишки* в Белоруссии литовского происхождения;

р. *Веренда* Новг., пр. Ильменя. Варианты: *Веронда* (Карта Новг. обл.), *Верянда*. Ср. р. *Веранда* и оз. *Верандозеро* (вепс. *Веранд'ярвь*) в бас. Свири. Последние два названия С.В. Кисловской [1968, 17] объясняет из вепс. *веранд* 'пожога', 'выжженное место'. Спорная этимология. В летописи под 1563 г. р. *Веранда* значится *Веренда*. Я. Калима относит названия *Веренда* и *Веранда* к числу прибалт.-фин. гидронимов на -*нд(а)* [Kalima, 1944, 139—140]. Ср. рус. диал. *вэрендаць* олон. 'сильно плакать, визжать'. В русских диалектах Севера часто встречаются глаголы на -*ндать*, которые своей суффиксацией обязаны влиянию вепсского языка. М. Фасмер связывает название р. *Веренда* с *вирáнда*, *вырáнда* 'куча хвороста', что очень мало вероятно с точки зрения семантики;

руч. *Визуй* Пск. Ср. р. *Визенка* (*Вызынка*) Минск. губ., руч. *Визьма* Белозер.; с-ще *Визма* Д.п.; р. *Виз* Перм. губ.; р. *Визва* (= *Изва*) Минск., Вилен. губ., р. *Визь-Нюр* (болото Вологод. губ.) В.Н. Топоров и О.Н. Трубочев [1962, 180] сравнивают р. *Визенка*, бас. Припяти, с балт. **Viž-*; но суффиксация названий *Визуй* предполагает скорее финно-угорское (вепсское?) происхождение названия. Северные параллели также указывают на это. Не исключено, что гидроним *Визенка* относится тоже к этому ряду названий. Ср. также коми-зыр *viz* 'поток, место с быстрым течением';

р. *Виска* Ст.-рус. Вариант: руч. *Вискинский*. Ср. р. *Виска* Остр. и 9 названий *Виска* в Арханг. губ., р. *Виской* Вологод. губ. Ср. рус. *виска* ж.арх.сиб.зырян. 'ручей, речушка, проток, проран, прорва, соединяющая

реки и озера' [Даль, 1956, т. 1, 207]. Учитывая географию основного распространения названия (Арханг. обл., Коми край), его следует считать либо русским диалектным, либо непосредственно пришедшим из финно-угорских языков. Ср. коми-зыр. *вис, виск* 'источник, исток, ручей', фин. *vieska* 'текущая вода, водный путь, спокойное течение вверху и внизу водопада' [Rozwadowski, 1948, 273];

руч. *Вой* Ст.-рус. Ср. пуст. *Воје*; р. *Вой* 1) Арханг. губ., 2) Вятск. губ., 3) *Вой-вож* — 3 названия в Вологод. губ., 4) *Войярви*=*Маслозеро* Арханг. губ.; р. *Воя* 1) Арханг. губ., 2) Вят. губ., 3)=*Вая* Вят. губ., 4) Вологод. губ., 5)=*Вая* Вологод. губ.; р. *Войка* 1) Вят. губ., 2) Вологод. губ., 3) Вилен. губ. Названия этого рода распространены на Русском Севере и связаны с прибалт.-фин. языками; ср. фин., вепс. *voi* — саам. (Кильдинский говор) *vioid* 'масло', см. анализ этой основы в топониме *Войлохта* [Матвеев, 1969, 43]. В то же время названия на Севере типа *Воя*, *Войозеро* производятся от саам. *vuđi* 'ручей' [Матвеев, 1986, 67]. Следует отметить также белорусский МГТ *вой* 1) самое сильное течение в реке, стрежень, 2) место завихрения воды, где ров (выкопанный) сливается с рекой [Яшкiн, 1971, 36];

р. *Вокша* Солецк. р-на, п.п. Шелони. Название встретилось только на современной карте. Вероятно, то же, что р. *Векша* Ст.-рус. [Сп.нас.м. Новг.]. Обе формы можно было бы связать с рус. диал. и уст. *вѣкша*, ниж. *вѣкша* 'белка' [Даль, 1956, т. 1, 175]. Однако существуют названия типа *Вокша* на Севере и в центральных областях, которые объясняются иначе. Ср. р. *Вокша (Вокса)* Выборг. губ. [Неволин, 1853, 134], р. *Вокша* 1) Костром., Вологод. губ., 2) Рязан. губ., 3) Вилен. губ.; оз. *Вокшозеро* Арханг. губ.; р. *Вокса (Векса)* Костром. губ.; р. *Вѣкса* 1) Ярослав. губ., 2) Костром. губ., 3) Владимир. губ., 4) Вологод.

губ. [Vasmer, WRG]. Р. *Vokša* в Литве и оз. *Vokšėlis* [Vanagas, 1981, 391] объясняются как финские субстратные названия; ср. также р. *Вуокса* Ленинград. обл., пр. Ладожского оз. (др.-рус. *Вокса, Вокша*) < фин. *vuoksi* 'пролив, течение, поток'. Однако названия в Ярослав., Костром. и Владимир. областях могут иметь и другое происхождение (волжско-финское?). Так, название дер. *Вокшево* и р. *Вокшевка* Костром. губ. М. Фасмер связывает с мар. *βakš* 'мельница' [Vasmer, 1935, III, 542];

оз. *Ворзо* Холм. и р. *Ворза* Пск. и Холм. Ср. рч. *Ворзовка* Остр.; дер. *Ворзы* Остр. Видимо, название связано с прибалт.-фин. языками. Ср. дер. *Варзамас* < **Varzama* Арханг. губ. и *Варзуга* на Кольском п-ве;

рч. *Ильмаж* Тор. Ср. рч. *Ильмаз (Ильмас)* Тихв. и Чер.; рч. *Ильмеж* Вологод. губ.; рч. *Ильмеза*, бас. Суды [Шанько, 1929]. По Я. Калима [Kalima, 1944, 109], название *Ильмас* является прибалтийско-финским, связанным с *Ильмень*. Формы с -ž- (на *až*, *-ež*, *-iž*, *-už*) — предположительно финно-угорские [Vüga, 1961, т. 3, 619]. Ср. лив. *īlmzi* = *īlmaz* '1) чудовищный, ужасный, 2) земной' от *īlma* 'мир, свет';

оз. *Ильмень* Новг., Ст.-рус. Варианты *Ильмень* [Атл. Рос. III], *Ылмень* [КБЧ—154], др.-рус. *Ильмѣрь* Лавр. лет.), также *Мойск*, у Герберштейна *Лимиды (Limidiſ lacus)*. Ср. оз. *Ильмень* Вышневол.; рч. *Ильменец* 1) Тор., 2) Кир.; рч. *Ильма* Твер. губ.; много названий на юге, в Донской обл., Воронеж., Саратов., Астрахан. губ., на Урале. Сводку этимологий см.: [Фасмер, 1967, т. 2, 128; Никонов, 1966, 154]. Древнерусская форма *Ильмѣрь* предполагает происхождение из прибалт.-фин.; ср. эст. *Ilmjärv* < *ilm*, *ilma* + *järv*; против этого Ю.В. Откупщиков [1961, 10]. Форма *Ильмень* с суффиксацией на славянской почве, видимо, более

поздняя. Тогда и название лит. р. *Ilmenis* — другого, индоевропейского происхождения (хотя Р. Шмиттлейн предполагает здесь финскую этимологию [Schmittlein, 1966, 478]). Не исключена контаминация финской и индоевропейской (балт., славян., герман.) форм. Ср. также фин. *ylmäinen* 'верхний'. И. Миккола допускает и происхождение названия *Ильмень* из языка других финно-угров, например, мери; ср. *Илмовское* на Клязьме и рядом р. *Илмехта*, пр. Ворши [Mikkola, 1938, 15]; руч. *Каргейский* Гдов. Название в [КПОС]. Ср. руч. *Каргой* Арханг. обл., гор. *Каргополь* и др. названия нас. п. и гидронимы на Севере. Наиболее вероятное объяснение основы — из фин. *karhu* 'медведь'. Ср. карельскую фамилию *Каргеев*. Есть также МГТ *карга* 'мель' и др. значения [Мурзаев, 1984, 260] и мокшан. *карга* 'журавль';

р. *Кебь* Пск., пр. Черехи. Варианты: *Кебь* [Рос. Атл. V], *Кебь* [КО-7], *Кепь* [Атл. Рос. III], *Кепь* [Атл. П.г.]. Ср. р. *Кебец* Пск.; оз. *Кебское* Порх.; р. *Кебь* Б.п. [Новг. писц.кн. VI, 33], р. *Кеба* (*Кепа*) Арханг. губ.; дер. *Кебь* Пск.; с. *Кебино* Нрж.; с. *Кебско* Порх.; дер. *Закибежье* (*ЗакЪбежь*) Ш.п., также дер. *Кебас* Вологод. губ.; дер. *Кебская* Арханг. губ. Предлагаемое М. Фасмером объяснение названия [Vasmer, 1934, 367] из эст. *keev*, Гер. *keeva* 'водянистый' не особенно удовлетворительно с фонетической стороны и к тому же предполагает позднее заимствование, что мало вероятно. В древнерусской передаче *Ъ* после *к* предполагает звук типа *ä* в языке оригинала. Вологод. *Кебас* и арханг. *Кеба* указывают на прибалт.-фин. источник. Сходные названия в балтийских землях также заставляют думать о финно-угорских заимствованиях: ср. лтш. р. *Кери-уре* (возможно, связаво с эст. *Kürpäjärv*). Семантика неясна;

рч. *Кезенка* Тор. Ср. р. *Кеза* и оз. *Кезадро* (прежде

Кезарда, *Кезерда*) Вышневол.; р. *Кеза* Нижегород.; р. *Кеза* Вят. губ. Объяснение М. Фасмером названия р. *Кеза* [Vasmer, 1934, 370] из эст. *kesa* 'паровая земля' вряд ли можно принять с точки зрения семантики, хотя источник все же прибалтийско-финский; ср. дер. *Кезоручей* 'Летний ручей' Ленинград. обл., вепс. *кеза* 'лето'. Ср. фин. *kesä* 'лето', фин. *Kesäjärv*. Основа встречается на Русском Севере. В балтийских землях встречаются схожие названия, но, по-видимому, другого происхождения; ср. лтш. оз. *Sēze*, лит. нас. п. *Kėžiai*, лит. *kėžti* 'вздуваться, распухать' [Schall, 1966, 462] или названия в Латвии фин. происхождения — *K'ezis*, *K'eži*; эст. *kezi* 'ячмень' [Būga, 1961, t. 3, 615];

р. *Кемка* Валд. пр. р. Березай. Ср. р. *Кема* 1) Ярослав. губ., 2) Кир., 3) = *Кемь* Вологод. губ., 4) = *Кемь* Арханг. губ. [Vasmer, WRG]; оз. *Кемозеро* Вологод. губ.; р. *Кемка* Луж.; р. *Кемас* Арханг. губ.; дер. *Кема* Кир.; с. *Кемцы* Валд.; дер. *Кемка* Луж. Название часто встречается на Русском Севере. Оно имеет параллели в Финляндии (*Kemijoki*) и в Сибири (южно-самодийский гидроним *Кемчага*). А.К. Матвеев [1969, 54] предполагает дофинский субстрат в названиях этого рода, поскольку основа не находит объяснения на финской почве и скорее сопоставляется с тув. *хем* 'река'. По А.П. Дульзону, здесь возможно индоевропейское происхождение основы;

р. *Кербешка* Новг., п. пр. Лубети и оз. *Вердуга*. Название встретилось в [Андрियाшев, VI]. Ср. р. *Керба* Ярослав. губ.; р. *Керботка* Моск. губ.; нас. п. *Кербеш* (рядом *Кербичула*) в Латвии. Название *Кербеш* К. Буга считает финским [Būga, 1961, t. 3, 619];

р. *Куба* Новг. Ср. р. *Кубайка* Перм. губ. (и нас. п. *Кубай*), р. *Кубакса* Вологод. губ. Вероятно, название происходит из финно-угорских языков и связано с обозначением камня. Ср. эст. оз. *Kivijärv*, р. *Кивой*

в Белозерье. Но так как в русской передаче *у* обычно сохраняется (если позднее заимствование?), то можно думать и о сравнении с р. *Кибож* (из мар. *kii* 'камень', мар. **Kiivaž* > др.-рус. **Kybožь* > *Kibož*) или *Кибол* — местность во Владимир. губ. [Vasmer, 1935, 557—565]. Ср. также лит. *Kib-upė* — название с не совсем ясной этимологией; возможно, сопоставляется с эст. *Kiiva-saare* [Rudzite, 1968, 185];

рч. *Кола* Дем., пр. Явони. Название встретилось в [КБЧ—155]. Ср. р. *Кола* 1) Арханг. губ., 2) Курск. губ., 3) = оз. *Колозеро* Арханг. губ. Ср. *Кола*, Кольский п-ов, также эст. *Kolajärv*. Название из финно-угорских языков [Фасмер, 1967, т. 2, 285]. Значение неясно. М. Фасмер производит название р. *Кола* из фин. и саам. языков. Ср. также мар. *кол* 'рыба', лив. *kola* 'полуостров, остров близко к берегу, песчаная банка, песчаный холм';

оз. *Кудо* Опоч. Вариант: *Куди* [Рос. Атл. V]. Ср. оз. *Кудо* (Палехновское) Опоч.; р. *Кудь* Осташк.; р. *Кудь* Новг.; производные: оз. *Кудино* Тор.; оз. *Кудинское* Глухое Осташк.; оз. *Куденец* Тор.; р. *Кудка* Опоч.; возможно р. *Куд(ь)ма* Белоз. Ср. также оз. *Кудьярви* в Карелии. Названия с суф. *-ин-*, *-ов-* широко распространены и образованы от личных имен; ср. антроп. *Куден*, *Кудинов*, *Кудов*. Что касается форм *Кудо*, *Кудь*, то они имеют соответствия в топооснове на Русском Севере. М. Фасмер сопоставляет *Кудо* с фин. *Kuotojärvi*, где фин. *kuoto*, Ген. *kuodon* 'тина, грязь, вязкий ил'. Ср. фин. *Kuotisjärvi*. Можно думать и о волжско-финских связях, ср. мар. *кудо*, мокшан. *куд* 1) 'дом, изба', 2) 'усадьба, двор'. Иначе считает В.Н. Топоров [1972, 220], сравнивающий название р. *Кудь* с др.-прус. *Kidun* и другими формами;

р. *Кукса* Луж. Ср. р. *Кукса* 1) Твер. губ., 2) Владимир. губ. Название финно-угорское, связано с понятием 'сухой' (ср. блр. *кукса* 'сухорукий', мар. *кукшо*

'сухой; порог, водопад') [см.: Попов, 1957, 61—65]. Действительно, р. *Кукса* соединяет озера Черемецкое и Борковское, причем, последнее имеет параллельное название — *Разсохское*;

рч. *Кукуйка* Остр. Ср. р. *Кукуй* Перм. губ.; дер. *Кукуй* Ст.-рус.; дер. *Кукуй* Тихв.; дер. *Кукуйка* (*Кукуево*) Крест.; рч. *Кукуевка* Бор.; руч. *Кук* В.п.; оз. *Куко* Водлозер. пог.; оз. *Куккозеро* Тихв. р-на. Из прибалт.-финской основы со значением 'петух', ср. вепсск. *кукой*; фин. *kikko* 'петух' [Попов, 1948, 170]. Формы типа *Кукуевка* — видимо, из антропонима. Слово *кукуй* встречается в русских говорах в разных значениях, в том числе в МГТ, но вряд ли имеет прямое отношение к названию *Кукуйка*;

р. *Кулейская* Пск. Варианты: *Кулейский* (*Кулиская*), *Кулья* [Сб. МАМЮ, V, 115]. Ср. пог. *Кулье* Пск.; дер. *Кулейка* (Порог) Тихв. Судя по памятникам, первоначальный вариант названия — *Кулья*. Основа прибалтийско-финского происхождения — ср. эст. *Kuulja järvi* (*Kuuljärv*), вероятна связь с фин. диал. *kulju* 'лужа'. Следует учесть названия оз. *Kuliska* и *Kule* в бас. Вислы и лит. *kuilija* 'место, где много камней', *kūlis* 'камень, валун';

р. *Кушолка* Гдов., пр. Плюссы. Варианты: *Кушелка* [КШ-13], *Кушела* [Шанько, 1929], *Кужелка* [Vasmer, WRG]. Ср. оз. *Кушольское* (*Кушельское*) Гдов.; дер. *Кушела* Гдов; бол. *Кушель* [ПСРЛ, IV, 1341 г.], р. *Кушевера* Бор. и волость *Кушевера* Б.п. Старое название, по-видимому, *Кушела*. Ср. в Эстонии нас.п. *Kuus(s)alu* от нарицат. *kuusk*, Ген. *kuuse* 'ель'; *-ла-* показатель местного падежа;

руч. *Лахов* Гдов. Ср. руч. *Лахта* Тихв; рч. *Залахтовская*, оз. *Бродская Лахта* Новг. обл., дер. *Лахта* Тихв. (две), дер. *Залахтове* Гдов. Ср. фин. *lahti* 'залив', рус. *лахта*. По А.И. Попову, слово *лахта* в Пск. обл. имеет эстонское происхождение, сравнительно

позднее. Форма *Лахтов* может быть образована от антропонима, ср. отчество *Лахтин* [Тупиков, 1903];

р. *Луга* Гдов., пр. Балтийского моря. Варианты: *Луга* (1240 г.), *Lauke* (1345 г.). Ср. р. *Луга* Ст.-рус.; р. *Луга Свиная* Вольн. губ. (= *Луга*). Ср. гор. *Луга*. Водская форма названия гор. *Луги* — *laukā lidna*, реки — *laugaz-ječi, laugaz-jeki* [Ariste, 1967, 81], финская — *Laukaan joki*, пом. *läuas* < **lauyos*, основа *laukaa-* [Mikkola, 1938, 16]. Древность заимствования названия видна из отражения праславянских немонофтонгизированных дифтонгов. Из апеллятивной основы — ср. эст. *laugas* 'болото';

руч. *Матка* Крест. Ср. рч. *Матка* 1) Ярослав. губ., 2) = *Маткоручей* Белоз., 3) Олон. губ.; оз. *Маткозеро* (Карелия). Ср. карельск., фин. *matka*, эст. *matk*, вепс. *matk* 'путь, направление';

р. *Мда* Крест., пр. *Мсты*. Ср. рч. *Мдинка*, л. пр. *Мды*, Новг. обл.; р. *Мдичка* Тихв.; оз. *Мдино* (бас. *Мсты*). Из *Мда* от прибалт.-фин. основы со значением 'грязь, ил', фин. *mita*, вепс. *tuda*. Ср. эст. оз. *Mudajärv*, р. *Мудовка* Пск. [Сб. МАМЮ, V, 133], руч. *Мудольский* Гдов, оз. *Мудозеро* Олон. губ.;

р. *Меглинка* Дем. Ср. оз. *Меглино* Осташк.; оз. *Меглинцо* Д.п.; оз. *Меглыч(а)* Вышневол., деревни *Меглино* Бор., Дем., Осташк.; дер. *Меглец* (*Моглец*) Ст.-рус.; дер. *Меглецы* Бор. Ю. Принц объясняет из фин. *täki/täen* и суф. *-la, -lä* [Prinz, 1969, 74]. Скорее можно было бы объяснить *Меглино* метатезой из **Мелгино*, где основа *мелг-* из вепс. *mēlg* 'глаз, зрачок'. Метатеза находит себе подтверждение в названии оз. *Меглозеро/Мельгозеро*, *Мельг* и р. *Мельгёки* Арханг. губ. [Vasmer, WRG] и оз. *Мелгозеро* Ленинград. обл. Но возможно и сопоставление основы с рус. МГТ *мегла́, меглбеник* 'лиственница, лиственный лес' из карельск. *niegla*, вепс. *niegl* 'игла, мох на елях и соснах';

оз. *Мегро* Опоч. Ср. р. *Мегрова* (*Мегровка*) Опоч.; р. *Мегра* Белоз.; руч. *Мягръ* в Кемских землях [Ак. Юр. — 160]; р. *Мегрега* Олон. губ. Известная на Севере топооснова; ср. фин. **mägrä*, карельск. *mägrä*, вепс. *m'ägr*, эст. *määr, mädger*, Ген. *mägri* 'барсук';

р. *Мста* Крест., Новг., пр. оз. Ильмень. Вариант: *Мьста* [Ник., лет. II, 270]. Ср. оз. *Мстино* Вышневол.; оз. *Мстиже* (*Мтижное*) и р. *Мстижка* Дем.; р. *Мстишка* Тихв.; р. *Мстинка* Вышневол.; р. *Мста* Калуж. губ.; р. *Мстишка* Владимир. губ.; дер. *Мстижи* Крест.; дер. *Мсты-Стольники* Твер. губ.; дер. *Мстоня* Ст.-рус. Наиболее принятое объяснение названия *Мсты* — из *Мьста* < фин. *musta* 'черный', ср. фин. *Mustajoki*, эст. *Must(a)jõgi*. Орфографию варианта *Мьста* М. Фасмер объясняет аналогией с др.-рус. *мьсть, мьстити* [Vasmer, 1934, 373—374]. Очень натянуто у него объяснение названия *Мстонь* — из финской фамилии *Mustanen* [там же, 375]. М. Фасмер объясняет *Мстижка* Владимир. губ. — из *Мстига* < фин. *Mustajoki*; также сравнивает с *Мстера* < **Myster* = фин. *Mustajärvi* [Vasmer, 1935, 561, 567]. Между тем ср. в Белоруссии нас. п. *Мстиж* (старый славянский словообразовательный тип на *-иж, -уж*, который неверно приписывается финно-угорским заимствованиям) и название *Мстонь* (*Мстоня*), имеющее также вполне славянский облик в отношении своего словообразования (если не сопоставимо с *Шелонь*, как полагал Й. Миккола). Следует обратить внимание на целый ряд славянских антропонимов: *Мста, Мстивой, Мстиша* (*Мистиша, Мьстиша* — варианты имени *Мстислав*), *Мстишко, Мстиш, Мстон, Немста*. Разумеется, форма названия р. *Мста* свидетельствует скорее в пользу его субстратного происхождения. Есть свидетельства картографических источников; так, на карте России и Сибири, составленной в XVI в. неиз-

вестным автором на основании карт Меркатора, Герберштейна и Дженкинсона, находим написание *Musta fl.* для р. *Мста* [Поспелов, 1971, 102]. Отметим, однако, что вопрос об антропонимических основах в древних славянских гидронимах еще требует дальнейшего изучения;

оз. *Нево* Влкл. Ср. р. *Нева* и оз. *Нево* (Ладожское) СПб. губ.; бол. *Невий мох* (к юго-востоку от оз. Ильмень); дер. *Невуя* (Лунино) Дем. От рус. диал. *невь* и фин. *neva* 'моховое болото, трясина';

оз. *Немега* Валд. Ср. дер. *Немеги* Гдов. Из фин. *Niemijoki* [Vasmer, 1935, 525]. Основа фин. *niemi*, эст. *neet* часто встречается на Севере: *Немьюга* и др. Но ср. также название р. *Немига* в бас. Десны, объясняемое из балт. языков [Топоров, Трубачев, 1962, 198];

оз. *Нюх* Новг. [см.: Андрияшев, II]. Сопоставляется с оз. *Нюкозеро* (Карелия) и оз. *Нюгозеро* (бас. Паши);

оз. *Оеч* Тор. Ср. р. *Оять* Ленинград. обл., географически это сопоставление подкрепляется наличием порогов на Ловати в Пск. и Новг. губ. под названием *Оятище*. В литературе отмечалось рус. диал. *оет*, сопоставимое с эст. *oit* 'лужа';

р. *Оя* Влкл., бас. Ловати. Название в [Атл. Рос. III]. Из прибалт.-фин. основы со значением 'ручей', ср. эст. *Ojajärv* < эст. *oja*;

рч. *Пелега* Остр., пр. Кухвы. Вариант: *Пелга* [КШ—17]. Ср. оз. *Пелюго* Новг. [Андрияшев, VI], р. *Пелговка*, пр. Ладожского оз., р. *Пелгас* Олон. губ., р. *Пелегавец* Вологод. губ. На Русском Севере довольно точные соответствия названиям *Пелега*, *Пелюго* — ср. [Серебрянников, 1961, 61] примеры: *Пел-енга* ~ *Пелюга*. Если трудно отнести эти названия к конкретным языкам, то допустимо предположить их финно-угор-

ское происхождение. Не очень ясно соотношение вариантов *Пелег(a)* / *Пелг(a)*;

рч. *Пелешка* Тор. Очевидно, связано с названием *Пелега*, если нельзя сопоставить с р. *Пела* в Жемайтии или р. *Pelyža* [Vanagas, 1981, 258];

рч. *Петь* Опоч., пр. Великой. Вариант: *Петя* [Шафко, 1929]. Ср. рч. *Петенка* (*Петинка*), пр. Черехи, р. *Петеньга* Кир.; оз. *Петерва* В.п.; р. *Пета* (бас. Онежск. оз.); р. *Петка* (бас. Ояти); *Пет-ручей* — несколько названий в бас. Онежского оз. Ср. дер. *Петь* Большая Пск. Все параллели из прибалт.-фин. языковой области, что заставляет отнести название *Петь* к числу прибалт.-фин. названий;

р. *Пимжа* Пск. Варианты: *Пивжа* [ПЛ, I, 18], *Пижва* [ПСРЛ, IV, 12], *Пижма* [Vasmer, WRG], эст. *Piusa*, нем. *Pimpe*, *Bümse* и др. Название происходит из прибалт.-фин. языков. На языке сету — *Piusajõgi*. Это название М. Фасмер вначале объяснял из фин. *rimed* 'темный' < **rimeda*, затем сравнивал с фин. *Piimajoki*, эст. *Piimajõgi* 'Молочная река' (ср. рус. р. *Молочная*). В Финляндии есть гидронимы: *Piimajoki*, *Piimälähti*, *Piimajärvi*, *Piimäsoo*. С точки зрения фонетики это образование аналогично др.-рус. *Омовжа* (*Embach*, эст. *Emajõgi* [Vasmer, 1933, 2]. А.И. Попов [1948, 106] производит его от лив. *piid veiz* 'святая вода';

р. *Рантуга* Гдов., пр. Нарвы. Название встретилось на [КШ-12]. Ср. дер. *Рандога* Тихв., дер. *Рандач* Кир. Основа часто встречается в названиях прибалт.-фин. происхождения; ср. фин. *ranta*, карельск. *randa*, вепс. эст. *rand*, лив. *randa* 'берег'. *Рантуга* отражает именно финскую форму названия;

р. *Рапля* Дем., пр. Полы. Название встретилось на [КШ-17]. Ср. р. *Рапля* Тихв., бас. Волхова; р. *Ропля*, бас. Суды; дер. *Рапля* Тихв. Название происходит из прибалт.-фин. языков. Ср. фин. *gara* 'грязь';

рч. *Ругодевка* Нрж., пр. *Сороти* [см.: Атл. П.г.]. Ср. оз. *Ругодево-Брустино* Нрж.; с. *Ругодево* Нрж.; гор. *Ругодие* (старое название Нарвы). М. Фасмер связывает название гор. *Ругодиев* с фин. *Runkoteivaan kylä* и фин. *Runkoteivas* — наименованием божества [Vasmer, 1920, 197—203];

оз. Самро Гдов. Вариант: *Сомро* [Ак. Юр. Кал., III, 276]. Ср. рч. Самра Гдов., р. *Сомора* (?) Смолен. губ. М. Фасмер связывает с фин. *Somerojärvi*, нас. п. *Somero*, эст. *Sõmeru* — из фин. *somero* 'травий, крупный песок', эст. *sõmer* 'то же' [Vasmer, 1934, 388];

оз. *Сар* Пск. губ. Название в [Атл. Рос. IV]. Ср. р. *Сара* Гдов.; р. *Сарка* Тихв.; оз. *Сарозеро* Белоз. и др. названия в Вологод., СПб. губ. и в Карелии; вслк. *Саруя* Тихв.; *Сар-мох* В.п., дер. *Сара Лог* Гдов. Названия объясняют по-разному, но все исследователи связывают их с финно-угорскими языками. Ср.: 1) фин. *sara* 'камыш', ср. фин. *Sarajärvi*, *Saravesi*; 2) фин. *saari*, эст. *saar* 'остров', ср. фин. *Saarijoki*, эст. *Saarjärv*; 3) вепс. *sara* 'ветвь, ответвление'; 4) мар. *sape* 'желтый';

рч. *Свирица* Тор. Ср. оз. *Свирка* Вышневол.; р. *Свирь* (*Свира*) (соединяет Ладожское и Онежское оз.); р. *Долгая Свирица* и р. *Русская Свирица* (бас. Свири); р. *Свириянка* (бас. Ловати). Большинство исследователей объясняют эти названия из прибалт.-фин. языков. В Литве название оз. *Svirijų ežeras* считается субстратным финским [Вацагас, 1965], *Свирь* < вепс. *Сювярь*, *сювя* 'глубокий', фин. оз. *Suvari*, нас. п. *Suvärila*; фин. *suveri* 'углубление или глубокое место в воде, глубина'. Но могут быть и другие этимологии. Ср. рус. диал. *свири́т* (3 л. ед. ч.) "образуется водоворот; из-под плиты в ключе так и свирит" [Кузнецов, 1915, 119]. Также пск., твер. *сви́рющий* 'злой, свирепый' [Даль, 1956, т. 4, 150]. Название р. *Сви́рж* на Украине О.Н. Трубачев [1968, 187] рассматривает как развитие слав. **sv-virъ*, ср. **virъ*

'источник, омут'. Кстати, фин. *suveri* не может ли быть изоглоссой к **sv-virъ*? Значение почти полностью совпадает;

оз. *Селигер* Валд., Дем. Варианты: *Серегъбрь*, *Серегерь*, *Серегирь* (Лет., 1199 г.) [Барсов, 1865, 185]. Ср. р. *Селижаровка* Осташк. По А.И. Соболевскому, К. Буге, М. Фасмеру, название из прибалт.-фин. Ср. фин. *Särkijärvi*, эст. *Särgjärv*, ср. фин. *särki*, лив. *särg* 'плотва' [Vasmer, 1934, 369]. За индоевропейское происхождение и связь с *Сорога* выступает [Откупщиков, 1961, 10—11];

рч. *Сорженка* Валд. Ср. руч. *Соржой* (бас. Паши). Видимо, название связано с обозначением плотвы — рус. диал. *сорожина*, *сарога*, *сорожка*, *сорога* (из прибалт.-фин.: фин. *särki* и т.д.);

оз. *Талабское* Гдов., Пск. Местное название Псковского оз. Ср. о-в *Талабск* в Псковском оз. и бывшее с. *Талабск* на нем, возможно, дер. *Талабино* Б.п. Название неясно. Северо-западная вода называла себя *talarrantsid* [Моора, 1965, 77] — явно уже от русифицированной формы названия *Талабское*. Имеются некоторые финно-угорские параллели: р. *Толба* (*Толбица*), впадающая в озеро, карельские названия *Талап-наволоок* и *Талап-губа*; Я. Калима считает их сомнительными формами [Kalima, 1944, 133]. Ср. также рус. диал. *талба*, *таль*, *тали* в значении 'талый, незамерзающий; таять' [Попов, 1957, 86]; близко по значению *Теплое озеро*, соединяющее озера Псковское и Чудское;

р. *Толба* Гдов., Пск., пр. Псковского оз. Варианты: *Толбица* [Шанько, 1929], *Толва* [Сб. МАМЮ, V, 83], *Тольва* (и *Толовечно*) [ГВНП, № 346, XV в.], *Толвица* [Сб. МАМЮ, V, 84]. Ср. р. *Толбица* Калуж. губ.; р. *Толбунка* Ямбург; р. *Толвуй* В.п.; оз. *Толвоярви* (Карелия). Ср. дер. *Талбица* на восточном берегу Псковского оз., о-в *Талабинец* (*Талавенец*, *Тулавенец*) в Псковском оз., пог. *Толвицы*. Название из прибалт.-

фин. языков. М. Фасмер сравнивает с фин. *tulva* 'разлив, наводнение', фин. *Tolvajoki* и *Tolvajärvi*, исходя из русской формы **Tulba* [Vasmer, 1933, 29] — несколько натянутая этимология ввиду звуковых трудностей. Легче можно его объяснить, исходя из фин. *talvi* 'зима', например так объясняется название *Толвуя* [Глаголева, 1929]. Русское *б* закономерно соответствует фин., эст. *в* в ранних заимствованиях; иногда фин. *в* сохраняется, так же как и в более поздних заимствованиях;

оз. *Тубос* Вышневол. Название имеет параллели в севернорусской гидронимии; ср. р. *Тубож*, пр. р. *Ковжи*, и *Тубозеро* Пудож. Относится к названиям на *-ос*, *-ас*, не обязательно прибалт.-фин. происхождения, ср., в частности, южносамодийский гидроним *Туба*;

р. *Тудёр* Дем., Холм. Вариант: *Тудра* [Рос. Атл. V]. Ср. р. *Малый Тудёр* Дем.; р. *Большой Тудёр* Дем.; рч. *Тудёр Загорский*, п. пр. *Ловати*; рч. *Тудёр Ратьковский*, пр. пр. *Ловати*; дер. *Тудр* Д.п. По-видимому, это название финно-угорское и сопоставляется с эст. *Tudra järv*;

р. *Утроя* Остр., пр. *Великой*. Вариант: *Утряя* [Рос. Атл. V]. Ср. р. *Втроя* и дер. *Втроя* Гдов. Название считается прибалтийско-финским. К. Буга производит *Утроя* и *Втроя* из **Vitroja* < фин. **Vitti(u)r-oja* || эст. *oja* [Būga, 1961, t. 3, 608]. М. Фасмер сопоставляет с эст. нас. п. *Utra*, фин. *Utrankoski*, *Utraslahti* [Vasmer, 1934, 367]. Возможно, сюда же относится название рч. *Большой Утрос* Костром. губ.;

оз. *Шакша* Валд. Ср. оз. *Шакшозеро* и р. *Шакшозерка* (бас. *Свири*) [Шанько, 1929]. Ср. пск. диал. *шакша* 'нагромождение льда с острыми гребнями; донный лед, всплывший на поверхность' [Кузнецов, 1915]. Но вряд ли название связано с этим термином. На вепсской территории название оз. *Шакша* (вепс. *šokš*) считается

доприбалтийско-финским [Богданов, 1951, 3]. Возможно, название происходит из волжско-финских языков; ср. мар. *шакше* 'безобразный, противный', *шакше үпи* 'зловоние', вост.-мар. *шакше* 'грязь';

оз. *Шартоя* Нрж. [см.: Василев, 1896, 43]. Ср. р. *Шардовка* Калуж. губ. Если дана правильная форма, то *-оя-* можно сравнить с прибалт.-фин. *oja* 'ручей', а первая часть напоминает основу *шард-*, распространенную на Севере. Ср. р. *Шарденга* < мар. *шарды* 'лось' [Матвеев, 1964, 188]. Иначе считает Б.А. Серебренников [1967, 262];

р. *Шошка* Опоч., бас. р. *Великой*. [см.: Василев, 1896, 25]. Ср. р. *Шоша*, бас. *Шексны*. Из финно-угорских языков, ср. мар. *шошо* 'весна, весенний', *шошо вуд* 'половодье, весенний разлив'. Неясна связь с р. *Шоха* (Смердячья) Пск. В.Н. Топоров [1972, 231] сопоставляет *Шоша* с балтийскими названиями *Šašulyš*, *Šašuolā* и др.

Таким образом, мы видим закономерность широкого распространения финно-угорской субстратной гидронимии на изучаемой территории. Наличие большого количества финно-угорских гидронимов является лингвистическим свидетельством заселения территории Псковских и Новгородских земель финно-уграми до прихода восточных славян. Это отмечал уже М. Фасмер, который, однако, ограничивался общими замечаниями и этимологией отдельных топонимов из разных областей.

Финно-угорские гидронимы данной области имеют прямые соответствия в гидронимии других земель, заселенных прежде или теперь финно-уграми.

Параллели к финно-угорским названиям Псковской и Новгородской областей, как частично показано в приведенных словарных статьях, имеются и на близких, и на удаленных географически территориях. Прак-

тически это весь Север Европейской части России, включая Кольский п-ов и Карелию; Центр Европейской части России, а также Эстония и Финляндия. Дополнительные исследования должны быть проведены для уточнения южной границы той области, которая включает в себя соответствия изучаемым гидронимам. Мы предполагаем, что южная граница может быть проведена в р-не Рязанской и Тамбовской областей, а также Мордовии.

Необходимо дать краткую характеристику структурно-словообразовательным типам финно-угорских гидронимов. В названиях нашла отражение особенность финно-угорских агглютинирующих языков, заключающаяся в том, что в топонимических структурах детерминатив ставится в постпозицию; префиксы отсутствуют [Матвеев, 1969, 199; 1964, 66]. Из возможных четырех способов передачи в русском языке структурно-словообразовательных типов финно-угорских названий [Vasmer, 1935, 524] здесь нашли отражение по крайней мере два: 1) вторая часть составного финского названия опускается: *Луга* < фин. *Laukaan joki*, вод. *laugazjedi*; 2) оба члена сохраняются, и имеются русские звуковые соответствия финскому оригиналу: *Немега* < *Niemijoki*, *Серегерь* < *Särkijärvi*.

Исходя из формального анализа гидронимов, можно отметить словообразовательные модели, характерные для русских названий финно-угорского происхождения: 1) на *-ег(а)* (*Немега*, *Авдег*), 2) *-уга* (*Вердуга*, *Омуга*), 3) с элементом *-ж*- неясного происхождения (*Себеж*, *Серегиж*, *Ильмаж*), 4) названия на *-рь* (*Серегерь*, *Лудорь*, *Ильмерь*), здесь возможно отражение слова *järvi* 'озеро', 5) названия на *-ос* (*Тубос*, *Пирос*).

Фонетические особенности финно-угорских гидронимов те же, что и в других областях, занятых прибалтийскими финнами (поскольку большинство назва-

ний объясняется из прибалтийско-финских языков, мы не рассматриваем здесь специфику передачи восточнофинских названий). Фонетическая передача прибалтийско-финских гидронимов в основных чертах соответствует передаче прибалтийско-финских заимствованных слов вообще⁴, и мы не будем останавливаться на этом слишком подробно. Отметим характерные признаки прибалтийско-финских гидронимов, отразившиеся в наших материалах (в сравнении с названиями других областей): полное преобладание согласных в начальной позиции, отсутствие *б*, *г*, *д*, *ж*, *з* и преобладание смычных *к*, *л*, *т* в начале слова. При передаче на русский язык геминаты отражаются простым согласным (*Кукуйка* — *Куккозеро*). В середине слова отметим соответствие рус. *б* прибалт.-фин. *в* или *б* (*Куба* — *Кубакса* — *Kivijärv*, *Толба* — *Толвоярви*), рус. *г* ~ прибалт.-фин. *г* или *к* (*Луга* — вод. *laugazjedi*, фин. *Laukaanjoki*, *Серегерь* — эст. *Särgjärv*, фин. *Särkijärvi*, рус. *т* ~ прибалт.-фин. *т* или *д* (*Пантуга* — *Пандога*), рус. *з* ~ прибалт.-фин. *с* (*Кезенка* — *Kesäjärvi*), рус. *ш* ~ прибалт.-фин. *с* (*Кушолка*, *Кушела* — *Kuusalu*). В конце слова возможно оглушение прибалт.-фин. *г* в *х* или переход *к* > *х* на русской почве (*Нюх* — *Нюгозеро*, ср. названия типа *Ландех* < *Ландег* в центральных областях Европейской части России). В конце слова рус. *ж* иногда отражает прибалт.-фин. *г*, но условия образования *ж* неясны⁵ (*Пивжа* = *Piusajögi*, ср. *Омовжа* < *Emajögi*).

Из особенностей гласных отметим различное отражение фин. *а* — в рус. *а* и *о*⁶ (*Ворзо* — *Варзуга*),

⁴ См.: [Kalima, 1919; Mikkoila, 1938; Матвеев, 1964 и др.].

⁵ П. Арумаа не считает случай с *Омовжа* закономерной передачей эстонского *Emajögi*, скорее это "вольная славизация" [Арумаа, 1960].

⁶ См. подробнее о характере этих соответствий: [Матвеев, 1968].

исчезновение долготы гласного при передаче на русский язык (*Сар* — *Saarjärv*), характерно восточнославянское полногласие на месте прибалт.-фин. сочетаний гласного с сонорным (*Серегерь* — *Särgjärv*, *Коломенец* — *Калменка*), дифтонги передаются простым гласным (*Немега* — *Niemijoki*, *Руна* — *Ruonajoki*). В старых заимствованиях прибалт.-фин. и соответствует рус. ъ, впоследствии выпавший (*Мда* — *Mudajärv*, *Мста* — *Mustajoki*).

С точки зрения принадлежности к отдельным финно-угорским диалектам гидронимы с трудом поддаются исследованию. Следует все же отметить, что, за исключением некоторых гидронимов, имеющих соответствия в восточнофинской языковой области, подавляющая часть названий этимологизируется на прибалтийско-финской почве. Это не уменьшает трудностей более дифференцированного анализа: прибалтийско-финские языки и диалекты очень близки между собой; кроме того, в русской передаче ряд отличительных диалектных признаков теряется. Так, на основании одних лишь фонетических особенностей русских эквивалентов прибалтийско-финских названий в бас. Свири и Паши трудно решить, принадлежали ли они вепсам, финнам или другому прибалтийско-финскому племени [Богданов, 1951, 29]. Такие названия, как *Кив-ручей*, *Легмозеро*, с равным успехом могут объясняться из фин. *kivi*, *lehmä* и эст. *kivi*, *lehm* и ничего специфически вепского в них нет. Потребовались дополнительные примеры на звонкие согласные, шипящие и свистящие, на отсутствие гармонии гласных, свидетельства лексики и т.д., чтобы определить субстратный топонимический слой р-на Паши и Свири как вепский. Но в упомянутом районе вепсы живут и сейчас, что облегчает в какой-то степени решение вопроса; в Новгородско-Псковском же регионе отдельные группы

прибалтийско-финского населения, живущего там до сих пор, являются более поздними переселенцами. Хотя известно, что изучаемую область окружали ливы, эсты, водь, ижора, вепсы, карелы, остается неясным, какие именно из этих племен населяли собственно исследуемую территорию и каково было их пространственное размещение. Так, например, вполне возможно, что названия северной части Шелонской пятины обязаны своим происхождением водскому и ижорскому языкам; эти топонимы нуждаются в специальном исследовании. Названия многих рек и озер соотносятся с финским и эстонским языками. На востоке области возможно вепское и карельское влияние. Так, можно сравнить начальные согласные *с* и *ш* в названиях оз. *Селигер*, *Серегерь* (< фин. **Särki-järvi*; этимология А.И. Соболевского) и оз. *Шерегородо* в Бор.у. Мы предполагаем, что эта форма может быть представлена в реконструированном виде как **Särgi-d'ärvi*; ср. карельск. *šärgi* 'плотва'; с второй частью названия ср. карельск.-людик. *d'ärvi*, сев.-вепс. *d'ärv* 'озеро'. Увеличение числа подобных примеров дало бы в результате какую-то основу для дальнейших исследований отражения диалектных черт финно-угорских языков в гидронимии.

Особо следует сказать о предполагаемых восточнофинских названиях. Связи с восточнофинской гидронимией обнаруживают такие названия, как *Виска*, *Вокша*, *Жужель*, *Инвезжа*, *Кукса*, *Ничура*, *Сергосьма*, *Шакша*, *Шартоя*, *Шошка*. (Кроме того, есть названия с основой, общей для разных финно-угорских языковых групп: *Валдай*, *Кудо*). В связи с этим стоит вспомнить вывод о восточнофинском гидронимическом слое в Верхнем Поднепровье [Топоров, Трубачев, 1962, 242], согласно которому восточнофинские гидронимы распространяются далее к западу, чем можно было ожидать.

Наши материалы дают возможность провести границу восточнофинской гидронимии еще дальше — в пределы Псковских земель.

Предположение о том, что кроме прибалтийских финнов на псковской и новгородской территории могли обитать другие финно-угры, было высказано уже давно. Например, Й. Миккола [Mikkola, 1938, 15] указывал, что название оз. *Ильмень* объясняется из финского языка (*Ilmajärvi*), но может объясняться и из языка других финно-угров, в частности, меря; ср. названия *Илмовское* на Клязьме и *Илмехта*, приток Ворши. А.Л. Погодин [1912, 107] принимал существование некоего особого финского народа, жившего в Новгородской и Тверской губерниях, а также в Костромской, Ярославской, северных уездах Московской губ., в Вологодской и Олонецкой губерниях. В языке этого народа, при многих звуковых явлениях, сближающих его с карелами и весью, были и иные явления, приближающие этот язык скорее к восточным финнам (меря, по мысли А.Л. Погодина).

В наших материалах есть некоторый процент неясных названий; может быть, они впоследствии получат финно-угорские этимологии. Не следует забывать и о возможности более древнего языкового субстрата — общефинно-угорского и дофинно-угорского. См. о субстрате в Эстонии: [Ariste, 1962].

Хронология возникновения финно-угорских названий исследуемого региона не может быть пока точно установлена, но думается, что они не могли появиться раньше начала н.э., т.е. времени выделения финских языков из финско-волжских⁷. В связи с этим возникает вопрос о том, в какую эпоху словене и

⁷ По хронологической таблице Д. Дечи [Décsy, 1965, 154].

кривичи, находясь в контакте с прибалтийскими финнами, могли заимствовать от последних названия рек и озер Северо-Запада. В настоящей работе мы не рассматриваем этот важный вопрос, поскольку он затрагивает не только топонимию, но прежде всего апеллятивную лексику, а также фонетику, морфологию и т.д. древнерусского языка и древних прибалтийско-финских языков, перерастая, таким образом, в тему другой специальной работы. Отметим лишь, что литература, трактующая заимствования из восточнославянского языка в прибалтийско-финские языки и обратные заимствования в восточнославянский, в общем не столь уж многочисленна; в ней высказаны противоречивые точки зрения относительно хронологии контактов: 1) ранние финно-славянские контакты (см. работы А.И. Соболевского, А.А. Шахматова и др.), 2) поздние финно-угорские контакты (Я. Калима, Й. Миккола, В. Кипарски и др.). Объективная трудность, возникающая при попытке установить точную хронологию первых контактов восточных славян с прибалтийскими финнами, — специфика вычленения из общеславянского языка и развития восточнославянского диалектного единства при длительном сохранении общеславянских черт и длительности функционирования некоторых новых процессов в восточнославянском. Нам кажется, что археологически устанавливаемая достоверная хронология наиболее ранних известных нам восточнославянских памятников Псковских и Новгородских земель (VI—VII вв.) может послужить отправной точкой для дальнейших исследований. Однако, несмотря на то что именно к этому периоду (точнее, к V—VII вв.) лингвисты относят и поздний этап существования общеславянского языка (а большинство заимствований в финском отражает именно общеславянские особенности), следует учесть, что об-

щеславянские особенности сохраняются в восточно-славянском довольно долго. Таким образом, хронология многих заимствований может быть и отодвинута вперед, иногда на несколько веков — к концу I тыс. н.э. Вероятно, при окончательном решении вопроса следует исходить не только из лингвистических фактов, но и учитывать заимствование самих реалий, устанавливаемое археологически и этнографически.

Свой вклад в решение этой проблемы может внести и дальнейшее исследование субстратной финно-угорской топонимии Северо-Запада; изучение особенностей ее передачи средствами русского языка, изучение топонимов по документам, извлечение ранних форм названий, сопоставление вариантов и т.п.

Не решен пока и вопрос о временных отношениях между собой финно-угорского и балтийского субстратных гидронимических пластов. Но пространственные отношения ареалов балтийской и финно-угорской гидронимии устанавливаются довольно четко: в исследуемом районе они перекрывают друг друга, образуя смешанную балто-финно-угорскую зону. Территория Северо-Запада целиком находится в этой смешанной зоне, за исключением района, непосредственно примыкающего к Чудскому и Псковскому озерам, а также бас. Мсты в ее среднем течении, где проходит предполагаемая северная граница балтийской гидронимии.

Источники гидронимии Северо-Запада и смежных областей

Письменные источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—5. СПб., 1841—1842. Указатель к Актам историческим. СПб., 1843. Дополнения к Актам историческим. Т. 1—12. СПб., 1846—1872. Указатель к первым 10 томам дополнений. СПб., 1875.

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографической комиссией / Под ред. Н. Калачова. Т. 1—III. СПб., 1857—1884. Указатель к Актам юридическим / Под ред. Н. Калачова. СПб., 1901.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. Т. 1—3. СПб., 1836. Указатель к Актам Археографической экспедиции. СПб., 1838.

Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб., 1838. Указатель к Актам юридическим. СПб., 1840.

Барсов Н.П. Материалы для историко-географического словаря древней Руси. Т. 1. Географический словарь Русской земли (IX—XIV ст.). Вильна, 1865.

Василев И.И. Псковская губерния // Историко-географические очерки как пособие народным читателям по предмету родниоведения. Псков, 1896.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.

Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск. 1974.

Иванов П. Обзорение писцовых книг по Новгороду и Пскову. М., 1841.

Каталог річок України. Київ, 1957.

Книга Большому Чертежу / Подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. СПб., 1853.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Новгородские писцовые книги, изданные имп. Археографической комиссией. Указатель к первым шести томам (I—VI). Пг., 1915.

Озера Карелии. Петрозаводск, 1959.

Списки рек и озер по Планам Генерального межевания // Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 1355 и 1356.

Прозоровский Д.И. Новгород и Псков по летописям с дополнениями по другим источникам. СПб., 1887.

Псковские летописи / Подгот. А.Н. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.

Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. М., 1913.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 34. Псковская губерния. СПб., 1885; Т. 37. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1864; Т. 43. Тверская губерния. СПб., 1862.

Список населенных мест Новгородской губернии. Вып. 1—11. Новгород, 1907—1912.

Спрогис И.Я. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888.

Шанько Д.Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

Шкапский О.А. Озера Псковской губернии: Их естественноисторическая характеристика и экономическое значение: С картогр. озерных районов. Псков, 1912.

Endzelins J. Latvijas PSR vietvārdi. D. 1, sējumi 1-2. Rīga, 1956-1961.

Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. В.; Leipzig, 1922.

Kask I. Eesti NSV järvede nimestik. Tallinn, 1964.

Vanagas A. Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.

Vasmer M. Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Bd. 1-4. В.; Wiesbaden, 1960-1965.

Картографические источники

Андряшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. I. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. II. Карты погостов. СПб., 1913.

Атлас Псковской губернии. Псков: Иванов, 1838.

Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною притом Генеральною картою Великая сея Империя и трудами имп. Академии наук. СПб., 1745.

Гидрографический атлас Российской империи, составленный при Главном управлении путей сообщения. СПб., 1832.

Подробная карта Российской империи и близлежащих иностранных владений (или "Столистая карта"). СПб., 1801—1804.

Российской атлас из сорока четырех карт состоящей и на сорок на два наместничества Империю разделяющий. СПб., 1792.

Специальная карта Западной части Российской империи, составленная и гравированная в 1/420000 долю настоящей величины при Военно-Топографическом депо с 1826 по 1840 год под руководством генерал-лейтенанта Шуберта. СПб., 1848.

Список Литературы

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Агеева Р.А. Географические апеллятивы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада РСФСР // Вопросы географии. М., 1974. Вып. 94. С. 195—204.

Агеева Р.А. Гидронимия Псковских и Новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Агеева Р.А. Проблемы межрегионального исследования топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. С. 140—150.

Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985.

Агеева Р.А. Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии Русского Северо-Запада // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 250—259.

Агеева Р.А., Бахмян К.В. Социолингвистический аспект имени собственного: К XV Междунар. конгр. по ономастике, 13—17 авг. 1984, Лейпциг: Науч.-аналит. обзор. М., 1984.

Агеева Р.А., Микляев А.М. Топонимы с -ля/-ль на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979. С. 30—54.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы: Краниол. исслед. М., 1969.

Афанасьев А.П. Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Вопросы географии. М., 1979. Вып. 110. С. 56—63.

Байцоров С.Я. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков: Северокавказ. ареал. Черкесск, 1978. С. 103—131.

Балалыкина Э.А. Прилагательные с суффиксом *-lo в русском и литовском языках // Именное словообразование русского языка. Казань, 1976. С. 58—68.

Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Брыла М.В. Беларуска антрапанімія. Ч. 2. Прозвішчы, утвораны ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.

Богданов Н.И. К истории веков: По материалам топонимики // Изв. Карело-фин. фил. АН СССР. 1951. № 2. С. 24—31.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.

Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом -ьн // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 80—143.

Брейдак А.Б. Судьба прабалтийских звукосочетаний *rj, *bj, *vj, *mj, в верхнелатышском диалекте // Контакты латышского языка. Рига. 1977. С. 10—19.

Ванагас А. Проблема угро-финского субстрата в литовской топонимии (гидронимии) // Республіканська ономастична (гідронімічна) конференція, 3-я: Тези... Київ, 1965. С. 126—128.

Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.

Васильев В.И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера: (На самодийских материалах) // СЭ, 1977, № 4. С. 3—7.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностр. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.

Витов М.В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. М., 1959. С. 561—578.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Глаголева А. Топонимика Обонежья: Из докл. в Ист.-Этнол. секции 13/III—1929 г. // Бюллетень ЛОИКФУН: Авторефераты. Л., 1929. Вып. 2. С. 6—8.

Голицын П.П. кн. Родословная книга дворян Новгородской губернии. Новгород, 1910.

Горнунг Б.В. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи // Сес. и пленум, посвящ. итогам археол. исслед. 1955 г.: Тез. докл. Ин-т истории материальной культуры. Отд.-ние ист. наук.

Гриценко К.Ф. Определение этнической принадлежности некоторых названий Якутии методом картографирования // Этнография имен. М., 1971. С. 153—159.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1956.

Денисенко Ю.Ф. О связи псковских говоров с южно- и западно-русскими в XV в. // Филологический сборник. Л., 1969. С. 94—98.

Денисова Р.Я. Прибалтийские финны на территории Латвии: I—II тысячелетия н.э. // Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970. С. 7—17.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Дульзон А.П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // ВЯ. 1959. № 4. С. 35—46.

Дуриданов И. Южнославянские речные названия и их значение за славянские топонимичен атлас // Славянска филология. С., 1963. Т. 3. С. 181—212.

Елисеев А.В. Славянская колонизация в бассейне Ильменя // Древ. и новая Россия. 1881. Т. 19, № 3. С. 466—530.

Журавлев В.К., Нерознак В.П. Проблемы теории реконструкции // Конф. "Проблемы реконструкции", 23—25 окт. 1978 г.: Тез. докл. М., 1978. С. 7—11.

Жучкевич В.А. К вопросу о связях топонимии Центра с топонимией Белоруссии // Топонимия Центра: Тез. докл. М., 1972. С. 16—17.

Жучкевич В.А. Общая топонимика. 2-е изд. Минск, 1968.

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Зинкявичюс З.П. К истории палатализации согласных в балтийских языках // Изв. АН Латв.ССР. 1973. № 4. С. 93—97.

Иванов В.В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии: К названию Белоруссии // Балто-славянские исследования, 1980., М., 1981. С. 163—177.

Иванов Ф.И. Значение топонимии при изучении древних водных путей верхней Волги // Вопросы географии. М., 1962. Вып. 58. С. 100—108.

Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.

Карпенко О.П. Літописне Білобережжя // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ, 1986. С. 40—51.

Карпенко Ю.А. О функциях собственных имен // Spoločenské fungovanie vlastných mien. Вр., 1980. S. 9-16.

Керста Р.И. Українська антропонімія XVI ст.: Чоловічі іменування. Київ, 1984.

Кисловской С.В. Знаете ли вы?: Слов. геогр. назв. Ленингр. обл. Л., 1968.

Коган В.З. Человек в потоке информации. Новосибирск, 1981.

Колесов В.В. Развитие второго полногласия в русских северо-западных говорах // Исследования по грамматике русского языка. Л., 1963. Вып. 4. С. 148—159.

Копорский С.А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Учен. зап. Калнини. гос. пед. ин-та. 1946. Т. 10, вып. 3. С. 3—163.

Корепанова А.П. Топо- и гидронімичні типи plurallia tantum басейну Десни (в межах України) // Ономастика. Киев, 1966. С. 96—104.

Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней Руси. Л.,—М., 1937.

Крайнов Д.А. Фатьяновская культура в этногенезе балтов // Проблемы этнической истории балтов: Тез. докл. Рига, 1977. С. 16—21.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа: На материале герман. яз. М., 1974.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

Кубрякова Е.С. Что такое словообразование? М., 1965.

Кузнецов И.Д. Рыбопромышленный словарь Псковского водосема. Пг., 1915.

Кулчинский О.А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древ. Руси. Киев, 1980. С. 45—72.

Лаанест А. Ижорские диалекты: Лингвогеогр. исслед. Таллин, 1966.

Лебедев Г.С. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи. Л., 1982. С. 38—39.

Лебедева А.И. Значение топонимии для областного словаря: По материалам топонимии Псков. обл. // Слово в народных говорах Русского Севера. Л., 1962. С. 26—39.

Леонович О.А. Топонимика и страноведение // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков. Пятигорск, 1977. Вып. 2. С. 83—87.

Любимова Е.Л. Топонимия и ландшафты Псковщины // Топонимика. М., 1969. Вып. 3. С. 13—15.

Максимов В.И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975.

Марусенко Т.А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов: Названия рельефов // Полесье. М., 1968. С. 206—255.

Матвеев А.К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ. 1972. № 3. С. 76—83.

Матвеев А.К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология, 1967. М., 1969. С. 192—200.

Матвеев А.К. К проблеме происхождения северно-русской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1964. С. 185—192.

Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.

Матвеев А.К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике Русского Севера // Сов. финно-угроведение. 1968. № 2. С. 121—126.

Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера // ВЯ. 1969. № 5. С. 42—54.

Матвеев А.К. Субстратная топонимика русского Севера // ВЯ. 1964. № 2. С. 64—83.

Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. 1976. № 3. С. 58—73.

Мащитков П.Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.

Микляев А.М. О топо- и гидронимах с элементом -гост/-гощ на Северо-Западе СССР: К пробл. восточнослав. расселения // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 25—46.

Микротопонимия. М., 1967.

Мирославская А.Н. Собственные имена в "Новгородских записных кабальных книгах 100—104 и 111 годов": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Михайлович В. Неколько јужнословенско-новгородских антропонимических параллели // Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1968. Св. 11. С. 163—175.

Мокиенко В.М. Ареальный анализ местной географической терминология и его интерпретация // Сов. славяноведение. 1969. № 5. С. 57—68.

Мокиенко В.М. Псковско-белорусские лексические параллели на славянском фоне: Геогр. терминология // Славянская филология. Л., 1972. Вып. 2. С. 98—104.

Мокиенко В.М. Семантические модели славянской тельмографической терминологии // Вопросы географии. М., 1970. Вып. 81. С. 71—77.

Моора Х.А. и А.Х. Из этнической истории воды и ижоры // Из

истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965. С. 63—85.

Морошкин М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.

Мурзаев Э.М. География в названиях. 2-е изд. М., 1982.

Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Назаренко А.В. Об имени Русь в немецких источниках IX—XI вв. // ВЯ. 1980. № 5. С. 46—57.

Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства: Ист.-геогр. исслед. М., 1951.

Невская Л.Г. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 315—376.

Непокупный А.П. Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976.

Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983.

Никитин А.В. "Собственное" и "нарицательное" употребление некоторых ландшафтных терминов // Учен. зап. Новгор. гос. пед. ин-та, 1962. Т. 6, вып. 2. С. 110—132.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Никонов В.А. Славянский топонимический тип // Вопросы географии. М., 1962. Вып. 58. С. 17—33.

Окладников А.П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949. (История Якутии; Т. 1)

Откупщиков Ю.В. О происхождении названий озер Ильмень и Селигер // Межвуз. конф. по ист. лексикологии, лексикографии и яз. писателя, 27 сент.—6 окт. 1961: Тез. докл. Л., 1961. С. 10—11.

Отрембский Я.С. Славяно-балтийское языковое единство // ВЯ. 1954. № 5. С. 27—42.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1966.

Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

Подольская Н.В. Исследование топонимики в связи с данными этнографии // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961. Вып. 2. С. 169—179.

Подольская Н.В. Какую информацию несет топоним // Принципы топонимики. М., 1964. С. 87—99.

Подольская Н.В. Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия. М., 1967. С. 39—53.

Подольская Н.В. Полевые дневники: (Экспедиционные записи 1958—1962 гг., сделанные в Ленинградской и Псковской областях). Рукопись.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразоват. анализ. М., 1983.

Подавникова С.А. Реальная и грамматическая функция суффиксов в составе географических названий: На примере Новгородских писцовых книг XV—XVI вв. // Статьи и исследования по русскому языку и языкознанию. М., 1971. С. 165—169.

Попов А.И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.

Попов А.И. Следы времен минувших: Из истории геогр. назв. Ленингр., Псков. и Новгород. обл. Л., 1981.

Попов А.И. Топонимика Белозерского края // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. 1948. Вып. 2. С. 164—174.

Попов А.И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Сов. финно-угроведение. 1948. № 1. С. 103—113.

Поповская-Таборская Г. Ономастическая проблематика в этногенетических исследованиях // Сов. славяноведение. 1981. № 1. С. 34—42.

Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971.

Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965.

Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965. С. 64—92.

Ригер Я. Некоторые проблемы польской гидронимии // Congr. intern. des sci. onomastiques, XI. Sofia, 1972. P. 194.

Рихтер Е.В. Материальная культура селу в XIX—нач. XX в.: К вопр. об эти. истории селу: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.; Таллин, 1961.

Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 9—89.

Роспонд С. Miscellanea onomastica rossica // Восточно-славянская ономастика: Исслед. и материалы. М., 1979. С. 5—47.

Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Седов В.В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. М., 1974. Вып. 94. С. 20—33.

Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974.

Седов В.В. Из истории восточнославянского расселения // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН СССР. 1965. Вып. 104. С. 3—11.

Седов В.В. Начальный этап славянского расселения в области

днепровских балтов // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981. С. 45—52.

Седов В.В. Новгородские сопки. М., 1970.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Седов В.В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // Сов. археология. 1961. № 2. С. 103—121.

Серебрянников Б.А. О взаимодействии языков: Пробл. субстрата // ВЯ. 1955. № 1. с. 7—25.

Серебрянников Б.А. О гидронимических формантах -няга, -юга, -уга и -юг // Сов. финно-угроведение. 1961. № 1. С. 59—66.

Серебрянников Б.А. О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера // Там же. 1967. № 3. С. 199—205.

Серебрянников Б.А. Проблема субстрата // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1956. Т. 9. С. 33—56.

Симица Г.Я. Дославянская топонимия Пинежья // Вопросы географии. М., 1962. Вып. 58. С. 85—99.

Словарь нерусских географических терминов и слов, встречающихся в географических названиях // Атлас мира. Указатель географических названий. 2-е изд. М., 1968. С. 507—534.

Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки: Список рек и озер. М., 1976.

Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: Пробл. реконструкции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. М., 1974. Вып. 94. С. 59—69.

Смолицкая Г.П. Некоторые лексические ареалы: По данным гидронимии // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 171—179.

Соколов Н.Н. Говоры Псковской губернии // Тр. Моск. диалектол. комис. 1919. Вып. 8. С. 1—12.

Соколов Н.Н. Народные говоры Новгородской губернии в связи с вопросом о составе и границах северо-великорусского наречия // Рус. филол. вестн. 1914. Т. 71, вып. 2. С. 295—311.

Соловьев В.Ф. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 77. С. 1—60.

Строгова В.П. О некоторых особенностях семантической системы названий рельефа: На материале северо-западных говоров и памятников письменности // Системность русского языка. Новгород, 1973. С. 200—236.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М., 1969.

Суперанская А.В. Терминологичны ли цветные названия рек? // Вопросы географии. М., 1970. Вып. 81. С. 120—127.

Суперанская А.В. Типы и структура географических названий: На материале топонимии СССР // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964. С. 59—118.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985.

Суперанська О.В. Імовірнісна ономастика // Мовознавство. 1971. № 4. С. 35—40.

Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.

Топоров В.Н. К вопросу о балтизмах в славянских языках: Теорет. взгляд // Изв. АН ЛатвССР. 1973. № 2. С. 90—96.

Топоров В.Н. О балтийских следах в топонимике русских территорий // Вопросы литовского языкознания. Вильнюс, 1959. Вып. 2. С. 55—63.

Топоров В.Н. "Baltica" Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 217—280.

Топоров В.Н. Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономастологии // Науч. тр. Курского гос. пед. ин-та. 1974. Т. 21: Проблемы ономастологии, вып. 1. С. 3—75.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Тростников В.Н. Человек и информация. М., 1970.

Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этноинтерпретация. М., 1968.

Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян: Древ. славяне по данным этимологии и ономастики // ВЯ. 1982. № 4. С. 10—26.

Трубачев О.Н. Indoagica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // ВЯ. 1981. № 2. С. 3—21.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Зап. отд. рус. и слав. археологии имп. Рус. археол. об-ва. 1903. Т. 6. С. 58—913.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.

Фролова С.В. О продуктивности йотовой топонимической модели

в древнерусский период: На материале образований от иноязычных имен // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3. С. 268—271.

Хабургаев Г.А. Этнонимия "Повести временных лет" в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

Черепанова Е.А. Географическая терминология Черняговско-Сумского Полесья: Опыт семант. классификации // Полесский этволингвистический сборник. М., 1983. С. 173—189.

Черепанова Е.А. Местная географическая терминология Центра и восточнорусского (Черняговско-Сумского) Полесья // Вопросы географии. М., 1974. Вып. 94. С. 178—184.

Черепанова Е.А. Народная географическая терминология Черняговско-Сумского Полесья. Сумы. 1984.

Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчества и фамилий: Вопр. рус. ист. ономастики XV—XVII вв. М., 1959.

Шлыгина Н.В., Конк У. Водь, ижора и финны Ленинградской области // Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 2. С. 314—328.

Щетинин Л.М. Антропонимический текст как источник исторической информации // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 163—168.

Этимологический словарь славянских языков // Праславянский лексический фонд. М., 1974—1983. Вып. 1—10.

Языковая номинация: Об. вопр. М., 1977.

Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.

Яшкин И.Я. Беларускія геаграфічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.

Яшкин И.Я. Топографическая и гидрологическая лексика Белоруссии и западной части РСФСР // Вопросы географии. М., 1974. Вып. 94. С. 172—177.

Ariste P. Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen // Сов. финно-угроведение. 1971. № 4. С. 251—258.

Ariste P. Mõnda substraadist: Läänemere maade algsete elanike keelte mõjust eesti keelde ja tema sugulaskesituse // Keel ja kirjandus. 1962. N 1. Lk. 13-17.

Ariste P. Über wotische Ortsnamen // Сов. финно-угроведение. 1967. № 2. С. 77—84.

Arumaa P. Ema jõgi ja Lund // Virittäjä. 1960. N 4. S. 307-310.

Arumaa P. Die ostslawischen Gewässernamen mit l-epentheticum // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 47-60.

Arumaa P. Sur les principes et méthodes d'hydronomie russe: Les noms en -roctь // Scando-Slavica. 1960. T. 6. P. 147-174.

Bezljaj F. Slovenska vodna imena. D. 1-2. Ljubljana, 1956-1961.

Borek H. Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem -ьн-. Wrocław, 1968.

Būga K. Aistīškosios kilmės Gudijos vietovardžiai // Tauta ir žodis. Kaunas, 1923. Kn. 1. P. 20-44.

Būga K. Rinktiniai rastai. T. 3. Vilnius, 1961.

Būga K. Die Vorgeschichte der alstischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung // Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924. S. 22-35.

Būga K. Upių vardų studijos ir aišciu bei slavenu senovė // Tauta ir žodis. Kaunas, 1923. Kn. 1. P. 1-44.

Déczy G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

Eichler E. Beiträge zur Erforschung altsorbischer Stammes- und Gaunamen // Beitr. Namenforsch. 1956. Bd. 7, N 1. S. 21-26.

Eichler E. Zur morphematischen Struktur der Substratonomastik // Probleme der strukturellen Grammatik und Semantik. Leipzig, 1968. S. 243-251.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1-2. Heidelberg; Göttingen, 1955-1965.

Górniewicz H. O możliwości rekonstrukcji dawnego krajobrazu, flory i fauny na podstawie toponimii // Poradnik językowy. 1977. Z. 8. S. 337-344.

Grucza F. Probleme der Transposition von fremden Ortsnamen: Zu einer Methode der Lautrekonstruktion // Biul. fonogr. 1968. N 9. S. 105-110.

Grucza F. Semantische Adideation im Bereich der interlingualen Transpositionen topographischer Namen // Lingua Posnaniensis. 1969. N 14. S. 43-54.

Hydronimia Odry: Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. H. Borka. Opole, 1983.

Hydronimia Wisły. Cz. 1. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław etc., 1965.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1919.

Kalima J. Elnige russische Ortsnamentypen // Finnisch-ugrische Forsch. 1944. Bd. 28, H. 1/3. S. 99-150.

Kiss L. Die neuere slawische Hydronymik // Stud. slav. Hung. 1969. T. 15, fasc. 1/2. P. 1-23.

Krahe H. Baltico-Illyrica // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 245-252.

Krahe H. Die Sprache der Illyrer. Wiesbaden, 1955.

Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.

Kripke S. Naming and necessity. Cambridge (Mass.), 1980.

Lutterer I. Chronological value of suffixes in the Czech place-names // Intern. Congr. of onomastic sci., 9th, Univ. College, London, July 3-8, 1966: Proceedings. Louvain, 1969. P. 314-316.

Lutterer I. Zur Entwicklung der Bildungstypen slawischer Ortsnamen // Forschungen zur slawischen und deutschen Namenkunde. B., 1971. S. 8-13.

Mikkola J.J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.

Moora A. Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn, 1964.

Nalepa J. Z badań nad jaćwieskimi relikdami onomastycznymi Połeksza // Studia linguistica slavica baltica Canuto-Olavo Falk. Lundae, 1968. P. 185-202.

Nieckula F. Nazwy miejscowe z sufiksami -ov, -in na obszarze Wielkopolski i Małopolski. Wrocław, 1971.

Nitsche P. Die geographische Terminologie des Polnischen. Köln; Graz, 1964.

Pall V. Põhja-Tartumaa kohanimed. 1. Tallinn, 1969.

Prinz J. Versuch einer orientierenden Bestimmung von Namenräumen in frühostslawischen Bereich // Beitr. Namenforsch. 1969. Beih. 5. S. 7-145.

Rospond S. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957.

Rospond S. Nazewnictwo północnej a południowej Słowiańszczyzny: Possessiva z formantem -jъ // Македонски јазик. 1969. Год. 20. C. 57-93.

Rospond S. O derywacji fleksyjnej w nazewnictwie miejscowym Słowenskim // Onomastica Jugoslavica. Ljubljana, 1970. Sv. 2. S. 30-63.

Rospond S. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -jъ. Wrocław, 1983.

Rospond S. Stratygrafia toponimiczna // Z polskich studiów slawistycznych. W-wa, 1958. S. 159-186.

Rospond S. Die Urslawen im Lichte der Onomastik // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej, 1-y, Warszawa, 14-18/IX, 1965. Wrocław etc., 1968. S. 137-170.

Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.

Rudžite M. Somugrīskie hidronīmi Latvijas PSR teritorijā // Latviešu leksikas attīstība. Rīga, 1968. Lp. 175-197.

Rüke-Draviņa V. Onomastische Modelle im baltischen Sprachraum // Congr. intern. des sci. onomastiques, XI, Sofia, 28 juin-4 juill. 1972: Resumés des comun. Sofia, 1972. P. 58.

Schall H. Kurlisch-sellische Elemente im Nordwestslawischen // Intern. congr. of onomastic sci., 8th, Amsterdam, 1963: Proceedings. The Hague; P., 1966. P. 450-464.

Schmid W.P. Alteuropäisch und Indogermanisch. Mainz, 1968.

Schmid W.P. Baltisch und Indogermanisch // Baltistica. 1976. T. 12 (2). S. 115-122.

Schmid W.P. Zur Geschichte des Formans *āuon-/-āyo-/-ā // Indo-germ. Forsch. 1969. Bd. 74. S. 132-136.

Schmittlein R. Les noms d'eau de la Lituanie // Intern. congr. of onomastic sci., 8th, Amsterdam, 1963: Proceedings. The Hague; P., 1966. P. 469-480.

Schütz J. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. B., 1957.

Šcur G.S. Concerning two approaches in lexical studies // Linguistica. 1976. N 176. P. 31-44.

Skulina T. Staroruskie imiennictwo osobowe. Cz. 2. Wrocław etc., 1974.

Šmilauer V. Osídlení Čech ve světle místních jmen. Pr., 1960.

Sommerfelt A. Some remarks on the importance of a substratum in linguistic development // Miscellanea Homenaje a A. Martinet. Madrid, 1958. Vol. 2. P. 213-216.

Šrdmek R. Teorie onomastiky a roviny propriálního pojmenování // Slovo a slovesnost. 1986. Roč. 47. S. 16-28.

Taszycki W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe // Taszycki W. Rozprawy i studia polonistyczne. 1. Onomastyka. Wrocław; Kraków, 1958. S. 32-148.

Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis zodynas. Vilnius, 1981.

Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.

Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. B., 1941.

Vasmer M. Balten und Finnen im Gebiet von Pskov // Studi baltici. 1933. N 3. S. 27-34.

Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 1-4 // Preuß. Akad. Wiss. S.-Ber. Philos.-hist. Kl. B., 1932-1936. 1—1932. S. 637-666; 2—1934. S. 351-440; 3—1935. S. 507-594; 4—1936. S. 176-270.

Vasmer M. The meaning of Russian river names // Oxford Slavonic Pap. 1956. Vol. 6. P. 44-55.

Vasmer M. Uueks Narva linna vana nimi // Eesti kirjandus. 1920. Lk. 197-203.

Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.

Vințeler O., Oros M. Observații privind delimitarea microtoponimiei de macrotoponimie // Cercet. lingvist. 1969. An. 14, N 1. P. 109-113.

Witkowski T. Die polabischen Ortsnamen mit den Verneinungspartikeln ne oder*ni // Studia linguistica slavica baltica Canuto-Olavo Falk. Lundae, 1966. P. 351-375.

Wójtowicz M. Древнерусская антропонимия XIV—XV вв. Северо-Восточная Русь. Poznań, 1986.

Zaimov J. Класификация и проблематика на водните имена: Въз основа на български материал // Міждунар. славістична конф. опомастична, 1-а: Кsięga referatów. Wrocław etc., 1961. S. 171-180.

Zaimov J. Bulgarische Gewässernamen. 2 // Ztschr. Slawistik. 1961. Bd. 6, H. 2. S. 217-250.

Принятые сокращения

Источники и литература

- Ак.-Юр. — Акты юридические...
Ак.Юр. Кал. — Акты, относящиеся до юридического быта...
Атл.П.г. — Атлас Псковской губернии...
Атл.Рос. — Атлас российской...
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова...
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVIII вв. М.; Л., 1950.
Кат.Р.Укр. — Каталог річок України...
КБЧ — Книга Большому Чертежу...
КО — Подробная карта Российской империи...
КПОС — Картотека Псковского областного словаря (Ленинградский гос. университет, филологический факультет, Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина).
КШ — Специальная карта Западной части Российской империи...
Новг.писц.кн. — Новгородские писцовые книги...
Новглет. — Новгородская первая летопись...
ПЛ — Псковские летописи...
ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1979. Вып. 1—4.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
Рос.атл. — Российский атлас...
Сб.МAMЮ — Сборник Московского архива Министерства юстиции
СГМ — Списки рек и озер по планам Генерального межевания (ЦГАДА, фонды 1355 и 1356).
Сп.н.м. — Списки населенных мест Российской империи...
СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1-20. М.; Л.: Наука, 1965—1985.
СРЯ XI—XVII в. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—9. М.: Наука, 1975—1982.
ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
ЭСЛГ — Этимологичний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ: Наук. думка, 1985. С. 255.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1—10. М.: Наука, 1974—1983.
Vasmer, WRG - *Vasmer M. Wörterbuch der russischen Gewässernamen...*

Названия уездов северо-западных земель (по административному делению XIX в.) и Новгородских пятин XVI в.

Д.п. — Деревская пятина	Нрж. — Новоржевский
В.п. — Водская пятина	Опоч. — Опочецкий
Ш.п. — Шелонская пятина	Осташк. — Осташковский
Белоз. — Белозерский	Остр. — Островский
Бор. — Боровичский	Печ. — Печорский
Валд. — Валдайский	Порх. — Порховский
Влкл. — Великолуцкий	Пск. — Псковский
Вышневол. — Вышневолоцкий	Себеж. — Себежский
Гдов. — Гдовский	Ст.-рус. — Старорусский
Дем. — Демянский	Тихв. — Тихвинский
Кир. — Кирилловский	Тор. — Торопецкий
Крест. — Крестецкий	Уст. — Устюженский
Луж. (Луг.) — Лужский (Лугский)	Холм. — Холмский
Невел. — Невельский	Чер. — Череповецкий
Новг. — Новгородский	Ямбург. — Ямбургский
Новолодож. — Новолодожский	

Другие сокращения

бас. — бассейн	оз. — озеро
бол. — болото	пр. — приток
вслк. — выселок	п.пр. — правый приток
губ. — губерния	пслк. — поселок
дер. — деревня	р. — река
л.пр. — левый приток	руч. — ручей
МГТ — местный географический термин	рч. — речка
нас.п. — населенный пункт	р-н — район
обл. — область	с. — село
о-в — остров	у. — уезд

Оглавление

Введение	3
Глава 1.	
Принципы номинации и словообразование гидронимов Русского Северо-Запада	21
Источники гидронимии Русского Северо-Запада	21
Гидронимы и микрогидронимы	25
Апеллятивы в составе гидронимов	31
Антропонимы в составе гидронимов	68
Структурно-словообразовательные типы гидронимов	80
Глава 2.	
Лингвистическая и этноисторическая интерпретация гидронимов Русского Северо-Запада	118
Методы ономастики и этноисторические исследования	118
Из этнической истории Русского Северо-Запада	134
Проблемы языкового субстрата и гидронимии Русского Северо-Запада	140
Славянская гидронимия Северо-Запада	153
Гидронимия балтийского и индоевропейского типов	185
Финно-угорская гидронимия	209
Источники гидронимии Северо-Запада и смежных областей	235
Список литературы	238
Принятые сокращения	252